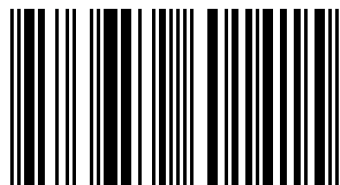

Теории и концепции современной политической науки

В учебном пособии раскрыто содержание наиболее значимых политических теорий и концепций, отражающих стремительную трансформацию мирового социума и становление полицентрического мироустройства. Работа позволяет получить представление об истории и современном состоянии политической науки. Она содержит информацию о научных биографиях выдающихся политических философов и политологов, чей вклад в теорию и методологию существенно обогатил политическое знание. При подготовке работы использованы исследования ведущих учёных, прежде всего американских, оставивших наиболее глубокий след в изучении политики. Цель предлагаемой книги - формирование у студентов и всех интересующихся политической проблематикой целостного знания о сложном и противоречивом мире политики, логике его развития в условиях глобализации

Сирота Наум Михайлович. Доктор политических наук. Кандидат философских наук. Профессор Санкт-Петербургского Государственного университета аэрокосмического приборостроения. Специалист в области политической науки, геополитики и социологии.

978-3-659-60141-5

Учебное пособие

Наум Сирота

Теории и концепции современной политической науки

Учебное пособие

Сирота

Palmarium
academic publishing

Наум Сирота

Теории и концепции современной политической науки

Наум Сирота

**Теории и концепции современной
политической науки**

Учебное пособие

Palmarium Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

Palmarium Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

OmniScriptum GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@palmarium-publishing.ru

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-60141-5

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2015 OmniScriptum GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2015

Содержание

Введение.....	3
Глава 1.	
Становление и развитие политической науки.....	5
1.1. Создатели политической науки.....	6
1.2. Основные направления и школы в развитии политической науки.....	17
Глава 2.	
Концепции тоталитаризма и «открытого общества».....	25
2.1. Концепция тоталитаризма в политической науке.....	25
2.2. Формирование концепции тоталитаризма.....	26
2.3. Эволюция представлений о тоталитаризме.....	36
2.4. Дискуссии по проблематике тоталитаризма.....	40
2.5. Концепция «открытого общества» К.Поппера.....	44
Глава 3.	
Теории демократии и транзитологии.....	47
3.1. Понятие и модели демократии.....	47
3.2. Концепции демократизации как глобального процесса.....	58
3.3. Теории демократического транзита.....	68
Глава 4.	
Современные политико-прогностические концепции.....	75
4.1. А.Тоффлер о сдвигах в природе и качестве власти.....	77
4.2. Цивилизационный подход к мировой политике С.Хантингтона и П.Бьюкенена.....	80

4.3 Политическая прогностика Ф.Фукуямы.....	87
4.4. Футурологические концепции мондиализма: истоки, эволюция, и современные версии.....	91
Глава 5.	
Теоретические школы в исследовании мировой политики и международных отношений.....	109
5.1. Доминирующие школы: идеализм и политический реализм.....	109
5.2. Неореализм и идеализм: тенденция к синтезу.....	121
5.2.Марксизм и неомарксизм.....	125
5.3. Отечественные подходы к исследованию мировой политики.....	128
Глава 6.	
Концепция и политика «гуманитарных интервенций».....	135
6.1. Феномен гуманитарного интервенционизма.....	136
6.2. Современная практика гуманитарных интервенций.....	138
Библиография.....	149
Персоналии.....	159

ВВЕДЕНИЕ

Современные концепции и теории – важный пласт политологического знания. В предлагаемом учебном пособии они рассматриваются в преемственной связи с изученными ранее политическими учениями и в контексте динамичных процессов современного мира.

Главное внимание уделено наиболее значимым теориям и концепциям, оказывающим существенное влияние на становление мировой политической мысли и осуществление практической политики. Пособие может быть использовано студентами политологических отделений для расширения профессионального кругозора, выработки навыков самостоятельного анализа текущих политических событий и оценки их различных интерпретаций. Широкий круг читателей найдёт в нём информацию, необходимую для осмысления новых явлений и процессов глобализирующегося мира, формирования собственной мировоззренческой позиции.

Источниковую базу работы составили исследования учёных, заложивших фундамент современной политической науки, - М.Вебера, В.Парето, Г.Моска, Р.Михельса, публикации ведущих западных политологов последних десятилетий – Х.Арендт, Р.Арона. Зб. Бжезинского, П.Бьюкенена, И.Валлерстайна, Р.Даля, Ф.Закарии, А.Лейпхарта, Х.Линца, Г.О'Доннелла, К.Поппера, А.Пшеворского, Д.Растоу, А.Тоффлера, К.Фридриха, Ф.Фукуямы, С.Хантингтона, Ф.Шмиттера и др. При подготовке пособия использованы также исследования известных отечественных учёных - Т.А.Алексеевой, А.Г.Арбатова, В.Л.Иноземцева, Ю.А.Красина, А.Ю.Мельвиля, В.И.Пантина, С.П.Перегудова, Д.В.Тренина, К.Г.Холодковского. П.А.Цыганкова, А.П.Цыганкова, Л.Ф.Шевцовой и др. Принималась во внимание также обширная учебная литература по политологии, опубликованная в последние годы.

Материалы пособия апробированы автором в ряде вузов г. Санкт-Петербурга и многочисленных изданиях. Публикуя книгу, автор стремится внести посильный вклад в формирование демократической политической культуры российского общества.

Структурно работа состоит из шести глав. В первой главе рассматриваются основные этапы становления политической науки и характеризуются её направления. В последующих главах раскрыто содержание наиболее значимых теорий и концепций современного политического знания.

ГЛАВА 1.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Центральное место в политической науке занимает феномен власти, вокруг которого концентрируется особая сфера социальной жизни – политика и политические процессы. Логика становления политической науки – постепенный переход от описания и сравнения институтов власти к анализу власти как таковой.

Политическая наука формировалась в русле позитивизма – одного из главных направлений философии XIX-XX веков. Позитивизм и связанный с ним сциентизм ориентировали социальные науки на количественные методы исследования, на построение моделей и использование методов естественных наук, особенно математики, на освобождение от ценностей. Широкое хождение имел постулат о том, что политическая наука должна оставить морально-этические вопросы философии и заниматься преимущественно описанием и анализом поведения участников политического процесса.

Ранняя политическая наука отпочковалась от юриспруденции и по существу была государствоведением. Она занималась изучением основных институтов политической системы – парламента, исполнительной власти, административных учреждений и т.п.

Однако вскоре обнаружилось, что для осмысления политических процессов необходимо изучать ценности и установки широких слоёв населения, их политическое поведение. Важной вехой в становлении политической науки стала разработка бихевиористского (behavior – поведение) направления в позитивизме, ставившего в центр исследований поведение человека в различных сферах общественной жизни, в том числе и политической.

В дальнейшем были установлены междисциплинарные связи политической науки с другими общественными науками – социологией,

психологией, культурологией, историей, этнографией. Появились новые возможности для исследования разнообразных социальных процессов и массовых движений.

Политическая наука представлена широким спектром школ и направлений, исследующих различные аспекты расширяющейся политической реальности с использованием разнообразного методологического инструментария. Она развивалась путём критического переосмысления существующих парадигм и поиска новых, способных объяснить реалии, обусловленные процессами глобализации и становления постиндустриального общества.

1.1. Создатели политической науки

У истоков мировой политической науки стояли такие видные учёные, как Макс Вебер (1864-1920), Вильфредо Парето (1848-1923), Гаэтано Моска (1858-1941) и Роберт Михельс (1876-1936). Существенно отличались их научные интересы и подходы к изучению рассматриваемых проблем.

Свои политологические воззрения М.Вебер изложил в работах «Протестантская этика и дух капитализма»(1905) и «Политика как призвание и профессия»(1918). Его научное творчество и в настоящее время обладает значительным эвристическим потенциалом.

М.Вебер не признавал предопределённости в историческом процессе и поэтому был противником сведения многообразия связей и взаимовлияний к какой-то одной основной причине. С этих позиций он отвергал мысль К.Маркса о детерминирующей роли экономического фактора в общественном развитии

В работе «Протестантская этика и дух капитализма» М.Вебер убедительно доказал, что возникновение капитализма в Европе имело не только социально-экономические, но и духовные предпосылки. Особенно значимой была роль протестантской религиозной этики, основные принципы которой (трудолюбие, бережливость, честность, расчётливость) во многом способствовали развитию предпринимательства и «духа капитализма».

М.Вебером были разработаны теории политической власти и лидерства, рациональной бюрократии и её роли в современном сложноорганизованном обществе. М.Вебер рассматривал политику как область общественных отношений по поводу власти будь-то внутри государства или между государствами. Она представляет собой, с одной стороны, *предприятие*, аппарат легитимного, (т.е. признанного большинством общества) господства, а с другой – специфическую *профессиональную деятельность*, пронизывающую всю общественную жизнь.

В зависимости от своего места в общесоциальном предприятии люди и их объединения делятся на три разряда: 1) «политиков по случаю», т.е. индивидов, в качестве избирателей участвующих в таком предприятии; 2) «политиков по совместительству» (партийные активисты, для которых политика не составляет главную область приложения сил); 3) «профессиональных политиков» (государственных деятелей и чиновников, освобождённых партийных функционеров и т.д.).

Решающими качествами для политика М.Вебер считал три – *страсть, чувство ответственности и глазомер*. Страсть – это ориентация на существо дела с полной самоотдачей. Ответственность – главная путеводная звезда политической деятельности, решающее психологическое качество политика. Глазомер – способность к внутренней собранности и спокойному восприятию реальности.

В политике, по мнению М.Вебера, существуют три смертных греха: *тщеславие, уход от существа дела и безответственность*. Последний из грехов проявляется в наслаждении властью как таковой, вне содержательной цели. Бахвальство выскочки и тщеславное любование властью А.Вебер считал особенно пагубным и опасным¹.

Таким образом, согласно М.Веберу, политика в виде сферы общественной жизни формируется лишь с возникновением государственно-административного аппарата как «штаба политического предприятия» всего общества, а также с обособлением управленческой деятельности в особую профессию, связанную с контролем над властью и её распределением.

При анализе эмпирического материала М.Вебер пользовался понятием «идеальный тип». Идеальность понималась не как совершенство или норма, а схема, абстракция, позволяющая классифицировать явления.

М. Вебером было введено в политическую науку понятие «легитимность» и предложена классификация на три «идеальных типа» - традиционную, харизматическую и рациональную. Он обращал внимание на условность и подвижность границ между этими типами, признавал и смешанную легитимность.

Первый тип легитимности, по М.Веберу, – *традиционная легитимность*, которая основывается на вере в обычаи и традиции, нередко освящается авторитетом патриархальных устоев.

Второй тип – *харизматическая легитимность*. Слово «харизма» в переводе с греческого языка означает «божественный дар». Этот тип легитимности основан на популярности политического деятеля, авторитет которого освящает институты власти, способствует их признанию и принятию населением.

---

¹ Вебер М. Избранные произведения. М.. 1990. С.706.

Согласно М.Веберу, главная проблема харизматической легитимности – наследование власти. Харизма – качество личное и не может передаваться так же легко, как традиционная легитимность. Вместе с тем он считал возможной так называемую «рутинизацию харизмы», проявляющуюся в замене харизмы вождей харизмой институтов и должностей.

Третий тип легитимности – *рациональная легитимность*. Она опирается на признаваемые народом законы, в рамках которых избираются и действуют представители власти.

Анализируя проблематику рациональной легитимности, М.Вебер особое внимание уделил аппарату власти, т.е., бюрократии. В разработанной им теории бюрократии сформулированы основные требования к чиновничеству, актуальные и сегодня.

Согласно М.Веберу, чиновник должен:

- 1) быть отделен от собственности на средства управления и должности, подчиняться только служебному долгу;
- 2) действовать в рамках устойчивой служебной иерархии;
- 3) иметь четко определенную сферу компетенции и власти;
- 4) работать в силу контракта (на основе свободного выбора);
- 5) работать в соответствии со специальной квалификацией;
- 6) вознаграждаться постоянными денежными окладами;
- 7) рассматривать свою службу как единственную или главную профессию;
- 8) предвидеть свою карьеру;
- 9) руководствоваться принципом безличности, то есть системой правил, рекомендаций и инструкций, сохраняя полнейшую беспристрастность;
- 10) подчиняться единой служебной дисциплине и контролироваться служебной иерархией.

Бюрократию, отвечающую перечисленным параметрам, М.Вебер называл «рациональной», в отличие от «иррациональной» бюрократии традиционных обществ. Чтобы избежать превращения бюрократии в замкнутую касту, стоящую над обществом и неспособную к инновациям, он

предлагал осуществлять регулярную ротацию управленцев и обеспечивать контроль над ними со стороны политических институтов.

М.Вебер обратил внимание на усиливавшуюся бюрократизацию общественной жизни. Этот процесс, по его мнению, открывал перспективу конфликта между бюрократией и демократией.

Придерживаясь элитарных воззрений, М.Вебер по существу отрицал возможность создания демократического устройства. Народу он в лучшем случае отводил выбор между элитами. По его мнению, господствующее меньшинство с аппаратом управления и подчинёнными массами составляют необходимые элементы структуры господства.

В работе «Экономика и общество» (1922) М.Вебер анализировал феномен «прямой демократии», под которой понимал систему принятия решений, предполагающую непосредственное участие граждан. Такую систему он считал эффективной в организациях, отвечающих следующим условиям:

- 1) организация должна носить локальный характер и состоять из небольшого числа лиц;
- 2) социальное положение членов организации не должно слишком различаться;
- 3) административные функции должны быть относительно простыми и неизменными;
- 4) исполнение функций предполагает минимальную подготовку исполнителей.

Одним из первых М.Вебер констатировал парадокс демократии: результатом вовлечения масс в социально-политическую жизнь становится

возникновение большого числа организаций, которые затем играют деструктивную роль в функционировании демократической системы.

М.Веберу принадлежат оригинальные суждения по вопросу о влиянии на политику и власть социальной структуры общества. Он выделял три аспекта социально-классовой стратификации и, следовательно, три источника политической власти – класс, статус и партию.

Первый аспект стратификации, связанный с понятием «класс», отражает экономические отношения между людьми. В отличие от К.Маркса М.Вебер считал, что классовая принадлежность определяется не только контролем над средствами производства, но и экономическими различиями, не вытекающими из отношений собственности, например, профессиональными и квалификационными.

Согласно М.Веберу, отношения между классами не сводятся к борьбе за власть, классы могут иметь общие интересы в политике и строить свои отношения на принципах сотрудничества, решая проблемы распределения капиталовложений, налогообложения, занятости и т.д. Если так называемый «средний класс» рассматривался марксизмом как исчезающий, то М.Вебером – как основа гражданского общества и социальная база политической стабильности.

Второй аспект стратификации, согласно концепции М.Вебера, представлен понятием статуса. Он зависит от престижа индивида в обществе. Кроме того он характеризует субъективную самооценку индивида в сопоставлении с социальным положением других индивидов и групп.

Наконец, по мнению М.Вебера, источником власти кроме классовой принадлежности и статуса могут быть *институциональные различия, выражаемые понятием «партия»*. В данном контексте этот термин предполагает причастность индивидов или групп к различным политическим, в том числе партийным структурам.

М.Вебер внёс заметный вклад в создание партологии – науки о партиях как инструменте распределения власти. В зависимости от того, что служило основой для создания партий он делил их на патронажные и идеологические. По структуре и способам обеспечения власти внутри партий различал партии формально-правовые и традиционалистские.

После прихода к власти большевиков М.Вебер позиционировал себя в качестве их противников. В докладе «О социализме» (июнь 1918 г.) он отождествил понятие большевизм с государственно-бюрократическим капитализмом и диктатурой бюрократии. В ноябре того же года он охарактеризовал большевизм как главную опасность для немецкой нации и призвал к подавлению революционных выступлений рабочих в Германии.

Тему политической власти развивают теории политических элит, которые возникли в конце XIX – начале XX века. Их создатели В.Парето, Г.Моска и Р.Михельс исходили из того, что при любой форме власти меньшинство, наделенное особыми достоинствами, руководит массами. В.Парето назвал его элитой, а Г.Моска – политическим классом.

Итальянский ученый **Вильфредо Парето** был первым, кто ввёл в научный оборот слово «элита» и сделал элиту объектом научного анализа. Его основные работы - «Подъём и падение элит» (1899), «Трактат по общей социологии» (1916), «Трансформация демократии» (1921).

Принадлежность к элите В.Парето определял выдающимися качествами людей, обеспечивающими им власть. Ценностный подход к элите стал отправной точкой для обоснования закона «круговорота элит».

В.Парето различал элиту «менеджеров», приспособленную к динамичным ситуациям, и элиту «рантье», функционирующую в обычных ситуациях. В этой типологизации он исходил из идеи Н.Макиавелли об элитах-«львах», жестких правителях, использующих силовые методы, и

элитах-«лисах», сторонниках гибких методов руководства, владеющих искусством убеждения людей и проведения политических комбинаций.

В.Парето считал, что элиты имеют тенденцию к упадку. Их замкнутость и закрытость препятствуют пополнению личностями с необходимыми качествами. Происходят изменения и в психологических чертах элиты: на смену «новаторам» приходят «консолидаторы». Параллельно с деградацией правящей элиты вызревает контрэлита, которая в результате революций и переворотов приходит к власти.

По мнению В.Парето, вся человеческая история – это история постоянной смены элит. Свою теорию он рассматривал как альтернативу марксистскому тезису о классовой борьбе как движущей силе общественного прогресса.

Итальянский политолог и социолог **Гаэтано Моска** – один из основателей эмпирической политологии. Основные произведения «Теория правительства и парламентское правление. Исторические и социальные исследования» (1884) «Основы политической науки» (1896), «История политических доктрин» (1936), «Правящий класс» (1939).

Г.Моска ввёл в политическую науку понятие «политический класс». Важнейшими его характеристиками он считал монопольное владение властью и использование ее преимуществ, наличие организации.

Г.Моска констатировал неоднородность правящего класса, проявляющуюся в наличии малочисленного высшего начальства – ядра элиты и низшего слоя, выполняющего роль посредника между правящим классом и управляемыми гражданами. В обязанности низшего слоя входит проведение в жизнь воли правящего слоя и оправдании его перед обществом. Качествами этого слоя во многом определяется стабильность политической системы.

Согласно Г.Моска, в развитии политического класса действуют две тенденции – аристократическая и демократическая. Первая проявляется в его стремлении стать наследственным если не юридически, то фактически. Возобладание этой тенденции ведет к его вырождению и в конечном счете к активизации борьбы новых социальных слоев за господствующие позиции в обществе.

Вторая, демократическая тенденция выражается в обновлении политического класса за счет наиболее способных к управлению и активных представителей низших слоев. Такое обновление предотвращает деградацию элиты, делает ее способной к эффективному руководству обществом. Для общества наиболее желательно равновесие между аристократической и демократической тенденциями, поскольку оно обеспечивает как преемственность и стабильность руководства страной, так и процесс ее модернизации.

Концепция политического класса Г.Моска подверглась обоснованной критике за абсолютизацию роли политического фактора в социальном структурировании общества и недооценку экономики. Вместе с тем объективно она во многом была реализована в странах социализма, где политика приобрела господствующее положение над другими сферами общества, а в лице номенклатуры сформировался описанный Г.Моской политический класс.

В 20-30-х гг. теории элит были подхвачены фашистскими политиками, особенно Б.Муссолини. Однако родоначальники элитологии подчёркивали, что политические элиты должны складываться из лучшего «человеческого материала» и не признавали элитарности господствовавших фашистских партий.

Австрийский ученый **Роберт Михельс** применил основные положения элитарных теорий к анализу политических партий. В книге «Социология

политических партий в условиях демократии» (1911) он исследовал проблему «партийная элита – партийные массы» и на примере социал-демократических партий обосновал так называемый «железный закон олигархических тенденций».

Суть закона состоит в том, что общественный прогресс невозможен без создания крупных организаций, руководство которыми не может осуществляться всеми их членами. Эффективность деятельности этих организаций требует функциональной специализации и рациональности, выделения руководящего ядра и аппарата, которые постепенно и неизбежно сосредотачивают власть в своих руках и подчиняют политику собственным интересам. В результате любой, даже демократической организацией всегда правит олигархическая группа, заинтересованная в привилегиях и безразличная к нуждам рядовых членов.

Из действия «закона олигархических тенденций» Р.Михельс сделал пессимистический вывод о невозможности демократии. По его мнению, факторы, препятствующие осуществлению демократии, с большим трудом поддаются систематизации, так как коренятся в сущности человеческой природы и политической борьбы.

Таким образом, кроме аксиологического (ценностного) подхода к выделению элит, представленного В.Парето, существует и структурно-функциональный подход. Если сторонники первого подхода объясняют существование элиты определенными качествами личностного плана, то сторонники второго связывают элитарность с формальным механизмом власти.

Рассмотренные классические теории элит объединяются следующими положениями:

- любому обществу присуща элитарность, в основе которой лежат естественные различия людей – умственные, физические, психологические, моральные;
- элита характеризуется особыми политическими и организаторскими качествами, внутренне сплочена;
- элита внутренне неоднородна и состоит из высшего слоя, составляющего её динамическое ядро, и низшего, значительно более многочисленного, являющегося резервуаром для пополнения высшего слоя и связующим звеном между ним и обществом;
- элита избегает контроля со стороны большинства вне зависимости от наличия демократических процедур, которые должны формально его обеспечить, включая выборы;
- доступ в элиту возможен на условиях, диктуемых самой элитой;
- массы признают право элиты на власть, то есть её легитимность;
- власть элиты обладает кумулятивными свойствами, т.е. накапливается по мере осуществления;
- элиты сменяют друг друга в борьбе за власть, поскольку власть добровольно никто не уступает.

В конце 30-х – начале 40-х гг. в теории элит возникли новые тенденции. Немецкие социологи К.Мангейм и И.Шумпетер стремились совместить идеи политически активного меньшинства и плюралистической демократии. На этой основе в Европе и США сформировались концепции неозелизма, наиболее известными представителями которых являются Дж.Сартори и Ч.Р.Миллс.

Основные идеи неозелизма таковы:

- элиты конкурируют между собой в борьбе за власть, а общество является арбитром в этом соперничестве;

- открытость и обновляемость элит позволяют обществу воздействовать на них.

В трудах отечественных и зарубежных элитологов политические элиты в их функциональном измерении определяются как сообщества лиц, формулирующие принципиально важные смыслы (идеи, проекты программы, образы будущего) и принимающих стратегические политико-управленческие решения для их реализации. К мировым элитам относят группы лиц, оказывающие фундаментальное влияние на глобальные процессы через систему координирующих их деятельность международных сетевых организаций и структур (Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия и др.)².

1.2. Основные направления и школы в развитии политической науки

В первой половине XX века определяющей тенденцией в развитии политической науки, прежде всего в США и Великобритании, являлся акцент на исследовании конкретных мотиваций человека, побуждающих его к определённому политическому поведению и принятию решений. Интерес к этой проблеме был вызван экономическими, социальными и политическими потрясениями 20-30-х гг. в Европе, которые дали мощный импульс к развитию **поведенческого (бихевиористского) направления** в политической теории. Создателями этого направления принято считать учёных Чикагского университета Чарльза Мерриама (1874 – 1953) и Гарольда Лассуэлла (1902 – 1978).

Работа Ч.Мерриама «Новые аспекты политики»(1925) послужила началом поведенческого (бихевиористского) направления в исследовании

² См.: Ашин Г.К. Понятие «элита» и его роль в политических исследованиях <http://www.academynrb.info/html/ref/20050806.htm>; Элиты и общество в сравнительном измерении: сб.ст./ Под ред. О.В. Гаган-Голутвиной. М., 2011; Колеман Дж. Комитет 300. Тайны мирового правительства / пер. с англ. Четвертое изд. М., 2012.

политических процессов. Согласно Ч.Мерриаму, единицей измерения политической реальности является «политический человек» и его воля властвовать. Для характеристики уровня политической практики вводился термин «политическое благоразумие».

Ч.Мерриам, его ученик Г.Лассуэлл и английский политолог Дж.Кэтлин в 30-е годы предприняли попытку вывести структуру политических отношений из «естественной» сущности человека. В 60-е годы их сменило «второе» поколение исследователей бихевиористов, представленное такими видными теоретиками как Д.Трумэн, Д.Истон, Р.Даль и др.

Подобно представителям европейской политической философии XVI-XVIII вв., бихевиористы исходят из тезиса о неизменной и всемогущей природе человека как детерминанте системы социально-политических отношений любого общества в любой исторический период. Поэтому задача политической науки видится в объяснении явлений политической жизни, исходя из естественных свойств человека и закономерностей его поведения. В отличие от просветителей XVIII в. бихевиористы отказались от моральной оценки политических проблем, рассматривая их как исключительно естественные.

Поведение в бихевиоризме определяется как взаимосвязь «стимула» и «реакции». В качестве главного мотива политического поведения рассматривается интерес. Задача политической науки сведена к описанию наблюдаемого политического поведения и разнообразных взаимодействий.

Заслуга бихевиоризма состояла прежде всего во внедрении в политологию методов точных наук (математики, статистики и т.д.), что расширило сферу применения анкетирования, опроса, моделирования. Бихевиоризм стал основой для создания прикладной политологии.

Существенными недостатками бихевиоризма являются анализ поведения вне его моральной оценки, чрезмерный акцент на технике исследования³.

С 20-х гг. широкое применение в политологии и других общественных науках нашёл психоанализ – влиятельное направление в психологии, в рамках которого исследуются бессознательные процессы в психике человека. Психоанализ дал возможность по-новому взглянуть на политические процессы и институты и тем самым расширить горизонты исследования политики. Вместе с тем акцент фрейдистски ориентированных политологов на подсознательных мотивах политической деятельности предопределил недооценку иных факторов – экономических, социальных и культурных, обусловил определённую односторонность их позиций.

Существенный вклад в политический психоанализ внёс Г. Лассуэлл. В работе «Психопатология и политика» (1930) он, следуя методологии З.Фрейда, исследовал влияние скрытых, подсознательных побуждений на политическую активность личности.

Согласно Г.Лассуэллу, истинные причины политических действий коренятся в наиболее древних пластах человеческой психики – бессознательных и сексуальных по своей природе. Они камуфлируются респектабельной терминологией общественного интереса. Сам политический актер может и не догадываться об этих мотивах, но ученый-психоаналитик должен их выявлять.

При изучении вопросов власти Г.Лассуэлл высказал гипотезу о стремлении к ней как субъективной компенсации физической или духовной неполноценности. Власть, как он полагал, позволяет преодолеть низкое самоуважение.

---

³ Ирхин Ю.В. Достижения и ограничения бихевиоризма и постбихевиоризма // Социально-гуманитарные знания. 2009. №1. С.95-111

Главную задачу политической науки Г.Лассуэлл видел в исследовании вопроса о распределении ценностей в обществе. Если в экономической сфере производятся материальные ценности, в сфере культуры – духовные, то в политической сфере ценности не производятся, а распределяются. Кто, что, когда и как получает – это, согласно Г.Лассуэллу, коренной вопрос при анализе политических действий и политического процесса.

Г.Лассуэлл обозначил достаточно чёткий психологический портрет сторонника демократии: открытость личности, критичность мышления, способность ориентироваться на несколько ценностей сразу, доверять окружающим и т.д.

Значительное внимание Г.Лассуэлл уделил проблематике пропаганды и роли средств массовой коммуникации в оформлении, распространении и воспроизводстве политической власти. Пропаганду он трактовал как продуманный набор символов, распространяемых с целью оказать влияние на поведение масс.

Концепция власти, разработанная Г.Лассуэллом, в 50-60-х гг. была развита сторонниками системного направления в политологии. Дэвид Истон (1917 - 2014 г.) в работах «Политическая система» (1953) и «Системный анализ политической жизни» (1965), как и Г.Лассуэлл, рассматривал политику как авторитарное распределение ценностей. Соответственно политическая система трактовалась как совокупность взаимодействий по поводу этого распределения, механизм предотвращения конфликтов, возникающих в этом процессе.

Системное направление в политической науке пыталось преодолеть ограниченность бихевиоризма, связанную с акцентированием поведенческих аспектов конкретных индивидов и утратой целостности восприятия общества и политики. Разработка системного подхода связана с именами американских

представителей структурно-функционального анализа Т.Парсонсом(1902-1979) , Д.Истоном (1917 – 2014) и Г.Алмондом (1911- 2002).

Талкотт Парсонс рассматривал общество как систему, интегрирующую социальные действия людей и состоящую из подсистем, каждая из которых обладает специфическими функциями. Политика осуществляет *функцию целедостижения*. Политическая подсистема, включающая властное начало, призвана обеспечивать организацию людей для эффективного осуществления коллективных действий с целью достижения общих целей.

Идеи Т.Парсонса о политике как относительно самостоятельной подсистеме общественной жизни стали основой её системного анализа. Дэвид Истон в работах «Политическая система» и «Системный анализ политической жизни» заложил научную традицию рассмотрения политики через так называемые прямые и обратные связи политической системы с внешней социальной средой.

Среда даёт импульсы на своего рода «входе» в политическую систему, последняя же вырабатывает решения и реализует их, условно говоря, на «выходе». Таким способом политическая система обеспечивает управление обществом.

В работе «Политика развивающихся регионов» (1968) Габриэль Алмонд называет такие функции «входа» политической системы, как: 1) политическая социализация, т.е. приобщение членов общества к политической деятельности; 2) политическое рекрутирование – отбор людей для заполнения различных структур системы; 3) артикуляция интересов, т.е. выдвижение требований к тем, кто вырабатывает решения; 4) агрегирование интересов – согласование и обобщение требований, превращение их в некую позицию, придание ей вида политической платформы; 5) политическая коммуникация; 6) различные виды взаимодействий, в т.ч. информационные. К функциям «выхода» политической системы Г.Алмонд относил: 1) нормотворчество, т.е.

разработку правил и законов, регулирующих поведение; 2) применение правил и процедур введения их в действие; 3) контроль за соблюдением правил; 4) истолкование законов и пресечение акций, нарушающих их.

Подход Г. Алмонда к изучению политической системы учитывал не только внешние, но и внутренние импульсы, поступающие от её структур. Исходя из социокультурных факторов, он различал политические системы англо-американского и европейско-континентального типов, доиндустриальные и частично индустриальные, тоталитарные.

Системный подход использовался для сравнения различных типов обществ и социальных институтов. Методология сравнительных исследований была развита усилиями Г.Алмонда, А.Пшеворского, Н.Смелзера, М.Догана и др.

К 1980-м гг. стали очевидными недостатки как бихевиоризма, так и системно-функционального подхода. Первый фактически сводил политику к индивидуальному поведению. Второй создавал слишком абстрактные схемы, практически не поддававшиеся верификации, т.е. проверке фактами, эмпирическими исследованиями.

С целью преодоления этой односторонности в рамках системного направления складывается новый теоретико-методологический подход – *неоинституционализм*. Его приверженцы исследуют политические институты с точки зрения взаимосвязи формальных и неформальных правил игры (Д.Марч, Д.Олсен.).

В минувшие десятилетия велась активная разработка актуальных политических проблем и процессов. Положено начало исследованию авторитарных и тоталитарных режимов (Х.Арендт, К.Фридрих, З.Бжезинский, Р.Арон, Л.Шапиро) и сформулирована концепция «открытого общества», основанного на эффективном использовании и защите демократии (К.Поппер). Дальнейшее развитие получает теория демократии (Р.Даль, А.Лейпхарт,

С.Хантингтон, Ф.Фукуяма и др.). Значительное внимание уделяется феномену гражданского общества (Дж.Коэн, Э.Арато, В.Остром). Исследуется проблематика политической стабильности и модернизации (Р.Даль, С.Хантингтон). Изучается феномен политической культуры и её специфики в разных странах (Г.Алмонд, С.Верба, Р.Таккер и др.). Анализируются партийно-политические системы и их роль в политическом процессе (М.Дюверже, Р.Дарендорф, Л.Коузер и др.). Существенное место уделяется выборам и электоральному поведению (С.Липсет, С.Роккан). Активно развивается международно-политическая теория и политическая глобалистика (Г.Моргентау, З.Бжезинский, Г.Киссинджер, К.Уолтс и др.). Разрабатываются концепции «общей теории конфликтов», изучаются международные конфликты (Б.Броди, Й.Галтунг) и способы их урегулирования и разрешения, особенно переговоры (Р.Фишер, У.Юри). Активно исследуется проблематика транзитологии, изучающей процессы становления новых демократических государств (А.Лейпхарт, Д.Линц, Ф.Шмиттер, А.Пшеворский и др.).

Первой по времени возникновения и наиболее продвинутой национальной школой политической науки является американская. С 1903 г. функционирует Американская ассоциация политической науки, положившая начало возникновению подобных ассоциаций в международном масштабе.

Особенностью американской политической науки 50-80-х гг. было значительное усиление советологической направленности, проявившейся в резко возросшем количестве советологических центров, расширении проблематики советологических исследований. Со второй половины 80-х гг. в рамках американской советологии обозначились новые подходы, которые в конечном счёте (после распада СССР) привели к её трансформации в новую область знания – россиеведение.

Ныне американские политологи акцентируют внимание на анализе сложнейших проблем современности и их влиянии на политику – постмодерне, глобализации, информационной революции, столкновении

цивилизаций и культур, противоборстве между демократическими и авторитарными тенденциями мирового развития.

Зарубежные исследователи отмечают три взлёта в развитии политической науки в XX веке. *Первый* из них приходится на межвоенное десятилетие и связан с деятельностью Чикагской школы эмпирических исследований, в которых существенное внимание уделялось психологической и социологической интерпретации политики. *Второй взлёт* в развитии политических исследований произошёл в первые послевоенные десятилетия (примерно до середины-конца 70-х гг.) и ознаменовался повсеместным распространением «поведенческого» (бихевиористского) подхода к изучению политики. Роль ведущего центра политических разработок перешла от Чикагского к Мичиганскому, Колумбийскому, Йельскому и другим университетам США. *Третий взлёт* политической науки в XX в. был обусловлен введением логико-математических методов исследования и обработки данных⁴.

Значительный вклад в осмысление политических реалий глобализирующегося мира вносят Всемирные конгрессы политологов, которые с 1950 г. регулярно проводит Международная ассоциация политической науки. На конгрессах подводятся итоги развития политической науки за трехлетний период между очередными конгрессами, обсуждаются глобальные, региональные и внутринациональные политические процессы, предпринимаются попытки прогнозирования будущего, предлагаются способы решения ключевых проблем человечества.

---

⁴ См.: Политическая наука: новые направления / Под ред. Р.Гудина, Х.-Л. Клингемана. Пер. с англ. М., 1999. С.69-112

ГЛАВА 2.

КОНЦЕПЦИИ ТОТАЛИТАРИЗМА И «ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА»

2.1. Концепция тоталитаризма в политической науке

Термин «тоталитаризм» в 1925 г. ввел в лексикон философ Джованни Джентиле, сподвижник вождя итальянских фашистов Бенито Муссолини. За несколько лет он стал одним из наиболее часто употребляемых самим Б.Муссолини, особенно в сочетании с термином «тоталитарное государство», характеризовавшем политическую систему итальянского фашизма. В официальной программе фашизма, написанной Д.Джентиле и Б.Муссолини, термин фигурировал как обозначение фашизма в целом и фашистского государственного строя.

В Германии термин «тоталитаризм» употреблялся редко. А. Гитлеру больше импонировал термин «авторитарный», а он сам даже в лексиконе не хотел выглядеть идейным эпигоном Б.Муссолини.

В СССР термин «тоталитаризм» употреблялся перед Второй мировой войной для характеристики фашистских режимов. Использование же его за рубежом в отношении Советского Союза расценивалось как средство разжигания «холодной войны».

В Соединенных Штатах уже в конце 20-х годов нацистское движение и Советский Союз с помощью термина «тоталитаризм» характеризовались как политические явления, контрастировавшие с парламентскими системами Запада. Перед Второй мировой войной этот термин употреблялся по отношению к фашистской Италии, нацистской Германии и Советскому Союзу как однопартийным государствам.

После Второй мировой войны употребление термина стало постоянным, универсальным и нередко неточным. Помимо СССР, нацистской Германии и фашистской Италии им стали обозначать режимы государств-сателлитов СССР и возглавляемых диктаторами стран «третьего мира». Более того, его начали прилагать к древней Спарте, Римской империи времен Диоклетиана, Японии эпохи Мейдзи, царской России и т.д.

2.2. Формирование концепции тоталитаризма

Проблематика тоталитаризма начала активно разрабатываться в 30-е годы эмигрантами из России и стран Центральной Европы. В частности, интерпретация тоталитаризма как особого рода идеократии была предложена мыслителями русского зарубежья Н.А.Бердяевым, И.А.Ильиным, П.Б.Струве, Г.П.Федотовым, С.Л.Франком и др. Сторонники этого подхода видели уникальность тоталитаризма не столько в доминировании политической сферы над экономическими, культурными и иными аспектами жизни социума, сколько в апелляции к религиозным инстинктам масс. Тоталитарная идеология рассматривалась как форма секуляризированной религии, обеспечивающей режиму слепую веру граждан в идеологические постулаты как непререкаемые догматы.

Тогда же на базе сравнительного анализа фашизма, нацизма и социализма были предприняты попытки выявить структурную и функциональную общность тоталитарных режимов. Среди исследований такого рода наибольшую известность приобрела работа немецкого экс-коммуниста Франца Боркенау, издавшего в эмиграции книгу «Тоталитарный враг»(1939). Основная мысль автора состояла в том, что при очевидных различиях тоталитарных режимов в СССР и Германии их сущность – в отрицании либеральной демократии и полном свертывании(как в СССР) или ограничении(как в Германии) рыночных отношений в экономике. Родство

обоих режимов проявляется, во-первых, в неограниченном господстве вождя и возглавляемой им партии над всеми сферами жизни государства и общества и, во-вторых, в беспрецедентном экспансионизме с целью навязывания миру тоталитарной формы правления⁵.

Ф.Боркенау одним из первых обратил внимание на то обстоятельство, что оба режима возникли как результат политического и экономического кризиса, общего кризиса культуры, поразившего западный мир. Им была дана оценка национальному единству нацистов как единству деклассированных элементов, утративших все возможности и средства обычной экономической и политической активности и потому возлагавших надежды только на вождя(фюрера). Маргинальность нацистского движения и его вождей рассматривалась как ключ к пониманию их ментальности и политики. Впоследствии такой подход стал отправной точкой анализа тоталитаризма в работах Ханны Арендт.

Сравнивая Советский Союз и Германию с точки зрения степени тоталитарности, Ф.Боркенау объявлял Советский Союз законченной формой тоталитаризма прежде всего вследствие высокой степени вмешательства государства в экономическую жизнь, господства централизованной плановой экономики. Важный индикатор большей тоталитарности СССР он видел в том обстоятельстве, что большевистская партия и В.И. Ленин были нацелены на борьбу за основательно проработанные идеалы, в то время как А. Гитлер возглавлял банды авантюристов, объединив их вокруг туманных и достаточно нелепых лозунгов⁶.

Важнейший признак тоталитарности Ф.Боркенау видел в уничтожении тех, кто проводил в жизнь тоталитарные политические идеи, в превращении их в

---

⁵ Borkenau F. The Totalitarian Enemy. L-n, 1939.

⁶ См.: Тоталитаризм: что это такое? (исследования зарубежных политологов: сборник статей, обзоров, рефератов, переводов) Часть 11/ Л.Н.Верченков, Ю.И.Игрицкий. М.,1993. С.13-14.

«козлов отпущения». В этом смысле, с его точки зрения, режим Муссолини, породивший термин «тоталитаризм», не был ни полностью фашистским, ни полностью тоталитарным.

«Психологическая» интерпретация феномена тоталитаризма представлена в работе основателя неопрейдизма Эриха Фромма «Бегство от свободы»(1941, русск. пер. 1990). Тоталитаризм с характерным для него отсутствием личной свободы, правовым произволом, культом вождя и насилием рассматривается автором как итог предшествующего развития европейской цивилизации Нового времени, на всем ее протяжении провоцировавшей возникновение невротических реакций и психических патологий. Э.Фроммом выделен своеобразный синдром «бегства от свободы», проявившийся в возникновении тоталитарных движений.

Первопричина синдрома, согласно Э.Фромму, состоит в разрушении на рубеже Нового времени существовавшей в средневековом обществе социальной структуры, придававшей человеку ощущение уверенности. Это обстоятельство изменило психологическую атмосферу, насыщая ее духом беспокойства, стимулировавшего «бегство от свободы» и массовое распространение в обществе черт «авторитарной личности»⁷.

Приведенная схема проникнута критическим пафосом в отношении капитализма, но не может претендовать на исчерпывающий анализ причин возникновения тоталитарных движений. Отнюдь не повсеместно «бегство от свободы» завершилось установлением тоталитарных режимов.

В рамках философского осмысления феномена тоталитаризма получила развитие идея об антиномичности либерального и тоталитарного начал в жизни общества. Наиболее известные представители этого направления в изучении тоталитаризма – Фридрих Хайек и Карл Поппер.

---

⁷ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С.59.

Ф.Хайек в работе «Дорога к рабству»(1944) связывал генезис тоталитаризма с антилиберальными(прежде всего социалистическими) политическими течениями конца XVIII – начала XIX вв., отрицавшими абсолютную ценность личности и исходившими из приоритета коллективного в жизни социума. К числу основных принципов тоталитаризма он относил: 1) абсолютную экономическую и политическую централизацию; 2)отказ признавать существование сфер, в которых высшим законом были бы личные цели индивидов; 3) субъективизм и волюнтаризм в принятии управленческих решений, основанных на политической мотивации; 4) принудительный характер управления экономикой. Ключевым тезисом работы является мысль о невозможности политической свободы без экономической, которая обеспечивала бы выбор предметов потребления и видов деятельности, избавляла от произвола монополий.

Ф.Хайек раскрыл причины и предпосылки трансформации социалистических учений в тоталитарные системы. Он обратил внимание на откровенно авторитарный характер социализма уже в его истоках. В этой связи констатируется стремление французских мыслителей и политических деятелей, заложивших основы современного социализма, сформировать общество на иерархической основе, насильственными методами установить «духовную власть». Обещанная же свобода, понимаемая как избавление от необходимости и пут внешних обстоятельств, ограничивающих возможности выбора, стала эффективным оружием социалистической пропаганды, поскольку часто переплеталась с безответственными обещаниями материального изобилия в социалистическом обществе ⁸.

В работе К.Поппера «Открытое общество и его враги»(1945) утверждается, что «...сегодняшний так называемый тоталитаризм принадлежит к традиции столь же старой или столь же юной, как и сама наша цивилизация»⁹. Исходя из этой установки осуществляется поиск аналогов тоталитаризма в истории

⁸ См.: Хайек Ф. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. №7. С.188-189.

⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1. М., 1992. С.29.

человечества со времен античной Спарты. Сопоставление тоталитаризма с деспотиями прошлого обедняет реальное содержание этого феномена и сводит его к бунту традиционности против освобождения творческих способностей человека.

Весьма спорным представляется подход К.Поппера к изучению идейных истоков тоталитаризма. Предтечами тоталитарной идеологии, согласно К.Попперу, являются представители так называемого «историцистского» направления общественно-политической мысли, к которому он относил все течения, исходящие из возможности познать объективные и неизменные законы истории. К числу «историцистов» он относит Гесиода, Гераклита, Платона, Аристотеля и Маркса ¹⁰. Очевидно, таким подходом автор пытался продемонстрировать несостоятельность претензий на познание «объективных законов истории», с которыми в равной мере выступали все тоталитарные режимы ¹¹.

Война и послевоенные годы способствовали определенной корректировке представлений о тоталитаризме. Советский Союз участвовал в антифашистской коалиции совместно с Англией, Францией и США, что делало его сравнение с гитлеровской Германией неуместным. Разгром фашизма положил начало противостоянию СССР и стран Запада в форме холодной войны. Советская политическая модель была воспроизведена в ряде государств Европы и Азии в квазимногопартийном варианте. Со смертью Сталина прекратились широкомасштабные репрессии. Ослабло принуждение по отношению к гражданам, идеология начала утрачивать былую ортодоксальность. Изменения в характере режима отразились на его интерпретации.

В фундаментальном труде немецко-американского политолога Х.Арендт «Истоки тоталитаризма»(1951, русск. пер. 1996) впервые в политической

¹⁰ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1. С.7, 41, 44; Т.2. С.9, 40.

¹¹ Соловьев Э.Г. Феномен тоталитаризма в политической мысли России и Запада. М., 1997. С.73.

науке тоталитаризм рассматривается как особый феномен XX века, отличный от традиционных, известных из истории деспотических форм правления. Исследование основано на концепции массового общества и сравнительного анализа нацизма и сталинизма.

В работе прослеживается формирование таких предпосылок немецкой разновидности тоталитаризма, как национализм, расизм и антисемитизм. Непосредственным же источником тоталитарных движений Х.Арендт считает процессы деклассирования общества, разрыва социальных связей и атомизации индивидов, резко усилившиеся после Первой мировой войны. Деперсонализированная толпа стала массовой опорой тоталитарных режимов¹².

Согласно Х.Арендт, крушение классовой системы как единственной системы социальной и политической стратификации европейских государств столь же благоприятствовало росту нацизма, как и отсутствие социальной стратификации в огромном сельском населении России способствовало установлению власти большевиков. Чтобы превратить революционную диктатуру Ленина в полностью тоталитарное правление Сталин искусственно создал атомизированное общество, которое для нацистов в Германии подготовили исторические события. С этой целью, констатирует Х.Арендт, были ликвидированы ростки классовой структуры, возникшие в результате курса НЭПа.

По мнению Х.Арендт, тоталитаризм от других форм диктатуры отличает безусловная преданность вождю, олицетворяющему режим. Исходя из этой посылки ею был сделан вывод о завершении эпохи тоталитаризма в Германии и СССР со смертью Гитлера и Сталина. В отношении СССР вывод Х.Арендт впоследствии вызвал немало возражений.

---

¹² Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С.35-185, 229-261.

Х.Арендт акцентировала внимание на особенностях политического господства в рамках тоталитарного государства. Государство используется партией для осуществления представительства во внешнем мире. Важным инструментом воспитания граждан в духе господствующей идеологии и создания нового социального порядка становится секретная полиция.

Важнейшие сущностные характеристики тоталитаризма Х.Арендт видит в следующем: во-первых, тоталитарное беззаконие является беззаконием особого рода, маскирующимся под конституционализм; во-вторых, идеология в тоталитарных системах имеет мало общего с идеями или верованиями и скорее служит инструментом для манипулирования массами; в-третьих, террор ставит целью не просто запугать граждан, а разъединить их, изолировать каждого индивида, лишив его возможности объединяться с себе подобными¹³.

В каноническом варианте (в виде набора основных признаков) концепция тоталитаризма представлена в работах Карла Фридриха, Збигнева Бжезинского и Раймона Арона.

Первая попытка систематизировать признаки тоталитаризма была предпринята К.Фридрихом в докладе «Уникальный характер тоталитарного общества», опубликованной в 1954 г. Автор исходил из двух основных постулатов: 1)нацизм и коммунизм сходны в своих базовых характеристиках; 2) тоталитаризм не имеет исторических аналогов и представляет собой новое явление в сравнении с абсолютистскими и деспотическими режимами прошлого.

К.Фридрих признавал существенные различия между тоталитарными режимами фашистской Германии и Советского Союза(разные стадии развития экономики, несхожие национальные характеры, отличия в содержании идеологий и т.п.), но акцентировал внимание на тех аспектах, которые, по его

---

¹³ Арендт Х. Указ. соч. С.407-623.

мнению, являются общими для них: 1) официальная идеология; 2) единственная массовая партия; 3) контроль над средствами вооруженной борьбы; 4) технически обусловленный контроль над СМИ; 5) система террористического полицейского контроля за населением страны.

К.Фридрих предостерегал против односторонности в трактовке тоталитаризма - сведения специфики режимов к индивидуальным особенностям, недостаткам и патологиям их вождей, к чертам национального характера и т.п. Он считал также неправомерным акцентирование отдельных предпосылок возникновения тоталитарных режимов – экономического кризиса, последствий Первой мировой войны и Версальского договора, разложения христианства и морального кризиса общества, «угрозы» коммунизма. По его мнению, только благодаря комплексному, многофакторному анализу феномена тоталитаризма возможно конструирование его адекватной модели.

Такой анализ тоталитаризма был осуществлен К.Фридрихом и З.Бжезинским в работе «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956). Ими были названы шесть базовых черт фашистских и коммунистических режимов, которые в своей совокупности составляют модель тоталитарной диктатуры. Эти общие черты таковы.

1) Развернутая идеология, охватывающая все жизненно важные стороны человеческого бытия, и которой предположительно придерживается все население. Эта идеология сфокусирована и спроецирована на некое совершенное конечное состояние общества.

2) Как правило, вдохновляемая одним человеком единственная массовая партия, чье ядро безраздельно предано идеологии и готово всемерно содействовать ее распространению; партия организована по иерархическому, олигархическому принципу и либо стоит над бюрократической государственной организацией, либо неразрывно слита с ней.

3) Система террористического полицейского контроля, поддерживающего партию, но также и осуществляющего надзор за нею самой в интересах ее лидеров. Тайная полиция систематически использует современную науку и особенно психологию.

4) Технологически обусловленный и почти всеобъемлющий контроль партии над средствами массовой коммуникации.

5) Аналогичный почти полный контроль над вооруженными силами.

6) Централизованный контроль и руководство всей экономикой посредством бюрократической координации ее ранее независимых составных частей; этот контроль, как правило, распространяется на большинство других общественных организаций и групп¹⁴.

Авторы подчеркивали, что только сочетание всех шести основных формальных признаков позволяло характеризовать ту или иную диктатуру как тоталитарную.

Таким образом, К.Фридрихом и З.Бжезинским впервые были сведены воедино основные черты тоталитарных общественных систем, в течение четверти века являвшиеся объектом дискуссии. Вместе с тем предложенная модель оказалась уязвимой для критики.

Отмечалось, что Италия по целому ряду параметров не дотягивала до подлинной тоталитарности, несмотря на то, что была родиной самих терминов «тоталитаризм» и «фашизм», входила в блок «стран оси» в период Второй мировой войны и имела вождя явно выраженного «тоталитарного» типа. Критики левой ориентации считали неправомерным объединение в рамках одной модели фашистских и коммунистических систем, ссылаясь на несовместимость идеологий.

В ходе полемики выявилась нечеткость положения о распространении централизованного контроля на большинство общественных организаций и групп, поскольку в Италии такие институты, как церковь, монархия и в

---

¹⁴ Тоталитаризм: что это такое? (Исследования зарубежных политологов). Часть 11. С.88-89.

значительной степени армия сохраняли высокую степень автономии даже в 30-е годы.

Дискуссионной проблемой стал вопрос о том, с каких пор режим обретает такие черты, когда его можно назвать тоталитарным – с захвата власти тоталитарной партией или с момента использования насилия для подавления оппозиции, возникающей в рамках самого тоталитарного движения. В отношении СССР единомыслия на сей счет не существует до сих пор.

Критики тоталитарной модели обращали внимание на ее излишнюю описательность. Это обстоятельство побудило З.Бжезинского сформулировать следующее определение сущности тоталитаризма: «Тоталитаризм – это система, в которой технически передовыми инструментами политической власти безо всяких ограничений владеет централизованное руководство элитного движения, целью которого является осуществление тоталитарной социальной революции, включающей изменение самих людей, на основании произвольных идеологических допущений, пропагандируемых властями, в атмосфере насильственно поддерживаемого единодушия всего населения»¹⁵.

Таким образом, концепция тоталитаризма сформировалась в 30-50-х гг. в результате сравнительного, институционального и ценностного анализа политических режимов Италии, Германии и СССР. Предложенные западными политологами подходы позволили выявить предпосылки возникновения тоталитарных режимов, их сущностные черты, механизмы консолидации и причины разложения.

Значительный вклад в исследование коммунистического тоталитаризма внесли русские философы Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, П.Б.Струве, Г.П.Федотов, С.Л.Франк¹⁶. В отличие от западных исследователей они в

¹⁵ Brzezinski Z. Ideology and Power in the USSR. N.Y., 1962. P.19-20.

¹⁶ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. М., 1993; Федотов Г.П. Сталинокрапия//Мыслители русского зарубежья. СПб., 1992; Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма//Вопросы философии. 1992. №3.

основном уделяли внимание не политико-институциональным, а интеллектуальным и социокультурным предпосылкам тоталитаризма. В их трудах, особенно в работах Н.А.Бердяева и Г.П.Федотова, содержится множество тонких наблюдений, точных характеристик и верных оценок положения в СССР. Однако целостная концепция тоталитаризма в русском либерально-консервативном зарубежье не сложилась.

Тем не менее многие суждения отечественных философов об истоках и сущности тоталитаризма не утратили своей актуальности и фактически лежат в основе современных представлений об этом феномене. Среди них – идеи детерминации тоталитаризма европейским цивилизационным и российским социокультурным кризисами; господства идеологии, приобретающей черты секуляризированной религии; целенаправленной индоктринации масс с целью манипулирования их сознанием; доминирования государства над обществом; всеобъемлющего контроля над социумом со стороны единственной централизованной партии, возглавляемой диктатором; утраты индивидом личной автономии, его атомизации и растворения в коллективе или народе.

2.3.Эволюция представлений о тоталитаризме

В дальнейшем стремление учесть перемены, происходившие за «железным занавесом», вызывало двуединые процессы. С одной стороны, развернулась полемика по вопросу о роли и месте вождя в тоталитарной модели,росло число сторонников идеи о наличии в СССР коллективного руководства при сохранении тоталитарной сущности системы. С другой стороны, были продолжены поиски нового определения тоталитаризма, которое отражало бы изменяющиеся реалии и позволяло придать «второе дыхание» базовой концепции тоталитаризма.

Одно из новых определений тоталитаризма было предложено известным французским ученым Р.Ароном. Отметив, что феномен тоталитаризма, как и все социальные явления, может получить много определений, он сформулировал следующие пять основных признаков:

- 1) монопольное право одной партии на политическую деятельность;
- 2) наличие у этой партии идеологии, получающей статус единственного авторитета, а в дальнейшем – и официальной государственной истины;
- 3) исключительное право государства на силовое воздействие и средства убеждения;
- 4) подчинение государству большинства видов экономической и профессиональной деятельности;
- 5) политизация и идеологизация всех сфер жизни и возможных прегрешений человека и, как заключительный аккорд, террор, одновременно полицейский и идеологический¹⁷.

Комментируя этот набор признаков, Р.Арон отмечал: «Определяя тоталитаризм, можно, разумеется, считать главным исключительное положение партии, или огосударствление хозяйственной деятельности, или идеологический террор. Но само явление получает законченный вид только тогда, когда все эти черты объединены и полностью выражены»¹⁸.

В вышеприведенной трактовке отсутствуют характерные для базовой модели К.Фридриха и З.Бжезинского акцентирование роли вождя, чья личность может определять природу режима, и современных технологий как фактора мобилизации масс, эффективного централизованного руководства, выявления инакомыслящих.

Вкладом Леонарда Шапиро в разработку концепции тоталитаризма была попытка дифференцировать «контуры» и «опоры» режима, предпринятая в работе «Тоталитаризм»(1972). «Контурами» он считал: 1)наличие вождя

---

¹⁷ См.: Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С.230-231.

¹⁸ Там же. С.231.

(лидера); 2) подчинение ему законопорядка; 3) контроль над личной моралью; 4) перманентную мобилизацию граждан; 5) легитимность, основанную на массовой поддержке. По мнению Л.Шапиро, конкретными «опорами» режима являются идеология, партия и административный механизм государства¹⁹.

К интеллектуальной традиции, из которой выросли идеи тоталитаризма, Л.Шапиро относит прежде всего Платона, Г.Гегеля, утопистов Морелли и А.Сен-Симона, Ф.Ницше. Особо подчеркивается влияние последнего на Муссолини и Гитлера, проявившееся в схожести их языка, стиля и мышления.

Близость Платона, Г.Гегеля, утопистов Морелли и А.Сен-Симона к тоталитарным концепциям усматривается в следующем. Труд Платона «Республика» повествует об обществе, в котором царят тотальная регламентация личных свобод, контроль над трудовой деятельностью граждан и их воспитанием. В основе разработанной Джентиле философии фашизма лежит гегельянский взгляд на отношения между государством и личностью: в «Философии права» государство наделяется этическим верховенством и отождествляется с «земной поступью бога». Авторы утопических теорий Морелли и А.Сен-Симон выдвигали схемы социального переустройства, не принимая во внимание состояние общества, его исторические традиции и практические условия будущей эволюции.

Аргументы о причастности К.Маркса к теории и практике тоталитаризма Л.Шапиро представляются ошибочными. Тоталитарная форма коммунистического правления, полагает он, причинно связана не с марксовым пониманием диалектики истории, а с ложным использованием доктрины К.Маркса теми, кто был охвачен революционным нетерпением²⁰.

Проводимые учеными исторические аналогии между тоталитарными государствами и античной Спартой, государством инков, Англией времен Тюдоров или Московской Русью, с точки зрения Л.Шапиро, искусственны,

¹⁹ См.: Тоталитаризм: что это такое? Часть 11. С.95-103.
²⁰ Там же. С.103-108.

поскольку в указанных случаях (как и в случаях с другими тираниями прошлого) отсутствовали факторы мобилизации и массовой легитимации. Три основных тоталитарных режима современности стали новым явлением в истории не потому, что характерные для них черты не проявлялись ранее, а потому, что в XX веке они проявились в контексте массовой демократии:

легитимность режимов опиралась на поддержку масс, формально использовались демократические атрибуты.

Л.Шапиро характеризует тоталитаризм как новую форму диктатуры, возникшую в условиях массовой демократии после Первой мировой войны.

Её отличает господствующее положение вождя победоносного движения, который, используя подчиненную ему элиту и манипулятивную идеологию, стремится установить тотальный контроль над государством, обществом и индивидуумом²¹.

Большинство появившихся в 70-80-гг. определений тоталитаризма содержит весьма пространные описания этого феномена, представляющие собой детализированные варианты уже известных шести признаков базовой концепции, сформулированных К.Фридрихом и З.Бжезинским.

Время показало, что базовая концепция тоталитаризма оказалась чересчур статичной и непригодной для выполнения прогностических функций. Ее основные положения были применимы в основном к периоду консолидации тоталитарных режимов и стали нефункциональными для анализа процессов их трансформации.

Наряду с попытками модифицировать базовую концепцию тоталитаризма широкое распространение получило описание особенностей функционирования и эволюции тоталитарных систем с использованием методов ряда общих научных теорий и смежных дисциплин – фрейдизма,

---

²¹ Там же. С.109-110,113

бихевиоризма, компаративистики, «модернизаторского» подхода и др. Однако разнообразие теоретических конструкций не внесло ясности в существо проблемы.

Во второй половине 80-х и в 90-е годы проблематика тоталитаризма, особенно в его советской разновидности, заняла значительное место в исследованиях отечественных ученых. В их работах проанализированы такие проблемы, как генезис тоталитаризма, опыт тоталитарной модернизации СССР, формирование тоталитарного сознания и тоталитарной политической культуры, геополитические аспекты тоталитаризма, пути и способы преодоления Россией тоталитарного наследия.

2.4. Дискуссии по проблематике тоталитаризма

В процессе своего развития и в дальнейшем концепция тоталитаризма была и остается объектом дискуссий.

Существует широкий разброс мнений в формулировании самой дефиниции тоталитаризма, не завершен поиск оптимального определения.

Дискутируется вопрос о том, какой из тоталитаризмов – «левый» или «правый» является «главным», породившим тенденцию к установлению тоталитарных режимов. Согласно преобладающему мнению, большевистский режим стимулировал тоталитарную тенденцию в XX веке, но было бы упрощением объяснять возникновение нацизма лишь реакцией на большевизм.

Широко обсуждается вопрос о степени завершенности тоталитарной системы в СССР и Германии. Сопоставляя обе системы на основе схемы К.Фридриха и З.Бжезинского, некоторые ученые полагают, что по большинству показателей национал-социализм уступал большевизму. В этой связи отмечаются следующие различия: неизмеримо более высокая степень

централизации власти ВКП(б) – КПСС в сравнении со структурами национал-социалистов; огосударствление собственности большевиками, используемой в целях управления государством и обществом, и ограниченное вмешательство государства в экономику Германии(преимущественно в военном секторе); наличие в СССР цельной политической религии(марксизма) и эклектичность национал-социалистического мировоззрения, во многом имевшего прагматическую направленность

Предпринимаются попытки уточнения меры тоталитарности или авторитарности ряда режимов. В этой связи большинство ученых отмечает, что в Италии сохранились монархическое правление и автономия церкви, не было характерных для гитлеризма массовых репрессий, национализм не носил характер расизма, слабее был выражен экспансионизм.

Перед наукой стоит задача идентификации режимов восточно- и центрально-европейских стран бывшего социалистического содружества.

Часть ученых относит их к категории «производного тоталитаризма», навязанного путем диктата. Оппонирующая точка зрения состоит в том, что понятие тоталитаризма к социально-политическому строю этих стран в полном объеме не применимо, особенно после смерти Сталина и в связи с ослаблением советского влияния. Сторонники этой точки зрения часто ссылаются на удивительную легкость, с которой в большинстве стран-союзников СССР осуществились «бархатные» революции, обнаружив слабость режимов. Ученые считают уместным именовать такие режимы, особенно в Венгрии и Польше, «консультативно-авторитарными» или «посттоталитарными». Режим Н.Чаушеску в Румынии удостоивается определения «султанизм», почерпнутого из терминологии М.Вебера.

В дискуссии о сущности тоталитаризма немало сторонников имеет тезис о том, что тоталитаризм нигде не обрел законченной формы и скорее

представляет собой тенденцию, чем определенный тип государственного устройства, синдром, а не четко очерченную систему.

Авторы большого числа работ, вышедших за рубежом в последние 30-40 лет употребляют термины «тоталитаризм» и «авторитаризм» как синонимы, когда речь идет не о теоретических аспектах, а о конкретных государствах и режимах. Подобное смешение терминов особенно часто имело место в 50-60-х гг., когда процесс деколонизации привел к возникновению десятков новых государств, возглавляемых диктаторами.

В отсутствие четкости в формулировках не может считаться доказанной тоталитарность советского государственного и общественного строя в периоды нэпа и после смерти И.В.Сталина, в условиях хрущевской «оттепели» и брежневского «коллективного руководства», сужения репрессий и необратимой эрозии идеологии.

При наличии множества дискуссионных вопросов западные политологи рассматривают тоталитаризм как феномен XX века, качественно отличающийся от классических форм автократии и деспотии. В основе этой позиции лежат следующие постулаты.

1. Тоталитарные режимы возникли на базе массовых движений в обществах, где массы начинали играть значительную политическую роль.

2. Усиление авторитарной тенденции в предвоенный период, тяга к «сильной личности», вождю и диктатору создавали благоприятную почву для использования псевдорелигиозных воинствующих идеологий с целью манипулирования массовым сознанием.

3. С наступлением эры массовой технизации в распоряжении государства оказались беспрецедентно мощные рычаги воздействия на общество (средства пропаганды и связи, репрессивный аппарат, новая техника принуждения и подавления).

В целом концепция тоталитаризма с начала 70-х гг. вступила в фазу продолжительного кризиса. Парадокс состоит в том, что ученым и общественности очевиден общий смысл тоталитаризма, но определить его более или менее точные границы так и не удается.

Современная наука, констатируя историческую скомпрометированность тоталитаризма, считает его потенциал не исчерпанным и допускает

возможность появления новых тоталитарных моделей, особенно в периоды резкой ломки устоявшихся социальных структур, подрыва устоев традиционного образа жизни, кризиса массового сознания. К числу факторов, благоприятствующих проявлению тоталитарной тенденции в общественном развитии, ученые относят:

- бурное развитие поведенческих(бихевиоральных) наук, используемых для разработки эффективных методов и технологий управления политическим (в том числе электоральным) поведением граждан;

- коммуникационная революция, открывающая новые технические возможности управления массовым сознанием и политическим поведением людей;

- глобализация мирового развития, создающая возможность беспрепятственного использования финансово-экономических и научно-информационных ресурсов для установления контроля со стороны единственной сверхдержавы или блоков ряда государств над целыми регионами или даже в перспективе над всем миром;

- обострение экологических и сырьевых проблем и, как следствие, усиливающееся стремление государств и транснациональных корпораций к обеспечению контроля над дефицитными ресурсами;

- ослабление в ряде государств рабочего и демократического движения, ограничивающих авторитарные и тоталитарные поползновения правящей элиты.

2.5. Концепция «открытого общества» К.Поппера

Особое место в политической науке занимает концепция открытого общества Карла Поппера, изложенная в его основной работе «Открытое общество и его враги» (1945). Она является попыткой философского обоснования возможности демократического развития.

Открытое общество – термин, заимствованный К.Поппером у французского философа Анри Бергсона (1859-1941). Феномен, обозначаемый этим термином, можно определить как систему общественного устройства, главными элементами которой являются гражданское общество, рыночная экономика и правовое государство. Все они в своей совокупности и взаимосвязи обеспечивают свободу во всём многообразии её проявлений (особенно личную).

Открытое общество основано на власти закона. Государственным служащим позволено руководствоваться только закреплёнными правом интересами и нравами. Для успешного функционирования обществу необходимо критическое мышление граждан, ему чуждо догматическое сознание. За индивидами закреплено право принимать личные решения и конкурировать за социальные статусы. Общество, опираясь на оценки граждан, учитывает допущенные ошибки и стремится рационально обосновать способы их недопущения в своих последующих действиях.

Продуктивнее всего открытое общество определяется через противопоставление закрытому (тоталитарному) обществу. Вероятно

существование множества закрытых обществ с самой разной судьбой и путями развития, но открытое общество может двигаться только вперёд.

Закрытое общество формируют «сверху» ради целенаправленного переустройства «всего и вся» в соответствии с некоторым идеальным проектом. Это путь утопической социальной инженерии, не имеющей механизмов исправления допущенных ошибок, поскольку утопия принципиально несамокритична и обещает успех лишь при точном следовании идеальному проекту.

Духовные истоки закрытого общества К.Поппер находит в основном в философском наследии Платона, Г.Гегеля и К.Маркса. По оценке Поппера, Платон как теоретик «идеального государства» - первый и наиболее последовательный противник человеческой свободы и защитник тоталитаризма. Г.Гегель критикуется за развитие идей Платона, этатизм и пропаганду войны, отождествление силы и права. К.Марксу ставятся в вину экономический детерминизм, фатализм, пропаганда классовой войны и призывы к насильственным революциям. Отвергаются претензии марксизма на научность, поскольку попытки открыть универсальные законы социального развития основаны на ложном понимании природы научного знания, не дающего в распоряжение людей абсолютной истины. К.Поппер считает, что нет законов общественного развития в марксистском понимании, а есть лишь тенденции развития, имеющие конкретные основания.

При движении к открытому обществу утопическая социальная инженерия неприемлема. Вместо неё К.Поппер предлагает такую технологию реформирования, которая обусловлена текущими потребностями общества и состоит в постепенном осуществлении социальных преобразований и накоплении политического знания. Приверженцы такого подхода должны стремиться не к быстрому достижению величайших благ для наибольшего количества людей, а к выявлению социальных недугов с целью их преодоления. Постепенное решение во многом технических проблем методом

проб и ошибок создаёт возможности для избавления от вполне конкретных бед и несчастий, которые являются более массовым явлением, чем благо и счастье.

К.Поппер не абсолютизировал свободу, демократию и толерантность, понимая, что на практике это может привести к противоположным результатам. Он считал демократию лучшим средством обеспечения гражданского контроля над лидерами и мирной смены правительства. Благодаря К.Попперу понятия «открытого» и «закрытого» общества прочно вошли в политический лексикон.

ГЛАВА 3.

ТЕОРИИ ДЕМОКРАТИИ И ТРАНЗИТОЛОГИИ

3.1. Модели и концепции демократии.

На протяжении многих столетий демократия рассматривалась как весьма несовершенная форма правления (по определению Платона и Аристотеля, худший вид государственного устройства, власть посредственности и насилия). В средние века демократия, социально-усечённая, ориентированная на меньшинство, в целом также была не в чести. В XIX и XX вв. демократия не только получала всё более широкое распространение, но и приобретала характер самостоятельной ценности, главного критерия при оценке политических систем.

Современное теоретическое осмысление демократии опирается на идейное наследие Дж. Локка, Ш. Монтескье, Т. Джефферсона, А. Токвиля и других мыслителей XVIII-XIX вв. Наблюдалась следующая тенденция: если прежде в трактовке демократии преобладал нормативистский подход, связанный с определением целей, ценностей, источников демократии, то впоследствии возобладал процедурный подход, связанный с попытками понять природу демократических институтов, механизм их функционирования, причины развития и упадка демократических систем²².

Хрестоматийное определение демократии принадлежит президенту США Аврааму Линкольну: правление, принадлежащее народу, осуществляемое народом и служащее народу²³.

---

²² См.: Исаев Б.А. Политическая история демократии. Deutschland, Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH and Co, 2011.

²³ См.: Даль Р. Демократия и её критики. М., 2003. С.358

Следуя процедурному подходу, один из ведущих современных политологов С.Хантингтон даёт следующую формулировку : «Политическая система какого-либо государства в XX в. определяется как демократическая в той мере, в какой лица, наделённые высшей властью принимать коллективные решения, отбираются путём честных, беспристрастных, периодических выборов, в ходе которых кандидаты свободно соревнуются за голоса избирателей, а голосовать имеет право практически всё взрослое население»²⁴.

Известный исследователь феномена демократии Р.Даль видит в ней не систему власти, которая воплощает в себе демократические идеалы во всей их полноте, но правление, в достаточной степени приближающееся к таким идеалам. Для характеристики инфраструктуры современной демократии он употребляет термин «полиархия» (в переводе с древнегреческого «много главных», «власть многих»).

Политический режим полиархии, согласно Р.Далю, функционально опирается опирается на *семь институтов*:

1) выборность власти, конституционно облечённой правом осуществлять контроль за решениями правительства;

2) свободные и честные выборы, исключаящие всякое насилие и принуждение;

3) всеобщее голосование, предполагающее право на участие в выборах всего населения;

4) относительно высокая зависимость правительства от избирателей и результатов выборов;

5) свобода слова, обеспечивающая возможность свободно выражать своё мнение, включая критику властей, режима и господствующей идеологии;

---

²⁴ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003, С.16

6) альтернативная информация из конкурирующих между собой источников, защищённых законами;

7) высокая степень свободы в создании относительно автономных и самых разнообразных независимых организаций, включая оппозиционные партии, группы интересов.

Эти институты способны служить критериями наличия в той или иной стране полиархической системы правления.

В самом общем виде полиархия — это политический порядок, отличающийся двумя главными характеристиками — предоставлением гражданских прав значительной части населения и возможностью путем голосования смещать высших должностных лиц²⁵.

В зависимости от того, как понимается народ — как совокупность индивидов, единое целое с доминирующим общим интересом или взаимодействующие группы со своими специфическими интересами, различаются индивидуалистическая, коллективистская, плюралистическая и элитарная модели демократии.

Для *индивидуалистической модели* демократии характерны: признание личности первичным и главным источником власти, приоритет прав индивида над законами государства; ограничение компетенции государства преимущественно охраной общественного порядка, безопасности и прав граждан; ограничение власти большинства над меньшинством.

В своем классическом варианте индивидуалистическая модель представлена формой демократии, возникшей в XVIII—XIX веках под влиянием идеологов раннего либерализма Дж. Локка и Ш. Монтескье.

Основные недостатки этой модели: узость сферы демократии и политического участия граждан, которая охватывает состоятельные слои

---

²⁵ Даль Р. Демократия и её критики. М., 2003. С.358-359.

населения; принижение роли государства в управлении обществом и обеспечении социальной справедливости; игнорирование коллективистской природы человека, его принадлежности к различным социальным группам.

Для *коллективистских моделей демократии*, претендовавших на роль альтернативы индивидуалистическим моделям, характерны: отрицание автономии личности; понимание народа как единого целого; отношение к оппозиции как патологии или врагу, подлежащему устранению; абсолютизация роли большинства в политическом процессе. Существенный вклад в создание коллективистских моделей демократии внесли Ж.-Ж. Руссо, К. Маркс и В.И. Ленин. Марксистский подход к демократии основывается на идее отмирания государства и развития самоуправления трудящихся.

Попытки реализации коллективистских моделей демократии (прежде всего в «социалистических странах») приводили не к народовластию, а к появлению нового господствующего слоя - номенклатуры, к тоталитаризму. Оказалось, что власть народа (нации или класса) нельзя обеспечить без гарантий индивидуальной свободы, без признания и институционального закрепления прав личности. Вместе с тем коллективистские эксперименты обогатили теорию и практику демократии постановкой проблемы социального равенства и социальных прав личности.

В основе *плюралистической модели демократии* лежат следующие идеи: 1) реальным творцом политики является не личность и не народ, а заинтересованные группы; личность формируется в группах и с их помощью может выражать и защищать свои интересы; 2) общая воля народа является результатом конфликтного взаимодействия групп и компромиссов между ними; 3) соперничество и баланс групповых интересов — основа динамики политической власти; 4) государство обеспечивает социальную справедливость, выступает в качестве арбитра в межгрупповом соперничестве. Наиболее известный представитель этой модели уже упоминавшийся Р.Даль, который для её характеристики употребил термин «полиархия».

Плюралистическая модель сохраняет ценности либеральной демократии, но во многом идет дальше классического либерализма, отводившего государству роль «ночного сторожа», обеспечивающего лишь общественный порядок. Она предполагает наличие в обществе множества центров власти, вступающих в конфликты и разрешающих их на основе соглашений и компромиссов.

Такая модель демократии характерна для стран Запада, где существует политическая конкуренция объединений граждан, всевозможных ассоциаций, групп интересов, политических партий. Она рождает реальную политическую власть.

Критики плюралистической модели демократии акцентируют внимание на следующих моментах. Лишь ограниченное количество людей является членами каких-либо групп и, следовательно, интересы всех граждан не представлены в политике. Заинтересованные группы могут быть столь мощными, что их конкуренция парализует политическую систему, а требования граждан останутся без внимания.

Идеи плюралистической модели демократии отрицаются сторонниками *элитарной модели* (Й.Шумпетер, С.Липсет). Логика их аргументации такова. Большинство граждан неспособно к рациональному поведению в сфере политики, неустойчиво в своих политических предпочтениях. К тому же рост политической активности может привести к подрыву стабильности, являющейся неременным условием демократии.

Поэтому функция политического представительства интересов граждан должна осуществляться элитами, избираемыми на определённый срок. Единственным видом участия остающимся доступным обычным гражданам остаётся избирательный процесс. В период между выборами избиратели не должны предпринимать попытки установить контроль над властью, поскольку они угрожали бы основам существующей системы.

Элитарная теория допускает возможность определённой социальной мобильности, позволяющей неэлитарным группам стать элитами. Становление новых элит мыслится как продолжительное во избежание дестабилизации.

В последние десятилетия политическая мысль обогатилась теориями *делиберативной* и *консоциативной* демократии. Этимологически название первой из теорий производно от англ. *deliberate* (обдумывать, взвешивать, советоваться, обсуждать), название второй – от лат. *consociation* (сообщество).

Главная идея делиберативной теории принадлежит немецкому учёному Юргену Хабермасу: постоянное и активное вовлечение возможно большего числа граждан в политическое управление. Делиберативная теория, нередко обозначаемая словом «дискурсивная», предполагает свободное обсуждение наиболее важных общественных проблем, позволяющее в обстановке гласности приходиться к согласованным представлениям о способах их решения.

Несмотря на то, что некоторые исследователи считают концепцию Ю.Хабермаса идеалистической, делиберативное понимание политики формулирует новые критерии для оценки качества политических решений: 1) осознание содержания интересов, в том числе и частных, и их соотнесение с интересами общественными; 2) согласование позиций заинтересованных сторон посредством публичного дискурса.

К созданию голландским ученым Арендом Лейпхардом теории консоциальной (или общественной) демократии привёл анализ возможностей и перспектив осуществления демократического правления в обществах гетерогенных в социальном и культурном отношении (многосоставных). Её появление было связано с ростом численности в США и других западных странах иммигрантских групп, радикально отличающихся от коренного этнического и религиозного большинства, и вызываемым этим процессом усилением напряженности в обществе.

Главная цель консоциальной демократии заключается в том, чтобы упрочить чувство безопасности каждой группы, предоставляя ей максимальные возможности распоряжаться своей судьбой, не создавая при этом угроз для безопасности других групп.

Консоциальная демократия – это одновременно и нормативная модель и практика обеспечения политической стабильности в ряде малых европейских государств – Австрии, Бельгии, Нидерландах и Швейцарии. Её специфику составляют четыре принципа:

1) осуществление власти *большой коалицией* политических лидеров (либо в форме кабинета в парламентской системе, либо комитета с совещательными функциями в президентской системе);

2) *взаимное вето* или правило «совпадающего большинства» как гарантия интересов меньшинства;

3) *пропорциональность* как главный принцип политического представительства, распределение постов в государственном аппарате и средств государственного бюджета;

4) *высокая степень автономности* каждого сегмента в управлении своими внутренними делами²⁶.

Необходимой предпосылкой функциональности консоциальной модели является наличие ответственной элиты, способной приходить к единому мнению в разрешаемых вопросах. Попытки механически внедрить такую модель (Ливан, Кипр, Малайзия) терпели фиаско из-за неготовности общества и элиты к компромиссам.

Консоциативная демократия недостаточно гибка и медлительна в принятии краткосрочных решений, что затрудняет достижение политической стабильности. Вместе с тем она эффективна в реализации стратегических

---

²⁶ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., 1997. С.60.

задач, требующей консенсуса политических сил.

Современное видение процедурных основ демократии учитывает техническое оснащение современного общества. Появление и усиление роли электронных систем вызвало к жизни концепции теле- и кибердемократии.

Концепция теледемократии – первая из концепций, появившихся на волне новых ожиданий по поводу перспектив демократизации политики, создаваемых электронными технологиями. Она основывается на разработках ряда известных ученых (О.Тоффлер, Дж.Несбитт и др.) и исходит из идеи использования возможностей кабельного и спутникового телевидения для выработки публично-властных решений, не передоверяя эту функцию органам представительной власти.

Концепция пользуется наибольшей поддержкой в США, где еще в начале 90-х гг. интенсивно обсуждалось предложение кандидата в президенты Р.Перро о проведении телевизионных городских собраний. Некоторые исследователи даже предрекали превращение Соединенных Штатов в электронную республику с преобладанием элементов прямой демократии.

Концепция кибердемократии исходит из возможности использования компьютерных сетей для интерактивного взаимодействия граждан, общественных организаций и органов власти. Согласно этой концепции, образование киберпространства изменит поведение и ментальность граждан, создаст условия для появления принципиально новых форм демократии.

Выделялись два возможных варианта «электронного участия граждан в управлении государством: личное участие в принятии политических решений (аналог прямой демократии) или делегирование своего голоса представителю (аналог представительной демократии). Волеизлияние граждан должно осуществляться путём электронного голосования, электронных выборов, публичных дебатов (обсуждений) в формате интернет-форумов.

Наиболее гибкий вариант электронной (сетевой) демократии – «подвижная демократия», представляющая собой симбиоз прямой и представительной демократии в «сетевом обществе». Её ядром является идея «делегированного голосования», которая предполагает ликвидацию существующего разделения решений, принимаемых путём прямого и опосредованного (через представителя) голосования. Гражданин имеет право по собственному выбору либо голосовать напрямую, либо делегировать свой голос другим участникам голосования.

Этот вариант электронной демократии появился в недрах международного «пиратского» движения (а именно в Пиратской партии Германии) и выражает его стремление создать «прозрачное государство» на службе общества. В настоящее время он наиболее популярен в Германии²⁷.

При всей своей привлекательности обе концепции – теледемократии и кибердемократии основываются на преувеличении роли электронных технологий в развитии общества. В формирующемся информационном обществе прямая демократия существует и, видимо, будет существовать в ограниченных формах, адаптированных к представительному правлению.

Коммуникативные и информационные технологии, используемые в сфере публичной политики, направлены главным образом на совершенствование представительной власти. Их внедрение позволяет наладить прямой диалог между управленческими структурами и общественностью, повышает открытость власти, облегчает гражданам доступ к информации и т.д. Но право принятия властных решений остается за представительными и исполнительными органами и не делегируется народу.

Исследования роли новейших информационных технологий в политической жизни европейских стран показали, что эти технологии как таковые не предопределяют общественную активность граждан и уровень их

---

²⁷ Ровинская Т.Л. «Подвижная демократия»: за и против // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №12. С.62.

политического участия. Интернет действительно во многом упрощает проявление политической вовлеченности, но отнюдь не формирует ее, не придает пассивным людям импульсы для долговременного участия в политике. Он может лишь способствовать временному оживлению обычно пассивной части общества в связи с ее озабоченностью по поводу какой-то конкретной социально-политической проблемы.

С учетом эмпирических данных о посещении гражданами развитых стран сайтов политических институтов оптимистические суждения о «революции политического участия», «радикальном обновлении демократии» благодаря Интернету пока далеки от реальности²⁸

За недолгое время существования киберпространства отчетливо выявилась следующая тенденция: участники интерактивного голосования «группируются» по профессиональным, возрастным, досуговым интересам, как правило, игнорируя все, что выходит за их рамки. Нет оснований полагать, что киберпространство станет форумом для граждан, озабоченных общественно-значимыми проблемами.

Действительная проблема демократии заключается не в отсутствии механизмов взаимодействия власти и граждан, а в отчуждении общества от политики, неудовлетворенности деятельностью политических институтов из-за их неспособности адекватно реагировать на общественные запросы. Уровень политического участия может быть повышен прежде всего путем изменения содержания самой политики, а не переменами в сфере коммуникаций.

Практика последних десятилетий принесла немало свидетельств использования информационных технологий в целях примитивизации общественного сознания, искажения реальной воли масс. Поэтому все шире

---

²⁸ См.: Глобальная перестройка / отв. ред. акад. А.А.Дынкин, акад. Н.И.Иванова / ИМЭМО РАН. М., 2014. С. 223-226; Ровинская Т.Л. «Подвижная демократия»: за и против // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №12.

распространялась тревога по поводу их использования для манипулирования общественными настроениями, укрепления иерархических институтов власти и в конечном счете для усиления контроля над обществом.

Все изложенное не подтверждает тезис сторонников электронной демократии о предстоящем наступлении эры прямого правления в результате развития информационных и коммуникативных технологий. Вместе с тем в информационную эпоху появляются определённые возможности для укрепления обратных связей между властью и обществом, расширения демократического участия, которое может стать сдерживающим фактором для развития элитистских тенденций.

В ряду получивших признание разработок проблемы преодоления отчуждения граждан от государства – *концепт «мониторинговой демократии»*. Её автор Джон Кин в контексте развития информационного общества анализирует изменение теории и практики демократического участия, расширение возможностей общественного контроля над процессами разработки и принятия решений. Согласно Дж.Кину традиционные институты представительной демократии дополняются формами нетрадиционного политического участия, формирующимися на основе новых технологий. Этот тип демократии отличается «институциональной сложностью» и постоянным генерированием новых форм мониторинга действий власти²⁹.

Очевидно, что поиски общественной мыслью демократического ответа на вызовы современности идут в разных направлениях, но, в конечном счёте, вращаются вокруг коренного вопроса: как совместить свободу индивида, необходимую для его самореализации, с устройством социума, обеспечивающего этой свободой?

---

²⁹ Подробнее см.: Перегудов С.П. Концепция мониторинговой демократии в новых отношениях власти и общества // Полис. 2012. №6. С.55-67.

Вопрос о достижении гармонии между свободой личности и общественной солидарностью ставился ещё Ж.-Ж.Руссо³⁰, но ответ на него до сих пор не найден и проблематично, возможен ли он в принципе. Скорее всего вопрос этот будет относиться к числу вечных проблем человеческого бытия и воспроизводиться по новому на каждом очередном витке исторического развития. Эпоха глобализации и постиндустриализма усложнила проблему сути демократии на несколько порядков.

Опыт истории показывает, что демократия – благо лишь тогда, когда соответствует политической культуре и менталитету народа, имеет необходимые экономические и социальные предпосылки. В противном случае она вырождается в охлократию – власть толпы, направляемой демагогами, приводит к хаосу, анархии и в конечном счёте к диктаторским режимам.

Демократия объективно способствовала приходу к власти нацистов в 1933 г. Проявлением подобной тенденции стал приход к власти в Палестине движения ХАМАС в результате демократического волеизлияния в 2006 г.

Демократия не является оптимальной формой правления для всех времён и народов. Неэффективная, коррумпированная демократия может быть для граждан хуже, чем дееспособные авторитарные и даже тоталитарные режимы, способные обеспечить решение жизненно важных проблем.

3.2. Концепции демократизации как глобального процесса.

---

³⁰ «Найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силу, личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде» (Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С.207.

Глобализация многопланово воздействует на политическую сферу, способствуя утверждению феномена «глобальной демократии». Представляются вполне правомерными рассуждения американского политолога Филиппа Шмиттера по поводу политических последствий глобализации: «...Если все измерения коллективного существования – производство, коммуникации, тождество и власть – сами собой движутся в сторону планетарного слияния, почему бы нам не поднять на тот же уровень (конечно, постепенно) и демократические институты? Попытки противостоять этой динамике на национальном или... региональном уровне обречены на поражение, так что тот, кто первым примет эту динамику и заранее подготовиться к ней, установив у себя соответствующие глобальные нормы и институты, окажется во главе наступающего тысячелетия»³¹.

Грандиозные демократические сдвиги последних десятилетий, прежде всего ликвидация тоталитарных режимов в СССР и странах Восточной Европы, дали мощный импульс исследованию демократизации обществ и государств как глобального процесса. В течение этого периода возникли различные в содержательном и мировоззренческом плане концепции – «конца истории» Фрэнсис Фукуямы, «третьей волны» демократизации Сэмюэла Хантингтона, «нелиберальной демократии» Фарида Закария.

В опубликованной в 1989 г. статье американского ученого Ф.Фукуямы «Конец истории?» выдвинут тезис о завершении идеологической эволюции человечества и универсализации либеральной демократии как окончательной формы правления. Его базовый постулат – новая геополитическая структура мира будет основываться на ценностях свободного рынка и демократии³².

Ф.Фукуяма исходил из того, что с распадом СССР исчезло главное препятствие для вестернизации мира и распространения западной модели развития, основывающейся на либеральной демократии. Конец истории

³¹ Шмиттер Ф. Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? // Логос. 2004. №2. С.143.
³² См.: Фукуяма Ф. Конец истории. Антология. 1994. С.290-291

мыслился им как переход к глобальному постиндустриальному обществу, в котором определяющую роль играют наука и техника.

По прошествии нескольких десятилетий стало очевидным, что предсказанного Ф.Фукуямой «конца истории» не произошло, как не стал реальностью объявленный Д.Беллом в 1960 г. «конец идеологии». Анализируя драматические перемены постиндустриальной эпохи в книге «Великий разрыв», он убедительно показал, что история далеко не закончилась победой либерализма как наиболее совершенной модели общественного устройства, а растущее благосостояние общества напрямую связано с кризисом его социальных приоритетов. На фоне стремления народов к свободе выбора с конца XX века ослабевает доверие к функционирующим институтам. Выявились внутренние противоречия демократии в том виде, в котором она исторически сложилась на Западе. По мнению Ф.Фукуямы, «...самое уязвимое место в современной демократии, которое ещё долго будет таковым оставаться, заключается в том, что она может стать жертвой чрезмерного индивидуализма; это особенно заметно в самой индивидуалистической демократии из всех – в США»³³. Высказывается идея «слома эпохи», когда прежние общественные ценности разрушены, а новые только формируются.

В своих последних публикациях Ф.Фукуяма связывает надежды на формирование новой геополитической картины мира с модернизаторской ролью Соединенных Штатов, а условием ее выполнения считает признание американской элитой принципов коллективизма и многополярности. Видение Ф.Фукуямой будущего мироустройства, представленное в работе «Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие» (2006), может быть сведено к следующим положениям. Первое: внешняя сила эффективна там, где она «подталкивает» преобразования, к которым народ уже подготовлен, а не там, где навязываемые ценности и практики рассматриваются как чуждые и враждебные. Второе: применение силы вне

---

³³ Фукуяма ф. Великий разрыв. М., 2008. С.21

международно-правового контекста, с нарушением норм международного права и без учета мнения международных организаций ставит под сомнение саму причину ее использования и резко снижает, если не обесценивает, ту цель, ради достижения которой она применяется. Третье: одна лишь вера в неизбежность собственных нравственных принципов не может служить основанием для политических решений³⁴.

Значительно более основательной в научном и реалистичной в политическом плане оказалась концепция «третьей волны» демократизации, разработанная американским политологом С.Хантингтоном. В его работе «Третья волна. Демократизация на исходе XX века», опубликованной в 1991 г. и на русском языке в 2003 г., представлены периодизация и содержательная характеристика трех волн демократизации.

Первая волна зародилась в США в начале XIX века и достигла своей кульминации после Первой мировой войны. Она привела к образованию примерно тридцати демократических государств. Затем последовала антидемократическая реакция – становление фашизма в Италии, нацизма в Германии, сталинизма – в СССР.

Вторая волна охватывает период с конца Второй мировой войны до шестидесятых годов XX века и связана с победой над фашизмом, антиколониальными революциями.

Третья волна началась с ликвидации авторитарных режимов в Греции. Португалии и Испании во второй половине 70-х годов, охватила Латинскую Америку, некоторые страны Азии (Турция. Филиппины и Южная Корея) и, с конца 80-х годов, страны Восточной Европы и СССР. В ходе демократических преобразований возникло почти сорок демократий. Вне влияния третьей

---

³⁴ Fukuyama F. America at the Crossroads. Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy. New Haven (Ct.), London. 2006. P.64-65, 103, 153.

волны оказались лишь мусульманские страны и такие «коммунистические анклавы», как Северная Корея и Куба.

Содержание нынешнего этапа «третьей волны» демократизации, согласно С.Хантингтону, составляет переход из фазы экспансии в фазу консолидации: укоренение демократии, становление демократических институтов и усиление их влияния, укрепление международных связей в сообществе демократических наций. Консолидация новых демократий требует усилий в разных направлениях – воспитания терпимости, обеспечения главенства законов, уменьшения власти военных и бывших коммунистических руководителей, повышения эффективности демократических институтов, предотвращения чрезмерной консолидации полномочий в руках одной из ветвей власти, оказания странами Запада всемерной помощи государствам, ставшим на демократический путь развития. Успешное завершение «третьей волны» демократизации, полагает С.Хантингтон, заложит основы «четвертой волны», которая принесет демократию в незападные и более бедные регионы мира, где ее пока нет.

Концепция «третьей волны» демократизации базируется на следующих основных посылах.

Во-первых, в связи с глобальным характером перехода к демократии на форму и интенсивность демократических процессов в отдельных странах возрастающее влияние оказывает международный фактор. Демократизация охватывает и сферу международных отношений, снижая вероятность войн между государствами.

Во-вторых, демократия все чаще выступает как самоценность, не связанная с прагматическими, инструментальными целями. Демократические ориентации относительно устойчивы даже в условиях экономических кризисов.

В-третьих, действуют факторы как реверсивного движения (отката ряда стран от демократического устройства), так и создания условий для возникновения «четвертой волны» демократизации, появления новых форм демократии.

В целом концепция «волн демократии» С.Хантингтона адекватно отражает процессы демократизации мира, протекавшие в XIX и XX столетиях. Вместе с тем на рубеже XX и XXI веков выявились новые реалии, нуждающиеся в осмыслении.

«Третья волна» демократизации возникла в условиях растущей притягательности демократической модели западного типа, но её результаты не дают оснований утверждать, что мир движется к единой и универсальной модели демократии. Обнаружились недостатки внутренней организации существующих демократий и противоречивость протекающих в них процессов (потеря былой привлекательности института выборов, ослабление зависимости партий от электората, снижение роли профсоюзов)³⁵. Долгосрочным вызовом демократии является интеграция инокультурных иммигрантских меньшинств в качестве граждан «плюралистических демократий». Во многих странах возникли гибридные (полудемократические – полуавторитарные) режимы или даже варианты нового авторитаризма. Рост террористической угрозы обостряет конфликт между ценностями индивидуальной свободы и общественной безопасности. Эти обстоятельства нередко истолковываются как затухание или завершение «третьей волны» демократизации.

Практика общественных изменений в бывших социалистических странах показала, что демократизация не является обязательным условием и критерием социального прогресса. Связь между этими явлениями носит сложный и нелинейный характер.

---

³⁵ Исаяв Б.А. Практическая партология: генезис партий и партийно-политических систем. СПб., 2010.

Не добились ощутимого продвижения в проведении социально-экономической модернизации государства постсоветского пространства. Даже многие страны Центральной и Восточной Европы, осуществившие успешные демократические преобразования и ставшие членами Евросоюза, не достигли сколько-нибудь существенных успехов в социально-экономическом развитии. Поэтому для объяснения ситуации, сложившейся в той части мира, которую раньше называли социалистической, важное эвристическое и познавательное значение приобретает тематика новой периферии³⁶.

На этом фоне серьёзным вызовом для продвижения демократических идеалов стали рекордно высокие темпы развития Китая в последние десятилетия. Китайская модель, сочетающая централизацию власти с рыночной экономикой, сохранила относительную устойчивость даже в условиях нынешнего глобального кризиса. Это повышает ее притягательность для развивающихся стран далеко за пределами Юго-Восточной Азии.

События «арабской весны» по внешним признакам давали основания предположить, что мусульманский мир находится на пороге перехода к демократии. Однако процессы происходящие после устранения диктаторов, свидетельствуют не о распространении демократии западного образца, а об усилении тяги к «сильной руке», к порядку. Просматривается перспектива формирования новых властных структур путём достижения национального консенсуса под эгидой персонифицированной политической силы, взявшей верх во внутривластной борьбе. Вероятным результатом реализации этого сценария может быть сохранение авторитаризма, причём не обязательно в просвещённой форме.

Выявилась неосуществимость надежд на то, что освобождение народов от авторитарных режимов приведет к восприятию ими идеалов демократии. Попытки США и их союзников силой оружия внедрить демократию в Ираке и

---

³⁶ Глобальная перестройка / Отв. ред. акад. А.А.Дынкин, акад. Н.И.Иванова /ИМЭМО РАН. М., 2014.С.185-208.

Афганистане превратили эти государства в арену затяжного конфликта с перспективой распада. Прав лауреат Нобелевской премии по экономике Амартия Сен, утверждая, что «...демократия не сводится к заполнению бюллетеней; она предполагает также публичные обсуждения и споры, т.е. всё, что издавна называют обычно «управлением посредством дискуссии»³⁷.

В последние десятилетия внимание ученых привлекает проблема диверсификации (поливариантности) моделей демократии. В начале 90-х годов американские востоковеды для обозначения режимов новых индустриальных государств Юго-Восточной Азии, сочетавших элементы формальной процедурной демократии и жесткого авторитаризма, ввели термин «нелиберальная демократия». Он был настороженно воспринят западными политологами, поскольку косвенно отражал сомнения в универсальной значимости «классических моделей» демократии, которые трактовались как единственно достойные считаться демократическими.

В 1997 г. известным американским публицистом Ф.Закария была выдвинута концепция «нелиберальной демократии». Ее основные идеи получили развитие в книге «Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами» (2003). Автор обратил внимание на такие теневые стороны феномена демократии, как пренебрежение властью правами и свободами граждан в условиях устоявшихся демократий, возможность использования демократических процедур для установления недемократических режимов.

«Нелиберальными демократиями» Ф.Закария называет режимы, сочетающие выборность и авторитаризм³⁸. К их числу он относит ряд латиноамериканских стран, большинство постсоветских и африканских

³⁷ Sen Amartya. Identity and Violence: The Illusion of Destiny. N.Y. - London. 2006. P.53.
³⁸ Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2003. С. 89. Американский исследователь этой проблематики М.Мандлбаум именуется такую практику «номинальной демократией», что на наш взгляд, более точно отражает ситуацию, когда воспроизводятся формальные стороны демократии, лишённые реального содержания. (Mandelbaum M. Democracy's Good Name: The Rise and Risks of the World's Most Popular Form of Government. N.Y., 2007. p.31-32).

государств. Эти режимы не отличаются экономической и политической эффективностью, так как правящие элиты складываются в них не по меритократическому принципу.

В каждой из нелиберальных демократий население имеет возможность избирать органы представительной власти. Однако избирательные законы и конституционные нормы фактически препятствуют учёту политиками народного волеизлияния. В большинстве этих стран де-юре или де-факто действует однопартийная система, а исполнительная власть имеет практически неограниченные полномочия. Экономика контролируется государством или уполномоченными им олигархами, ограничена свобода прессы, отсутствует независимая судебная система, а мнения оппозиционных групп игнорируются.

Согласно Ф.Закарии, основой нелиберальной демократии служит либо популизм, либо жёсткий контроль над политической жизнью³⁹. И то и другое оказывается возможным благодаря отсутствию обеспеченного и самостоятельного среднего класса, нередко вследствие преждевременной демократизации.

Фундаментом нелиберальных демократий Ф.Закария считает структуры экономики соответствующих государств, как правило, базирующиеся на сырьевом секторе. Доходы от продажи минерального сырья или нефти избавляют власть от решения сложных задач экономической и политической модернизации, необходимых для процветания наций.

Главные опасности, создаваемые нелиберальными демократиями, по мнению Ф.Закарии, состоят, с одной стороны, в том, что общество, будучи объектом манипулирования, разочаровывается в демократии как таковой, а с другой – в том, что экономические основы нелиберальной демократии не

---

³⁹ Закария Ф. Указ. соч. с.89

побуждают к хозяйственной модернизации, вызывая деградацию экономической сферы и порождая в людях чувство «отверженности».

Угрозу для демократии на Западе Ф.Закария видит в упрочении позиций теневых элит, ни перед кем не несущих ответственности и не озабоченных общественными интересами⁴⁰, а обуреваемых стремлением извлечь из своего положения максимальные материальные выгоды. Как следствие, в обществе возникают и быстро консолидируются «группы интересов», отражающие позиции как крупных финансово-промышленных структур, так и отдельных регионов, этнических групп или иных меньшинств. В условиях ослабления влияния политических партий такие группы интересов обретают огромное влияние.

Если прежде выработка государственной политики осуществлялась путём делегирования власти группам граждан, выбранных населением, становилось возможным «фильтровать и расширять общественные взгляды, пропуская их через орган управления, избранный из числа граждан»⁴¹, то эта система сдержек и противовесов, необходимая для нормального функционирования любого общества, отсутствует в нелиберальных демократиях и разрушается в развитых демократических странах.

Книга Ф.Закария стимулировала широкую дискуссию об особенностях демократии в незападных странах. Дебаты в научно-политических кругах были сосредоточены на двух моментах. Во-первых, каковы критерии причисления той или иной страны к категории демократических и как должны вести себя Соединенные Штаты по отношению к ней в зависимости от ее соответствия или несоответствия таковым. Во-вторых, можно ли считать государство демократическим, если правящий в нем режим не придерживается демократических ценностей, но утвердился при соблюдении демократических процедур.

---

⁴⁰ Там же. С.215.
⁴¹ Там же. С.273.

В 2006 г. термин «нелиберальная демократия» получил официальное признание со стороны руководства США. В послании о положении страны президент Дж. Буш, рассуждая о демократических процессах на Ближнем Востоке, признал возможность возникновения особых моделей демократии в государствах этого региона и по существу в незападной части мира.

В общемировом масштабе воздействие глобализационных процессов на демократию противоречиво и проявляется прежде всего в следующем:

1) формирование единых пространств – экономических, правовых, информационных, в которых доминируют высокоразвитые демократические страны, благоприятствует распространению и утверждению демократических принципов и идеалов;

2) действие связанных с глобализацией факторов (обострение противоречий между «Севером» и «Югом», миграционное давление, превращение терроризма в транснациональное явление и т.д.) преимущественно негативно влияет на процессы демократизации. Меры, призванные обеспечить стабильность и управляемость мирового сообщества, безопасность ведущих стран мира, могут существенно ограничить демократию даже там, где ее институты наиболее эффективны.

Продвижение к демократии в условиях глобализации будет продолжительным и чревато неизбежными коллизиями. Культурная самобытность государств третьего мира отторгает западную модель демократии, пока не имеющую альтернатив. Эту самобытность не в состоянии размыть никакая вестернизация.

3.3. Теории демократического транзита

Распад СССР и мировой социалистической системы положил начало процессу становления демократии в возникших независимых государствах. Этот процесс сопровождается оформлением новых политических и общественных институтов, к числу которых следует отнести прежде всего альтернативные выборы, многопартийность, неправительственные общественные организации, относительно независимые СМИ.

Наличие атрибутов демократии не обязательно означает установление реальной демократии, поскольку её уровень зависит не столько от наличия тех или иных политических институтов западного образца, но прежде всего от эффективности их функционирования в конкретных условиях трансформирующихся обществ.

На протяжении последних десятилетий ученые пытаются осмыслить перемены, происходящие в новых государствах. В большинстве исследований эти перемены определяются термином «транзит» (переход), давший название научному направлению, которое изучает трансформацию авторитарных режимов в демократические.

Проблема транзита активно разрабатывается западными политологами с 1970-х гг. По мнению родоначальника транзитологии Дэנקварта Растоу, демократический переход может начинаться только после обретения страной национального единства и национальной идентичности и включает три основные фазы: 1) «подготовительная» характеризуется развёртывающимся конфликтом, борьбой основных социальных сил и их коалиций; 2) «фаза принятия решений», в рамках которой вырабатывается формула компромисса между основными акторами, определяющего демократические правила и процедуры; 3) «фаза закрепления», на которой происходит утверждение новых форм общения людей и становление демократических институтов.

Поскольку процесс демократизации предполагает появление новых социальных групп и формирование соответствующих моделей поведения, то, по мнению Д.Растоу, минимальный срок перехода – поколение, а в странах, не имевших опыта демократизации, этот процесс протекает медленнее⁴².

В 80-90-х гг. был разработан блок моделей демократического перехода, связанный с именами Адама Пшеворского, Сэмюэла Хантингтона, Филиппа Шмиттера, Гильермо О'Доннелла, Хуана Линца и др.

А.Пшеворский считает, что демократия – это система, которая основывается на конкурентной политической борьбе между партиями и поражение в ней не является ни позором, ни преступлением. Главная черта демократии, согласно А.Пшеворскому, её *консолидированность*, т.е. гарантированность демократических процедур. Суть консолидированности состоит в добровольном принятии участниками политического процесса демократических процедур как общеприемлемых.

В центр своей концепции перехода к рынку и демократии А.Пшеворский ставит динамику соотношения сил. Исходя из этого критерия, выделяются две основные фазы процесса – *либерализация* и *демократизация*. На первой фазе изменение соотношения сил между правящей и оппозиционной группировками может привести либо к конфронтации, способной вызвать репрессии и усиление авторитаризма, либо, наоборот, ослабить старые институты; вторая фаза – непосредственной демократизации включает две стадии – освобождения от авторитарного режима и конструирования демократического правления⁴³.

Таким образом, по А.Пшеворскому, итоги транзита весьма неопределённые. Его возможные результаты варьируются от «авторитарной реставрации» до оформления основных демократических институтов.

---

⁴² Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели //Полис. 1996. №5.
⁴³ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999

Согласно С.Хантингтону, расширение сферы политического плюрализма в авторитарных государствах неизбежно ведёт к смене общественного устройства, что и произошло, в частности, в бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы. Демократический транзит в его понимании выступает как некий линейный процесс, которому присущи стартовая точка (условно «недемократия») и финишная («демократия»).

Несмотря на уверенность в том, что при определённых условиях возможно установление прочной демократии, исследователь выделяет и иные варианты результатов транзита :

1. Зависание страны между авторитаризмом и демократией, невозможность сделать определённый выбор в пользу какого-либо режима.
2. Стремление к новым попыткам демократизации.
3. Прерывание демократического процесса.
4. Прямой переход от стабильного авторитаризма к стабильной демократии.
5. Утверждение демократии в результате деколонизации⁴⁴.

В модели известных исследователей переходных процессов Г.О'Доннелла и Ф.Шмиттера к фазам *либерализации* и *демократизации* добавляется фаза *ресоциализации*. Эта фаза означает период усвоения гражданами новых демократических норм и ценностей вследствие их адаптации к демократическим условиям⁴⁵.

Учёными допускаются и варианты развития, альтернативные демократизации. Ф. Шмиттер считает, что помимо движения общества к автократии или демократии существуют по крайней мере две другие возможности: 1) появление гибридного режима, включающего элементы автократии и демократии; 2) возникновение устойчивой, но неконсолидированной демократии. Такие возможности особенно вероятны в тех случаях, когда прежние правители пытаются защитить свои интересы

⁴⁴ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С.53-57.

⁴⁵ O'Donnell G., Schmitter Ph. Transition from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions About Uncertain Democracies. Baltimore, 1986.

путём «прививки» вновь возникающему режиму авторитарных методов правления.

Гибридные образования стали достаточно распространённым явлением, особенно в Центральной Америке и Африке, где авторитарные правители пытаются ввести демократические механизмы для умиротворения внешних сил, требующих демократизации. Вместе с тем гибридные режимы не смогли обеспечить эффективное решение проблем переходного периода⁴⁶.

О'Доннеллом разработана теория «делегативной демократии» как одного из разновидностей гибридных режимов, сочетающего признаки демократии и авторитаризма. Его отличительными чертами являются: 1) регулярные выборы главы исполнительной власти, который на несколько лет становится высшим толкователем интересов нации; 2) низкий уровень институализации власти; 3) отсутствие каких-л. ограничений исполнительной власти, кроме неформальных отношений и сроков переизбрания ее главы; 4) наличие гражданских прав и свобод; 5) формальный характер законодательной власти; 6) радикальный характер политики, проводимой общенациональным лидером; 7) отсутствие механизмов согласования интересов. «Делегативная демократия» отличается от представительной отсутствием горизонтальной подотчетности исполнительной власти - системы разделения властей, «сдержек и противовесов»⁴⁷.

Поскольку делегативная демократия является промежуточным типом политического режима, согласно О'Доннеллу, существуют две потенциальные альтернативы его развития - к регрессии и откату к авторитаризму и к постепенной институализации режима и переходу к представительной демократии. В настоящее время понятие «делегативная

---

⁴⁶ См.: Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. 2004. №4.

⁴⁷ О'Доннелл. Делегативная демократия // <http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem01.htm> (дата обращения: 12.X.2014).

демократия» используется некоторыми политологами для характеристики режима, сложившегося в современной России.

Анализ перехода к недемократическим режимам находится на периферии внимания политологов. Исключение составляют исследования Х.Линца 1970-80-х гг., в которых на материалах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии прослеживаются процессы ослабления режимов неконсолидированной демократии. Их содержание составляют: возникновение неразрешимых проблем, порождающих кризисы; отказ правительств от завоеваний демократии и утрата ими реальной власти; укрепление позиций непримиримой оппозиции и распространение её влияния на нейтральные слои населения и умеренную часть оппозиции.

Эволюция этой авторитарной ситуации, по Х.Линцу, возможна как в авторитарном направлении, так и к либеральной демократии. Движение в направлении либеральной демократии предполагает переход к промежуточным типам режимов и прежде всего к так называемой делегативной демократии, которая основывается на возможности избрания президента, способного быть выразителем интересов нации⁴⁸.

В сравнительном исследовании демократизации в двадцати шести развивающихся странах Л.Даймонд, Х.Линц и С.Липсет для характеристики режимов предложили шестиранговую шкалу:

- полный успех демократии — стабильная, непрерывная и институционализированная демократия;
- прогрессирующий успех демократии — консолидация и относительная стабилизация демократии после одного или более случаев её свержения;
- смешанный успех демократии — нестабильная и неконсолидированная демократия;

---

⁴⁸ Linz J.J. The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breardown, and Reequilibration. Baltimora-London, 1978, p.81-82.

- провал демократии, но не без надежд – демократическое правление прервано, но есть перспектива его возвращения;

- провал или отсутствие демократии – демократического правления никогда не было и нет надежды на его установление⁴⁹.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать о наличии ряда аналитических моделей переходного процесса как от недемократических режимов к демократическим, так и к различным вариантам недемократии. Это объясняется исторической, социокультурной и геополитической спецификой государств. В большинстве транзитологических концепций переходное состояние рассматривается как поэтапный процесс, включающий периоды либерализации, демократизации и привыкания к демократии.

В 90-е - 2000-е гг. стало очевидным, что многие переходные режимы, адаптируя западные демократические институты, не присоединились к «третьей волне» и не стали полноценными демократиями. Они консолидируются как «конкурентный», «электоральный» авторитаризм и нередко образуют достаточно устойчивую стадию государственного развития. Такая ситуация позволила исследователям поместить эти страны в некую «серую зону» между автократиями и демократиями.

Согласно прогнозу отечественных исследователей Б.Макаренко и А.Мельвиля, демократия и в нынешнем столетии рассматривается в качестве идеала, однако «на обозримое будущее в дискурсе о демократии очевидно будут доминировать темы пределов демократической волны 1989 – 2010 гг. и вызов демократии со стороны китайской модели развития»⁵⁰.

В целом транзитология как относительно самостоятельная дисциплина политической науки, изучающая основные тенденции политических

⁴⁹ Diamond L., Linz J., Lipset S. Preface / Diamond L., Linz J., Lipset S. (eds.). *Democracy in developing Countries*. Vols. 1-4. Boulder and London: Lynne Rienner/ 1988-1991. p.ix-xxvii.

⁵⁰ Демократия в российском зеркале: Монография (ред., сост. А.М.Мигранян, А.Пшеворский). М., 2013. С.476.

трансформаций последних десятилетий, уже не ставит своей целью построение универсальной модели демократизации. Транзит понимается как «проект с открытым финалом», предполагающий множественность как путей перехода к демократии, так и его результатов.

ГЛАВА 4

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИКО-ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ КОЦЕПЦИИ

Политический запрос на долгосрочное прогнозирование начал формироваться на рубеже 1960-1970-х гг. В работах, опубликованных в последующие десятилетия, представлено комплексное видение развития основных сфер развития мирового сообщества – экономической, политической, военной и др.

Широкую известность получили прогнозы Римского клуба, акцентировавшие внимание на различных аспектах глобальных проблем – неравномерности развития, роста народонаселения, дефицита ресурсов, гонки вооружений и др. В теориях постиндустриального, технотронного и информационного общества обосновывается возможность преобразования основ общественного бытия благодаря применению новейших достижений науки и техники.

В парадигмальном плане технократические теории исходят из представлений о линейном и «вертикальном прогрессе», доминирующих в странах Запада с эпохи Просвещения. Согласно этим представлениям на Западе (первоначально в Европе, а затем и в США) достигнут высший уровень развития, а остальные страны и народы с течением времени приблизятся к этому идеалу.

Наиболее точным политическим прогнозом последних десятилетий было предвидение американского политолога Зб.Бжезинского о неизбежности краха социализма и распада СССР, о появлении однополярного мира при экономическом и силовом доминировании США. В 1971 г. В статье «Дисфункциональный тоталитаризм» он назвал три главные проблемы, с которыми не способна справиться тоталитарная система – научно-технический прогресс, политическое инакомыслие и национальный вопрос⁵¹. В 1989 г. в книге «Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке» Зб.Бжезинский предсказал крах советского общественного строя и распад СССР уже в обозримом будущем, что и произошло в 1991 г.

Используя прогностический потенциал теории эволюционных циклов Н.Д.Кондратьева, отечественные исследователи В.И.Пантин и В.В.Лапкин в начале 2000-х гг. предсказали ряд важных событий и процессов, в частности дестабилизацию мировой политики и экономики, глобальный кризис 2008-2009 гг. и последующую рецессию, резкое усиление политической и военной конфликтности во втором десятилетии XXI века, в том числе на междивизиационной и межнациональной почве⁵². Применяемая В.И.Пантиным и В.В.Лапкиным методология анализа основывается на многофакторном и нелинейном подходах к объекту анализа, синтезирует возможности таких ключевых подходов к прогнозированию, как философско-исторический, цивилизационный, мир-системный, математического моделирования.

В публикациях зарубежных и отечественных учёных обоснованно констатируется объективная сложность прогнозирования в связи с атомизацией и дисперсностью современных обществ, неясностью перспектив мирового развития в условиях глобализации, умножением числа факторов, не поддающихся рациональному учёту.

---

⁵¹ Цит. по: Свободная мысль. 1996. №11. С.122.

⁵² В.И.Пантин, В.В.Лапкин. Философия исторического прогнозирования: Ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века Дубна: Феникс, 2006.

В настоящее время к числу наиболее перспективных политических прогнозов могут быть отнесены сценарии будущего, разработанные американскими учеными Алвином Тоффлером и Сэмюэлем Хантингтоном, претендующими на универсализм в исследовании сложившейся реальности и тенденций её развития.

4.1. А.Тоффлер о сдвигах в природе и качестве власти

Значительным вкладом в политическую прогностику является анализ американским футурологом А.Тоффлером сдвигов в природе и качестве власти при переходе общества от доиндустриального к информационному. Проблематика власти и её трансформации рассматривается в работах «Футурошок» (1970), «Третья волна» (1980), «Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века» (1990 г., в русском переводе – 2003 г.). Последняя из книг завершает трилогию, посвящённую преобразению современной цивилизации.

Согласно предложенной им схеме трёх волн социального прогресса, предложенной А.Тоффлером, на смену силе пришло богатство, богатство сменяется знанием.

По мнению А.Тоффлера, власть, основанная на силе или угрозе её применения, преобладала в доиндустриальных (аграрных) обществах. Она расценивается как власть низшего качества, способная лишь к принуждению, лишённая гибкости, функционально ограниченная.

Власть, опирающаяся на богатство, преобладала в эпоху индустриального общества. Эта власть – среднего качества, поскольку также использует насилие, но в видоизменённых, скрытых, законодательно урегулированных формах. Главная причина ограниченного применения насилия по сравнению с

доиндустриальной эпохой состоит в обращении к более современному инструменту контроля – деньгам⁵³.

А.Токфлер считает, что при переходе к информационной цивилизации власть силы в основном изжила себя, а власть богатства исчерпывает свой потенциал. Господствующие позиции в мире начинает занимать власть высшего качества, основанная на знаниях, информации и новейших технологиях.

Согласно А.Токфлеру, знания – самый демократический источник власти. Власть, опирающаяся на знания, позволяет достигать целей с минимальными затратами ресурсов, убеждать людей в их личной заинтересованности в этих целях, превращать противников в союзников⁵⁴. Новое знание придаёт динамизм экономическим процессам, позволяя экономить один из главных ресурсов власти – время. Чем скорее общество осознает потребность в переходе к новой волне, тем меньше будет опасность насилия и диктата.

Благодаря знаниям широкие масштабы приобретает процесс децентрализации общества, его организационных и властных структур. Во многих кампаниях бюрократический аппарат заменяется системой компьютерного управления, воспринимающей поток информации. Контроль за информацией обеспечивает реальную власть в экономике и политике.

Анализируя влияние перемен в экономической сфере на политику, А.Токфлер констатирует, что параллельно разукрупнению производства и экономической интеграции аналогичные процессы происходят и на мировом уровне – децентрализация государств и формирование наднациональных властных структур. Этот двойственный процесс особенно явно проявляется в Европе.

---

⁵³ Toffler A. Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21 st Century. N.Y. 1990. P.42.
⁵⁴ Ibid. P.16

Под воздействием новых доминант мирового развития, утверждает Э.Тоффлер, трансформируются представления о политических процессах и явлениях. В период индустриализма люди, партии и политические движения обычно придерживались левой или правой ориентации, а проблемы, как правило, подразделялись на внутренние и внешние. Перед лицом глобальных проблем эти политические ярлыки и соответствующие им коалиции устаревают. Экологические катастрофы не бывают ни правыми, ни левыми, а последствия многих из них сказываются в международном масштабе.

По мнению А.Тоффлера, главные противники власти знания – религиозные движения фанатического, тоталитарного толка; экстремистские националистические силы, провоцирующие смещение власти в прошлое; группы, тяготеющие к насильственным методам борьбы за власть. Если общество в стабильном состоянии в значительной степени застраховано от последствий деятельности подобных групп, то в глобальный переходный период разбалансированность властных структур создаёт почву для «воплощения в жизнь высокоинтенсивных агрессивных идеологий»⁵⁵. А.Тоффлер считает, что в XXI веке именно эти силы вступят в единоборство с демократией.

Особое внимание в утверждение власти знания А.Тоффлер придаёт его распространению в экономически отсталых странах с тем, чтобы с его помощью способствовать их прогрессу, культурному и научному развитию.

Современный мир оценивается А.Тоффлером как арена борьбы за власть. Сверхконцентрацию власти он считает опасной, а недостаточную концентрацию – малоэффективной.

Интересны рассуждения А.Тоффлера о роли государства в обеспечении порядка. Государства, стремящиеся узурпировать власть, лишаются того, что

---

⁵⁵ Ibid. P.254.

конфуцианство называет «мандатом небес». Во взаимозависимом мире такие государства теряют легитимность.

Несмотря на возможные отступления человечества от общей линии прогресса на основе знания, оно, как полагает А.Торфлер, может вступить в XXI век с большой долей уверенности в благоприятных перспективах. Такая оптимистическая позиция в целом не характерна для футурологии. Большинство футурологов придерживается сдержанных или даже алармистских взглядов на будущее человечества.

4.2. Концепция «столкновения цивилизаций» С.Хантингтона и прогноз П.Бьюкенена о «закате» Запада

Заметное явление в политической прогностике последних десятилетий – работы С.Хантингтона «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1998, в русском переводе 2003 г.) и П.Бьюкенена «Смерть Запада» (2002, в русском переводе 2003). Методологической основой содержащихся в них прогнозов служит цивилизационный подход к глобальным процессам.

С.Хантингтону принадлежит одно из наиболее удачных определений цивилизации как наивысшего ранга культурной общности и идентичности. В своём прогнозе он исходит из того, что будущее мироустройство сформируется в процессе взаимодействия цивилизаций, отличающихся друг от друга историей, языком, традициями и особенно религией. По его мнению, новые центры силы и влияния на мировой арене возникнут на основе 7-8 существующих цивилизаций – западной, православно-христианской, исламской, индуистской, конфуцианской, японской, латиноамериканской и, возможно, африканской. Россию он считает стержневой страной православной

цивилизации и крупной региональной державой, имеющей законные интересы в области обеспечения безопасности своих южных границ⁵⁶.

С.Хантингтон полагает, что основным источником противоречий в международных отношениях будущего явятся уже не идеология и экономика, а соперничество цивилизаций за доминирование и обладание ресурсами (военными, экономическими, институциональными). Конфликты между цивилизациями, вызываемые различием ценностей и убеждений, более глубоки и труднее поддаются урегулированию, чем межгосударственные конфликты, детерминированные несовпадением национальных интересов. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и режимами. Самые значительные конфликты прогнозируются С.Хантингтоном вдоль границ между цивилизациями.

Не исключает С.Хантингтон и глобальную войну, хотя считает ее маловероятной. Подобная война, по его мнению, «может произойти в результате эскалации идущей по линии разлома войны между группами, принадлежащими к различным цивилизациям, и наиболее вероятно, что с одной стороны в ней будут участвовать мусульмане, а с другой – немусульмане»⁵⁷.

С.Хантингтон, однако, не считает межцивилизационные войны фатально неизбежными. Он формулирует три правила для предотвращения таких войн – «правило воздержания», «правило совместного посредничества» и «правило общностей». Суть правил заключается в следующем:

Первое правило: стержневые страны должны воздерживаться от вмешательства в конфликты, происходящие в других цивилизациях. *Второе правило:* стержневым странам необходимо договариваться между собой с целью сдерживания или прекращения войн по линиям разлома между государствами или группами государств, относящимся к их цивилизациям».

---

⁵⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. М., 2003. С.514.
⁵⁷ Там же. С.515.

Третье правило: представителям всех цивилизаций следует искать и стремиться к распространению ценностей, институтов и практик, которые являются общими и для них, и для тех, кто принадлежит к другим цивилизациям⁵⁸.

Концепцию С.Хантингтона выгодно отличает критическое отношение к популярным в США и Европе идеям универсальности западных ценностей, отождествления модернизации и вестернизации, а, следовательно, и к попыткам повсеместного навязывания западных ценностей.

С.Хантингтон предупреждает Запад о неизбежной утрате доминирования в мире вследствие возрастания экономической и военной мощи незападных цивилизаций, придерживающихся ценностей «семейной ответственности, трудолюбия, коллективизма и воздержанности». Эта перспектива потребует от него не только усилий по сохранению технологического и военного превосходства, но и стремления понять фундаментальные основы других цивилизаций, избегая геополитического и геоэкономического высокомерия. Претензии Запада на всеобщность своих ценностей столкнут его прежде всего с исламской и китайской цивилизациями.

По мнению С.Хантингтона, *в обозримой перспективе* интересы Запада требуют: укрепления сотрудничества и единства в рамках собственной цивилизации, прежде всего между Европой и Северной Америкой; интеграции в состав Запада стран Восточной Европы и Латинской Америки, близких по своей культуре к Западу; поддержания и расширения сотрудничества с Россией и Японией; предотвращения локальных междоцивилизационных конфликтов и их разрастания в полномасштабные войны между цивилизациями; решения насущных задач.

---

⁵⁸ Там же. С.523, 529

В долгосрочной перспективе С.Хантингтон рекомендует Западу считаться с возрастающей мощью незападных цивилизаций, отличных от него по своим ценностям и интересам. Это потребует не только усилий по поддержанию военного потенциала, но и стремления понять фундаментальные религиозные и философские основы незападных цивилизаций.

С.Хантингтон полагает, что в будущем, когда принадлежность к определённой цивилизации станет основой самоидентификации людей, страны, в населении которых представлено несколько цивилизационных групп (в том числе Россия), обречены на распад. Единственный выход для России он видит в присоединении к Западу, отказываясь от традиционализма.

В целом С.Хантингтон в своих представлениях о тенденциях мирового развития отразил глобальную тенденцию к усилению роли этнической и религиозной принадлежности как факторов самоидентификации социальных общностей. Идея конкуренции культур во всех сферах международной жизни имеет непреходящую эвристическую ценность для осмысления глобализационных процессов. Перед мировым сообществом стоит задача выработки правил этой конкуренции, которая в предстоящий период во многом определит динамику становления нового миропорядка.

Если в общемировом масштабе диалог цивилизаций представляет собой альтернативу столкновению между ними, то применительно к России он является способом сохранения территориальной целостности страны, исторически возникшей на пересечении разных цивилизаций.

Представляется, однако, упрощением чрезмерное акцентирование роли культурно-религиозного компонента и недооценка значимости экономических и политических интересов народов и государств в формировании будущего миропорядка. Уже в ближайшие десятилетия борьба за сырьевые ресурсы, особенно энергоносители, и относительно безопасный доступ к ним, за обеспечение жизненного пространства для стран с быстрорастущим

населением станет причиной многочисленных региональных и глобальных конфликтов, причем не обязательно военных. Не исключены столкновения интересов внутри цивилизаций, способные вылиться в конфликты⁵⁹. Поэтому резонно предположить перспективу возникновения конфликтов не только на культурно-религиозной, но и социально-экономической почве.

В настоящее время интерес к концепции «столкновения цивилизаций» заметно усилился в связи с активизацией международного терроризма. Исследователи и политики видят в ней объяснение этого явления, ставшего острой глобальной проблемой.

Оппоненты С.Хантингтона оценивают его видение будущего человечества как упрощённое, не учитывающее содержательные характеристики глобализации - расширение, углубление и ускорение мирового сотрудничества во всех сферах современной социальной жизни. Они исходят из возможности управляемого развития человечества, которое выводило бы его на более высокую ступень целостности в процессе становления информационного общества. Вместе с тем констатируется, что ещё не выработаны механизмы, способные, с одной стороны, преодолеть конфликты мирового сообщества, а с другой - решить проблемы глобализации на наднациональном уровне.

В условиях глобальных трансформаций идёт интенсивный поиск оптимальной модели управления миром с целью обеспечения устойчивого развития и поддержания стабильности. «Цивилизационной» парадигме С.Хантингтона автор одной из публикаций П.М.Иванов противопоставляет управленческую вертикаль «Центр-периферия», где «центр» - система управления глобализационными процессами на наднациональном уровне,

---

⁵⁹ Пример тому – ирано-иракская война 1979-1980 гг., в возникновении которой существенную роль сыграло соперничество шиитской и суннитской ветвей ислама. В настоящее время наступление суннитских радикалов из группировки «Исламское государство» на шиитские районы Ирака может знаменовать начало активной фазы суннитско-шиитского противостояния, способного вызвать конфронтацию между главной шиитской державой – Ираном и «суннитским тяжеловесом» - Саудовской Аравией. (См.: Г.И.Мирский. Драма Арабского Востока // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №11. С.77-87).

структуру которой сейчас определить невозможно, а «периферия» - страны и регионы, являющиеся объектами управления. Предлагаемая система, по его мнению, способна предотвратить дальнейшую хаотизацию общемировой среды, обеспечить устойчивое развитие этнически и культурно разобщённого человечества. В качестве прототипа такой системы рассматривается Европейский Союз, примеру которого могут последовать другие регионы и континенты планеты по мере их готовности к усвоению ценностей постиндустриального мира⁶⁰.

Цивилизационный подход к мировому развитию реализуется и в иной плоскости – в виде анализа последствий для Запада глобальных миграционных процессов. С.Хантингтон обращает особое внимание на угрозу, создаваемую для Соединённых Штатов новой иммиграционной волной из Мексики, способной привести к расколу страны на две культуры (англо-американскую и испаноязычную) и два языка⁶¹.

Американский политик Патрик Дж.Бьюкенен, ссылаясь на данные статистики о масштабах вымирания англо-саксонского населения и притока иммигрантов, прогнозирует неизбежность гибели Америки и всей иудео-христианской цивилизации под напором огромных масс переселенцев из развивающихся стран. Из-за продолжающейся депопуляции стран Запада выходцы из зоны «отсталости» способны за несколько десятилетий превратиться в этническое большинство и мирным путем колонизовать бывшие метрополии. Правящие элиты стран Запада, сетует он, проглядели эту опасность и теперь им будет крайне сложно поправить положение⁶².

Если в книге «Смерть Запада» П.Бьюкенен акцентировал внимание на общей тенденции «заката» Запада, то в развивающей его прогноз последней

---

⁶⁰ См.: Иванов П.М. Столкновение цивилизаций или устойчивое развитие? //Полис. 2015. №2. С.162-164.

⁶¹ См.: Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американкой национальной идентичности. М., 2004.
⁶² См.: Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М.: 2004.; Его же. На краю гибели. М., 2008.

книге «Самоубийство сверхдержавы: доживёт ли Америка до 2025 года?» ответственность за возможный крах США к конкретной дате возлагается на американский политический класс. Одной из фундаментальных причин возможного краха США уже в обозримой перспективе он считает мультикультурализм и иммиграционную политику власти с последней трети XX века.

Стремясь выиграть идеологическую войну против мирового социализма и создать благоприятный имидж в глазах всех рас, этносов и вероисповеданий, Соединённые Штаты, размышляет П.Бьюкенен распахнули двери для иммигрантов. Новая волна иммиграции ведёт к радикальному изменению этнических и культурных основ американской цивилизации и создаёт угрозу самому её существованию.

Возможность предотвращения гибели Соединённых Штатов он видит в возвращении к идеям отцов-основателей-государства, особенно А.Гамильтона, который защищал национальную промышленность от иностранных конкурентов, создавал промышленные предприятия, заложил основу государственной протекционистской политики, обеспечивавшей процветание экономики.

Анализ П.Бьюкененом опасностей для Соединённых Штатов, вызываемых иммиграцией, подкрепляется не только американским опытом, но и данными из современной мировой практики взаимоотношений разных групп и этносов. Цитируются политические лидеры Западной Европы, констатирующие крушение мультикультурализма в их государствах и надежд на успешную интеграцию иммигрантов в европейский социум. По его мнению, современный мир развивается не в направлении единства в

многообразии, а, наоборот, стремления этносов к суверенитету, созданию и увековечению национальной идентичности и культуры⁶³.

Несомненный интерес представляют оценки П.Дж.Бьюкененом процессов и перспектив миграции в РФ. «Уже сейчас китайские поселенцы перебираются в Россию, как американцы когда-то заселяли север мексиканского штата Техас, позднее отошедшего к США»⁶⁴. Согласно его прогнозу, демографическое давление со стороны Китая и других южных соседей РФ будет настолько сильным, что к 2050 г. Россия фактически уйдет из Сибири будет вынуждена оставить Кавказ⁶⁵.

Россия в представлении П.Бьюкенена – «умирающая цивилизация» с убывающим населением, сокращением численности русских, которые окажутся в меньшинстве по сравнению с иными этносами. Исходя прежде всего из демографических факторов, формулируется апокалиптическое пророчество: постсоветская Россия испытает удар, намного превосходящий по катастрофическим последствиям «семьдесят лет правления большевиков»⁶⁶.

Констатации и прогнозы П.Бьюкенена отражают исторически сложившийся тип общественного развития и присущие ему стереотипы сознания, понимания смыслов, ценностей и норм жизни. Вместе с тем назревающая потребность в изменении фундаментальных основ человеческого бытия открывает перспективу появления его новых вариантов, основывающихся прежде всего на инновациях. Применительно к России речь идёт о всесторонней модернизации страны и выходе её на позиции одного из центров силы мировой политики.

4.3. Политическая прогностика Ф.Фукуямы

⁶³ Buchanan P.J. Suicide of Superpower: Will America Survive to 2025? New York, 2011. P.275-320.

⁶⁴ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. С.147.

⁶⁵ Там же. С.150.

⁶⁶ Buchanan P.J. Suicide of Superpower: Will America Survive to 2025? P. 180-185, 378-381

В последние десятилетия сценарии будущего активно разрабатываются известным американским ученым Ф.Фукуямой, который первоначально предложил «линейную» теорию истории, но впоследствии частично скорректировал свою позицию. В своей первой книге «Конец истории и последний человек» (1992 г., русский перевод 2004 г.) он продолжил линию эссе «Конец истории» и проводил мысль о том, что распространение в мире либеральной демократии западного образца свидетельствует о конечной точке социокультурной эволюции человечества и формировании окончательной формы правления. В его представлении конец истории, однако, означает завершение не событийной истории, а идеологических противостояний, революций и войн.

Работа подверглась массовой критике в научной литературе и публицистике. Большинство рецензентов указывали на идейную ангажированность автора, проявлявшуюся в крайней приверженности идеям либеральной демократии, избирательность в оценке событий и подборе фактов. Констатировалась недооценка значимости набравших силу движений, противостоящих либеральной демократии, особенно исламского фундаментализма.

Ф.Фукуяма принимал активное участие в полемике, развернувшейся после выхода книги, отстаивал свои позиции, но в последующих работах пересмотрел их.

В опубликованной в 2002 г. книге «Наше постчеловеческое будущее» Ф.Фукуяма по существу дезавуировал свои первоначальные взгляды. Он признал, что история не закончилась крушением коммунизма, но будущее человечества напоминает ему антиутопию.

Вместо «конца истории» Ф.Фукуяма прогнозирует возможность конца человечества в его нынешнем состоянии, который может наступить в

результате использования биотехнологий для «моделирования» людей. По его мнению, прогресс науки, особенно биотехнологий, способен изменить саму природу человека и привести к созданию тотальных форм социального контроля наподобие тех, которые описаны в многочисленных антиутопиях. Постчеловеческая эра, как считает Ф.Фукуяма, будет абсолютно непредсказуема в политическом плане.

Возможность сохранения человечества Ф.Фукуяма видит в чувстве достоинства личности⁶⁷. Он рассматривает это духовно-нравственное образование в контексте мировой интеллектуальной традиции – от Аристотеля до наших дней и приходит к выводу, что именно оно способно предотвратить постчеловеческую трансформацию людей. Представляется, что достоинство человека – весьма важная, но не достаточно надёжная гарантия сохранения его и нынешнего образа жизни на планете.

Алармистский подход Ф.Фукуямы характерен для многих исследований последних лет. Он отражает обеспокоенность ученых в связи с возникновением новых угроз для самого существования человечества, их стремление обеспечить мировому сообществу достойное будущее.

В опубликованной в конце 2011 г. статье «Будущее истории» Ф.Фукуяма, проанализировав фундаментальные сдвиги в устройстве мира, признаёт кризис модели глобализованного капитализма и сетует на отсутствие какой-либо конструктивной идеологической альтернативы, которую можно было бы предложить ей взамен. По его мнению, эта модель способна разрушить средний класс и сделать невозможным достижение

---

⁶⁷ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. М., 2004.; Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. Пер. с англ.. М.: 2004. Гл.9.

статуса среднего класса для большинства граждан. В результате будет разрушена социальная база либеральной демократии⁶⁸.

Ф.Фукуяма ссылается на следующие реалии.

С 1970-х гг. в США средние доходы в реальном измерении переживают стагнацию. Её экономическое воздействие значительно смягчалось благодаря тому, что в большинстве американских семей доходы стали получать два человека.

Прорыв ипотечного пузыря в 2008-2009 гг. привёл к тому, что американцы пользуются дешёвыми мобильными телефонами, недорогой одеждой и Facebook, но всё большее число людей не может себе позволить иметь собственный дом, медицинскую страховку и достаточный размер пенсии.

С присоединением к глобальным трудовым ресурсам работа, которую в развитом мире выполнял старый средний класс, обходится гораздо дешевле в других местах.

Итоговый вывод Ф.Фукуямы таков: миру необходима серьёзная интеллектуальная дискуссия о социально-экономическом устройстве.

Прогнозируемый Ф.Фукуямой мировой порядок по своей сути является американоцентричным, поскольку идеи и принципы либеральной демократии нашли наиболее полное и последовательное выражение в Соединённых Штатах и всемерно поддерживаются ими. Должным образом не учитывается тот факт, что Соединённые Штаты прошли пик своего могущества и вступили в эпоху эрозии доминирующих позиций, когда мир стал полицентричным и судьбоносные для него решения могут приниматься ведущими центрами силы.

---

⁶⁸ Фукуяма Ф. Будущее истории // Россия в глобальной политике Январь-февраль. №1. 2012

В своих представлениях о тенденциях мирового развития Ф.Фукуяма в целом исходит из посыла о «линейном», «восходящем» прогрессе, «мотором» и «движущей силой» которого является стремление людей к личной свободе.

4.4. Футурологические концепции неомондиализма: истоки, эволюция, современные версии

Последние десятилетия ознаменовались резким усилением интереса к мондиализму – идейно-политическому течению, ориентированному на планетарную интеграцию и переход к униформному миру эгидой мирового правительства (*monde* – мировое правительство), которое объединило бы коллективные усилия человечества для предотвращения угроз его существованию. Этому в немалой степени способствовало обострение глобальных проблем, в прошлом отсутствовавших или не проявлявших себя столь масштабно и разрушительно, как в настоящее время. К их числу следует отнести такие явления, как нарастающий экологический кризис; грозящий ряду регионов дефицит пресной воды; международная террористическая активность; появление и быстрое распространение по планете новых, прежде неизвестных болезней и пр.

Решение проблем, по своей природе транснациональных и даже глобальных, возможно лишь на коллективной основе, вынося властные полномочия за пределы национальных границ. Они не вмещаются в рамки национального суверенитета и могут быть разрешены усилиями мирового сообщества. Общечеловеческая потребность в объединении этих усилий, по мысли мондиалистов, способна дать мощный импульс созданию всемирного транснационального государства, возглавляемого общемировым правительством.

В отечественных публикациях проблематика мондиализма как идейно-политического течения и практики рассматривается фрагментарно, нередко с вульгаризаторских, конспирологических позиций. Между тем в условиях глобализации, неясности будущего мироустройства и умножающихся рисков поиск оптимальных форм глобального управления приобретает для человечества экзистенциальное значение.

Истоки мондиализма восходят к древности и средневековью. Изначально в его основе лежало мистическое представление о том, что в кульминационный момент истории народы объединятся в некоем едином Царстве, свободном от противоречий, конфликтов и трагедий, свойственных обычному земному бытию. Рационалистические мондиалистские идеи были характерны для различных направлений общественной мысли - от римских стоиков до либералов, социалистов и коммунистов. Впоследствии влияние этих идей проявилось в создании таких организаций, как Лига Наций, а затем и ООН.

С конца XIX века мондиалистские организации начали создаваться крупными бизнесменами. В частности, английский и южно-африканский политический деятель, алмазный олигарх Сесиль Родс (1853 – 1902) мечтал об объединении англоговорящих народов, развитии при их содействии Азии и Африки и создании в итоге всемирной федерации, в которой ведущая роль будет принадлежать англоязычным народам. Из предпринимателей и финансистов им была образована группа «Круглый стол», члены которой ставили задачей установление всемирной системы беспрепятственной торговли и образование мирового правительства.

В XX веке мондиалистские идеи и планы разрабатывались тремя международными центрами – основанным в 1921 г. Советом по международным отношениям (Council on Foreign Relations, CFR), образованным в 1954 г. элитным Бильдербергским клубом (Bilderberg club,

Bilberberg group)⁶⁹ и функционирующей с 1973 г. «Трехсторонней комиссией» или «Трилатераль» (Trilateral Commission) со штаб-квартирой в Нью-Йорке, призванной объединить три «больших пространства», лидирующих по технико-экономическим основаниям, – Северную и Южную Америку, Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион во главе с Японией. Во главе Бильдерберга и Трилатерала стоит крупнейший американский банкир, глобалист по своим воззрениям Д. Рокфеллер, а ведущими аналитиками этих структур являются известные эксперты-международники и политики Зб. Бжезинский и Г. Киссинджер. Член элитарного Бильдербергского клуба и известный французский исследователь неомондиалистского направления Ж.Аттали.

В СССР идеи мондиализма привлекали внимание созданного в 1976 г. Института системного анализа РАН, возглавлявшегося академиком Дж.М. Гвишиани. Особой популярностью эти идеи пользовались в среде левых партий Западной Европы, ориентированных на еврокоммунизм

В настоящее время кроме действующих многосторонних институтов при всех претензиях к их эффективности перспективными структурами для реагирования на кризисы и конфликты постбиполярного мира могут быть неформальные клубы типа «двадцатки» и «восьмёрки», коалиции крупных держав. Примерами успешного взаимодействия заинтересованных акторов служат отдельные аспекты функционирования антитеррористической коалиции, договорённости по проблемам Балкан и сирийского химического оружия.

В 50-60-е гг. основной версией мондиализма была теория конвергенции⁷⁰ социализма и капитализма под влиянием научно-технической революции и расширения торгово-экономического сотрудничества (Дж.Гэлбрейт, П.Сорокин, У.Ростоу, Ж.Фурастье, Ш.Перру, Я. Тинберген, А.Сахаров). Она

---

⁶⁹ По названию отеля «Бильдерберг» в голландском городе Остербек, где в мае 1954 г. состоялось первое заседание клуба

⁷⁰ Лат. *convergentio* - сближение разного, вплоть до возможного слияния в единое.

явилась результатом поиска концептуальной основы для обеспечения мирного будущего человечества в обстановке военного и идеологического соперничества двух общественных систем – социализма и капитализма, стремившихся расширить сферы своего влияния и поощрявших союзников из числа стран третьего мира к развязыванию локальных войн (например, во Вьетнаме, Анголе). Кризисы в отношениях между сверхдержавами, нестабильность на региональном и субрегиональном уровне создавали угрозу развязывания термоядерной войны. Альтернативой самоуничтожению человечества, по мысли ряда известных учёных, должно было стать формирование новой цивилизации интегрального типа, которая будет сочетать лучшие элементы обеих общественных систем – капитализма и социализма и управляться мировым правительством.

В книге «Мир, прогресс, права человека» академик А.Д.Сахаров писал: «Я считаю особенно важным преодоление распада мира на антагонистические группы государств, процесс сближения (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, сопровождающийся демилитаризацией, укреплением международного доверия, защитой прав человека, закона и свободы, глубоким социальным прогрессом и демократизацией, укреплением нравственного, духовного, личного начала в человеке»⁷¹.

Социализм предполагалось преодолеть, перейдя к его умеренной, социал-демократической, модели через отказ от тезисов "диктатуры пролетариата", "классовой борьбы", "национализации средств производства" и "отмены частной собственности". В свою очередь, капиталистический Запад должен был бы ограничить свободу рынка, ввести частичное государственное регулирование экономики и т.д. Общность же культурной ориентации могла бы быть найдена в традициях Просвещения и гуманизма. На основе конвергенции прогнозировалось образование мирового правительства, которое должно положить начало эпохе всеобщего мира. Последующий ход

---

⁷¹ Сахаров А.Д. Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления /Послесловие Д.Гранина. М.: 1990. С.39

событий не подтвердил эту теорию, но она сыграла определенную роль в подготовке идейно-политической почвы для разрядки начала 70-х годов и формирования нового политического мышления.

Современные американские и европейские неомондиалистские концепции отличаются значительной спецификой.

В рамках американского мондиализма просматриваются три основных подхода - американоцентричный, либеральный и коммунитаристский. Первый из них представлен в работах прежде всего известного геостратега и политика Зб. Бжезинского⁷². Второй разрабатывается в публикациях Ф. Фукуямы⁷³, Р. Кохэна, Дж. Ная⁷⁴, Дж. Розенау⁷⁵ и др. Коммунитаристская версия мондиализма отражена в публикациях идеолога этого идейно-политического течения А. Этциони⁷⁶.

Смысл первого из подходов сводится к утверждению о неизбежности планетарной интеграции, перехода от национальных государств к единому миру под эгидой США. Основу мондиалистских воззрений Зб. Бжезинского составляет идея о том, что движение к новому миропорядку будет происходить в процессе имплантации западных, прежде всего американских, ценностей в жизнь мирового сообщества.

---

⁷² Бжезинский Зб. Выбор. мировое господство или глобальное лидерство. Пер. с англ. М., 2005; Бжезинский Зб. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. Пер. с англ. М., 2010; Бжезинский Зб. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. Пер. с англ. М., 2012.

⁷³ Фукуяма Ф. Конец истории // Философия истории. Антология. М., 1994; Фукуяма Ф. На распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. Пер. с англ. М., 2008; Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. Пер. с англ. М., 2006.

⁷⁴ Най Дж., Кохэн Р. Транснациональные отношения и мировая политика / Теория международных отношений (сост., науч. ред. и коммент. П.А.Цыганкова. М., 2002; Най Дж.С.- мл. Будущее власти. М., 2014;

⁷⁵ Rosenau J.N. Globalization, Security, and the Nation-State: Paradigms In Transition (ed. by E.Audinli, J.N. Rosenau). Albany, 2005.

⁷⁶ Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. Пер. с англ. М., 2004; Etzioni A. Security First. For a Muscular, Moral Foreign Policy. New Haven (Ct.), 2008.

В течение 90-х гг., когда США доминировали в мире, Зб. Бжезинский полагал, что мощь этой страны позволит сформировать американоцентричное мироустройство. Ослабление глобальных позиций Соединенных Штатов и усложнение международной системы поставило его перед необходимостью переосмысления геостратегии единственной сверхдержавы – признанию анахронизмом курса на доминирование и акцентированию «просвещенного» лидерства, которое убедило бы мир в преимуществах американского социального устройства и сделало бы эту страну центром притяжения мирового сообщества.

Шанс Соединенных Штатов на мировое лидерство Зб. Бжезинский видит в том, что ни одна другая страна не способна выполнить ту роль, которую потенциально могут и должны сыграть Соединенные Штаты, располагая крупнейшей экономикой, самыми мощными вооруженными силами, огромным научным и технологическим потенциалом. На их стороне, как он считает, и закрепившаяся в мировом общественном мнении убежденность в том, что международная система нуждается в эффективной стабилизирующей силе, и альтернативой выполнению Соединенными Штатами этой роли может быть только всемирный хаос⁷⁷.

Обретение мирового лидерства представляется Зб. Бжезинскому возможным лишь в том случае, если они продемонстрируют всему миру справедливость своего социального устройства, готовность к компромиссам, самоограничению, преодолению претензий на собственную исключительность, даже к сужению своего суверенитета, если того потребуют интересы всего человечества. Мир не пойдет за Америкой до тех пор, пока не перестанет видеть в ней неоимпериалистического диктатора и растратчика скудеющих планетарных ресурсов.

---

⁷⁷ Бжезинский Зб. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. Пер. с англ. М., 2012.

Сегодня, полагает Зб. Бжезинский, Соединенные Штаты должны не насаждать демократию в оптимальном для себя виде, а внимательно изучать процессы «политического пробуждения», протекающие в различных регионах мира, выявлять там зачатки демократических движений и оказывать помощь тем движениям, которые выражают глубинные чаяния народов соответствующих стран. Европейскую тактику постепенного распространения демократии он считает более перспективной в условиях XXI века, чем американскую.

По мнению Зб. Бжезинского, идея борьбы с терроризмом не может быть системообразующим принципом внешней политики США, поскольку она узка по своей направленности, расплывчата в определении противника и, что важнее всего, не способна повлиять на фундаментальные причины, порождающие нестабильность в зоне Евразии.

Чтобы обеспечить США положение эффективного и ответственного лидера, Зб.Бжезинский рекомендует наладить конструктивное взаимодействие с ведущими мировыми игроками - Европейским Союзом и Китаем, держать в поле зрения так называемые свинговые (от англ. swing) – Индию, Японию, Россию, Бразилию, способные «качнуться» как к Западу, так и от него. В такой системе связей Соединенным Штатам, по его мысли, надлежит быть не гегемоном, а лидером. Налаженное сотрудничество между ведущими мировыми игроками поможет США сдерживать нежелательное и неконтролируемое применение насилия в международных отношениях.

Предлагаемый Зб. Бжезинским новый подход к внешней политике США предполагает использование «разумной силы» (smart power) – сочетания «жесткой» военной и экономической мощи с «мягкой» силой публичной дипломатии. Такой подход, с его точки зрения, позволит им осуществлять «экспорт оптимизма и надежды», стать источником вдохновляющих идей и прагматических решений, способным обеспечить лидирующее положение в мире.

Идеолог либерального направления Ф. Фукуяма в конце 80-х гг. выдвинул тезис об универсализации западной демократии и распространении на весь мир. Его базовый постулат – планетарное существование человечества и новая геополитическая структура мира будут основываться на ценностях свободного рынка и демократии⁷⁸.

Вопреки прогнозам Ф.Фукуямы мировое развитие становится все более непредсказуемым и конфликтным, возрастает анархическое начало в мировой политике. Масштабы происходящих перемен таковы, что многие традиционные представления и понятия теряют свою объясняющую способность. Выявились неспособность и нежелание ряда государств воспринять каноны либеральной демократии. Все это вынудило Ф.Фукуяму признать упрощенность своей концепции.

Констатируемые Ф.Фукуямой трудности, которые всегда создавали для системы государств «слабые и несостоявшиеся государства», в эпоху глобализации превратились в первостепенную мировую проблему», масштабы которой в полной мере еще не осознаны мировым сообществом. Набирающая темпы глобализация, прогнозирует он, обострит проблему, и её масштабы будут нарастать. В тех случаях, когда внутренние институты «проблемных» стран окажутся слишком слабыми, единственную альтернативу для них Ф.Фукуяма видит в возвращении к неокOLONиалистской или мандатной системе⁷⁹.

Осмысление реалий трансформирующегося мира привело Ф. Фукуяму к мысли об упрощённости концепции конца истории и универсализации западной демократии как окончательной формы правления. В своих последних публикациях он связывает надежды на формирование нового миропорядка с модернизаторской ролью Соединенных Штатов в глобальном

---

⁷⁸ Фукуяма Ф. Конец истории // Философия истории. Антология. М., 1994.

⁷⁹ Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. Пер. с англ. М., 2006.

масштабе, а условием ее выполнения считает признание американской элитой принципов коллективизма и многополярности⁸⁰.

С момента опубликования доктрины Монро (1823 г.) Соединённые Штаты оказывают возрастающее влияние на мировые процессы, являясь в настоящее время единственной сверхдержавой, занимающей лидирующее положение в глобальном социуме. Лидерство поддерживается прежде всего за счёт высокого инновационного потенциала страны, обеспечивающего её превосходство в экономической и военной областях, а также благодаря адаптационным возможностям американской цивилизационной модели. Вместе с тем в глубоко фрагментированном мире, при усиливающейся конкуренции со стороны ключевых акторов долговременные перспективы сохранения американского лидерства весьма неопределённые.

Представители либерального интернационализма в западной политической науке Р. Кохэн, Дж. Най, Дж. Розенау высказываются за создание органа международного управления, наделённого властными полномочиями и организованного по типу мировой федерации или конфедерации и возглавляемого всемирным правительством с наднациональными прерогативами⁸¹.

Важный внешнеполитический ресурс США в обеспечении глобального лидерства Дж.Най видит в использовании с выгодой для себя альянсов и сетевых структур, которые дополняют, если не полностью заменяют иерархическую власть. По его мнению, особенно значимо то, что два образования в мире, сопоставимые с Соединёнными Штатами по уровню

---

⁸⁰ Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. Пер. с англ. М., 2006. Его же. На распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. Пер. с англ. М., 2008.

⁸¹ Най Дж., Кохэн Р. Транснациональные отношения и мировая политика / Теория международных отношений (сост. науч. ред. и коммент. П.А. Пилипчука). М., 2005; Най Дж. С. и др. Будущее власти. М., 2014; Rosenau J.N. Globalization, Security, and the Nation-State: Paradigms In Transition (ed. by E.Audinli, J.N. Rosenau). Albany, 2005.

развития экономики и душевому доходу, - Европейский Союз и Япония – являются их союзниками.

В условиях трансформации мировой системы Соединённым Штатам, согласно Дж.Наю, следует избегать навязывания миру либеральной демократии и американских ценностей, содействуя их продвижению при минимальном уровне издержек. Американская стратегия должна быть направлена на решение пяти основных проблем – пресечения ядерного терроризма; обуздания политического ислама; преодоления экономической депрессии, связанной с действием финансовых или нефтяных факторов; предотвращением экологических или климатических катастроф. В обозримом будущем универсальный инструментарий достижения приоритетов внешнеполитического курса США ему видится в применении «умной силы»⁸².

Разрабатываемая А. Этциони коммунитарная версия неомондиализма исходит из посыла о наличии устойчивых совместных целей у группы национальных государств, открывающих путь к созданию мирового правительства⁸³. По прогнозу А. Этциони, в обозримой перспективе будут взаимодействовать несколько десятков государств, объединенных общими ценностями и поддерживаемых легитимными институтами глобального управления. К числу таких стран он относит и Россию. Важный вклад в решение общественных проблем, по его мнению, вносят международные неправительственные структуры и общественные движения, объединяемые под рубрикой «коммунитарные организации», которые влияют на массовое сознание и ценностные ориентации, способствуя формированию социально значимого поведения.

А. Этциони считает, что стратегия создания однополярного мира оказалась несостоятельной и пришло время трансформировать американскую квазиимперию в легитимную глобальную конструкцию, в которой США

⁸² Най Дж.С.-мл. Будущее власти. М., 2014.

⁸³ Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. Пер. с англ. М., 2004..

могли бы играть важную позитивную роль, способствовать упорядочению международных отношений. Ростки глобального управления он усматривает в антитеррористической коалиции во главе с Соединенными Штатами, участники которой делятся разведанными, совместно проводят аресты подозреваемых, отслеживают финансовые потоки, питающие терроризм. По его убеждению, в дальнейшем антитеррористическое сотрудничество должно выйти за пределы поддержания международного правопорядка и распространиться на все глобальные проблемы.

А. Этциони придерживается той точки зрения, что в современном мире право на безопасность значимее всех прочих прав. Принцип приоритета безопасности личности приводит его к отрицанию идеи абсолютного суверенитета и требованию к мировому сообществу незамедлительно и решительно реагировать на ситуации, чреватые этническими чистками и геноцидом. Он трактует суверенитет как ответственность и полагает, что XXI век должен стать эпохой активного вмешательства в дела тех государств, которые неспособны обеспечить безопасность граждан или создают для нее угрозы⁸⁴.

Мир будущего видится А. Этциони как всемирное сообщество, объединяющее региональные сообщества и возглавляемое глобальной властью, образованной на базе радикально трансформированной ООН.

Проектам объединенной Европы противостоит неомондиалистское направление, представители которого связывают перспективу решения существующих в мире проблем с объединением человечества под эгидой Мирового правительства. Это направление разрабатывается при активной финансовой поддержке Соединенных Штатов, стремящихся ограничить политическую самостоятельность объединенной Европы.

---

⁸⁴ Etzioni A. Security First. For a Muscular, Moral Foreign Policy. New Haven (Ct.), 2008.

Резкое усиление интереса к мондиализму в последнее десятилетие вызвано переструктурированием геополитической карты Европы в результате распада ряда государств, этнополитическими конфликтами в некоторых регионах континента, неуверенностью членов Европейского Союза в перспективах интеграции, угрозами, которые исходят от международного терроризма.

Наиболее известными приверженцами мондиалистского направления являются бывший советник президента Франции Ф. Миттерана, первый президент Европейского Банка Реконструкции и Развития Ж. Аттали и руководитель Миланского института международных исследований К. Санторо.

Мондиалистские воззрения Ж. Аттали во многом близки к идеям Ф. Фукуямы. С геоэкономических позиций они изложены в работах, посвящённых ближайшему будущему человечества и глобальному управлению, - «Линии горизонта» (1990), «Краткая история будущего» (2008) и «Кто будет управлять миром завтра?» (2011)⁸⁵.

Предтечами идеи мирового правительства Ж.Аттали считает итальянского поэта Данте Алигьери и философа Иммануила Канта. Первый из них в трактате «О монархии» (1313 г.) заметил, что мировая империя может покончить с войной и основанное на Разуме мировое правительство должно обеспечить свободу народов. И. Кант в «Проекте вечного мира» (1795 г.), возродив концепцию римских стоиков, предложил создать мировую систему права, охватывающую весь мир. Это право он назвал космополитическим.

В книге «Линии горизонта» (1990) Ж. Аттали приводит два аргумента в пользу геополитического единства мира и создания Мирового правительства.

---

⁸⁵ Attali J. Lignes d'horizon. Paris., 1990; Attali J. Une brève histoire de l'avenir. Paris., 2008; Attali J. Demain, qui gouvernera le monde? Paris., 2011.

Первый из них связан с угрозами, вызываемыми ростом численности периферийных народов, массовой миграцией в развитые страны, экологическими катастрофами, торговлей оружием и наркотиками, дефицитом питьевой воды, уничтожением лесов и т.д. Для нейтрализации этих угроз Ж. Аттали предлагает установить жесткий политический контроль над миром, для чего необходимы мондиалистская власть и мировое правительство.

Второй аргумент видится в логике развития информационных технологий и процессах глобализации, по мнению Ж. Аттали, неизбежно порождающей интеграционные процессы и способствующей преодолению геополитических противоречий.

Будущий миропорядок должен основываться на трех принципах: 1) демократия – наилучшая политическая система, утверждающаяся в глобальном масштабе; 2) свободный рынок, по выражению Ж. Аттали, «торговый строй» - двигатель прогресса; 3) мондиализм – единственный разумный способ решения наиболее значимых для человечества проблем.

Действие этих принципов, как считает Ж. Аттали, должно привести к размыванию национально-государственных суверенитетов и объединению человечества.

На основе геоэкономического подхода Ж. Аттали прогнозирует возникновение в мире трех важнейших регионов, которые станут центрами новых пространств:

- 1) американское пространство, объединяющее обе Америки в единую финансово-экономическую зону;
- 2) европейское пространство, возникшее после экономического объединения Европы;
- 3) тихоокеанский регион – зона «нового процветания», включающая несколько конкурирующих центров – Токио, Тайвань, Сингапур и т.д.

Между этими тремя мондиалистскими пространствами, по мнению Ж. Аттали, не будет особых различий и противоречий ввиду тождественности экономических и идеологических основ. Их специфика будет связана лишь с географическим местоположением⁸⁶.

Важное условие реализации мондиалистского проекта Ж. Аттали видит в искоренении бедности, разъединяющей людей. В качестве способа решения этой проблемы он предлагает расширение существующей практики предоставления организациями микрокредитов без залога неимущим слоям населения. Система микрофинансирования, услугами которой можно воспользоваться, минуя государственные структуры, по мнению Ж. Аттали, способна превратиться в существенный аспект экономики будущего⁸⁷.

Тенденцию к формированию будущего мирового правительства Ж. Аттали усматривает в создании в годы холодной войны таких структур, как ООН, Интерпол, Международный валютный фонд, Движение неприсоединения, Римский клуб, Трехсторонняя комиссия. При этом в один ряд ставятся межгосударственные структуры и структуры, изначально направленные на создание мирового правительства, – Римский клуб и Трехсторонняя комиссия, в первом же отчёте которой употреблён термин «мировое управление».

Дальнейшее продвижение мондиализма, по мнению Ж. Аттали, связано с внедрением в практику термина «международное управление», начало которому было положено созданием в 1991 г. при ООН по инициативе В. Брандта Комиссии по мировому управлению. Успехами «многостороннего управления миром» в 90-е гг. он считает прежде всего создание международного трибунала по Югославии (1993), по Руанде (1994), превращение ГАТТ в ВТО (1994), соглашение о сокращении выбросов газов в атмосферу (1997), учреждение в Риме Международного суда (1998).

⁸⁶ Attali J. *Lignes d'horizon*. Paris, 1990.

⁸⁷ Аттали Ж. Понятие «нация» превратится в отзвук былых реалий //Россия в глобальной политике Май-апрель 2007. С.57.

Ж. Аттали пишет об испытанных миром в начале XXI века пяти шоках, изменивших глобальную ситуацию и потребовавших форсированного перехода к мировому правительству. К их числу он относит, во-первых, теракты 2001 г., продемонстрировавшие неприятие частью мира глобализации как вестернизации; во-вторых бурное развитие интернета, мобильной связи и социальных сетей, «уплотняющих» мир и затрудняющих правительственный контроль над социумом; в-третьих, финансовый кризис 2008 г. в Калифорнии, обретший планетарное измерение и убедивший мировое сообщество в том, что глобализация рынков не сопровождается глобализацией права; в-четвёртых, движение за свободу, начавшееся в 1989 г. на Востоке и продолжившееся в 2010 г. в виде государственных переворотов в Тунисе и Египте, не получило компетентной поддержки со стороны международных институтов в переходе к демократии; в-пятых, произошедшие в марте 2011 г. природные катаклизмы в Японии впервые поставили вопрос о необходимости международного контроля над ядерными реакторами и источниками технических угроз⁸⁸.

В последних работах Ж. Аттали предлагаются два прогноза мирового развития после 2025-2030 годов. Первый – установление мирового правительства по завершении 2020-х гг. («Кто будет управлять миром завтра?»). Второй прогноз, который станет реальностью в долгосрочной перспективе (около 2060 г.), – наполненный конфликтами путь к гипердемократии под эгидой мирового правительства, которая позволит человечеству воспользоваться личной свободой и потенциалом технологий для достижения изобилия («Краткая история будущего»).

В прогностике Ж. Аттали уделяется внимание и России. Она, по мнению футуролога, благодаря части нефтяных доходов может приобретать на Западе необходимые промышленные технологии для модернизации

---

⁸⁸ Attali J. Demain, qui gouvernera le monde? Paris, 2011. P.212-214. 1996.

экономики. Это даст реальные шансы к 2025 г. превзойти ВВП Германии, Англии и Франции и стать шестой экономикой мира.

Согласно прогнозу Ж. Аттали, Россия будет развивать городскую инфраструктуру, законодательную базу частной и интеллектуальной собственности и особенно систему здравоохранения. К 2025 г. численность населения страны стабилизируется на уровне 120 млн. Вместе с тем Россия может столкнуться с новыми угрозами – исламской с юга и китайской с востока ⁸⁹.

Согласно футурологической модели К. Санторо, после «холодной войны» человечество пребывает в стадии перехода от биполярного мира к ситуации предстоящих цивилизационных катастроф, которые должны подтолкнуть человечество к созданию планетарного государства под эгидой Мирового правительства. Сценарий этих катастроф и перехода к глобальному управлению ему представляется следующим.

- 1) Дальнейшее ослабление роли международных институтов.
- 2) Нарастание националистических тенденций в странах, входивших в Варшавский договор, и в третьем мире. Это приводит к хаотическим процессам.
- 3) Дезинтеграция традиционных блоков (кроме Европы) и прогрессирующий распад существующих государств.
- 4) Начало эпохи войн малой и средней интенсивности, в результате которых складываются новые геополитические образования.
- 5) Признание блоками необходимости создания новых международных институтов с самыми широкими полномочиями и планетарного государства под эгидой Мирового правительства для предотвращения глобального хаоса.

---

⁸⁹ Attali J. Une brève histoire de l'avenir. Paris, 2008.

6) Окончательное создание планетарного государств под эгидой новых международных инстанций и прежде всего Мирового правительства⁹⁰.

Посткатастрофический мондиализм К. Санторо контрастирует с оптимистическим мондиализмом Ф.Фукуямы, прогнозировавшим торжество либерализма после окончания «холодной войны» и оценивавшим существующие международные институты (ООН и др.) как достаточно развитые, чтобы стать ядром «Мирового правительства».

Таким образом, при многообразии акцентов и подходов конкретных приверженцев мондиализма его смысл сводится к постулированию неизбежности планетарной интеграции, перехода от множественности государств, народов, наций и культур к униформному миру (One World). Представляется, что это идейно-политическое направление, несмотря на мировую турбулентность и возрастание рисков, в целом адекватно отражает интеграционные тенденции и противоречия глоболизирующегося мира, прогнозируя перспективу объединения человечества в единый социум, управляемый мировым правительством. В последние десятилетия продуктивная идея широко используется мировыми элитами с целью усиления своего влияния на глобальные процессы, задействуя известные и влиятельные сетевые организации, прежде всего «Совет по международным отношениям», «Бильдербергский клуб», «Трехстороннюю комиссию».

Вместе с тем общемировая тенденция уменьшения роли национального государства, размывания его автономности и самодостаточности не означает исчерпания потенциала этого института. После мирового финансового кризиса начала XXI века наметилась тенденция «возвращения» государств, усиления влияния государственного аппарата, роста влияния администраций на финансовые потоки и структуры⁹¹. Симптоматично, что принципам

⁹⁰ Santoro C. Progetto di ricerca multifunzionale 1994—1995: I nuovi poli geopolitici. Milano.

⁹¹ Сирота Н.М. Государство как субъект глобализации: статус, тенденции развития, перспективы / Saarbrücken / Deutschland: Dictus Publishing, 2012; Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации // Полис. 2014. №4.

построения сильного государства как одной из актуальных проблем XXI века посвятил одну из своих последних работ известный приверженец неомондиализма Ф. Фукуяма⁹² При неизбежном усилении интеграционных тенденций государство в обозримом будущем, очевидно, сохранит доминирующее положение в глобальном информационном обществе.

В более отдалённой перспективе по мере становления глобального общества на продвинутой стадии этого процесса традиционные межгосударственные отношения могут преобразоваться во внутриобщественные будущего общечеловеческого социума, а власть примет планетарные масштабы.

В функционирующей международной системе просматриваются следующие проявления этого тренда:

- активизируются наднациональные интеграционные процессы (прежде всего через передачу отдельных функций государства структурам более высокого уровня – межгосударственным и надгосударственным);

- формируются элементы глобального права и транснациональной юстиции;

- увеличивается количество международных неправительственных организаций, расширяется сфера их деятельности и повышается востребованность.

Кооперативное взаимодействие субъектов мировой политики концентрируется на следующих направлениях:

- преодоление катастрофического разрыва в уровнях жизни стран Севера и Юга;

---

⁹² Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006.

- поддержание экологического и климатического баланса, минимизация негативных воздействий на среду обитания человечества и биосферу в целом ;
- предотвращение распространения оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного;
- концентрация усилий на решении глобальных проблем в области науки, культуры, здравоохранения;
- предупреждение и минимизация последствий природных и техногенных катастроф, организация спасательных операций;
- борьба с терроризмом и международной преступностью;
- обеспечение порядка на территориях, утративших политико-административную управляемость и оказавшихся в состоянии анархии, угрожающей международной безопасности.

ГЛАВА 5.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ В ИССЛЕДОВАНИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

5.1. Доминирующие школы: идеализм и политический реализм

Теоретическое осмысление мировой политики имеет длительную историю. С течением времени концептуальные подходы постоянно развивались и изменялись, оказывая при этом значительное влияние друг на друга.

К числу первых попыток объяснения взаимоотношений между государствами можно отнести «Историю Пелопонесской войны» Фукидида (V в. до н.э.), размышления Цицерона о «справедливых войнах» против

вторгающихся врагов (I в. до н.э.), многочисленные хроники действий различных правителей и т.д. На протяжении столетий видное место в политической мысли занимали вопросы войны и мира как способов изменения баланса сил, создания нового мирового порядка.

В XX - начале XXI вв. при всем многообразии конкурирующих направлений и школ в изучении мировой политики наиболее влиятельными теоретико-методологическими подходами являются идеалистический, реалистический и марксистский. Эти подходы эволюционировали, приобретая различные концептуальные формы, которые, по мысли их создателей, призваны соответствовать трансформации объекта анализа

Политический идеализм возник как реакция части ученых и политиков на социальные бедствия, вызванные Первой мировой войной. Он ориентирован на ограничение силового соперничества государств, правовое решение международных проблем, создание демократического миропорядка, способного утвердить мир и обеспечить процветание человечества.

Политический идеализм формировался под влиянием либерализма Нового времени, особенно идеи И.Бентама о ценности свободы личности, общественного мнения и демократических институтов, а также мысли И.Канта о «вечном мире», основывающемся на признании законных прав всех граждан и всех государств.

Базовые положения политического идеализма отражены в 14 пунктах послевоенного урегулирования, сформулированных одним из интеллектуальных лидеров направления – профессором и 28-м президентом США Вудро Вильсоном (1856-1924). Среди них – отказ от тайной дипломатии; моральность внешнеполитической деятельности; сокращение вооружений до минимума, обеспечивающего национальную безопасность; свобода мореплавания; устранение торговых барьеров; создание

международного органа, который гарантировал бы политическую независимость и территориальную целостность государств.

Идеализм был особенно популярен в межвоенный период, проявив себя в попытках обеспечить мир путем создания международных институтов, особенно Лиги Наций. Эта организация олицетворяла тягу народов к миру и безопасности, но не сумела предотвратить ни агрессию Италии против Эфиопии, ни советско-финскую войну, и с началом Второй мировой войны прекратила существование.

На идеях политического идеализма в 1950 - 1970 – х гг. сформировался *глобалистский подход* к международным отношениям. Его приверженцы акцентировали внимание на таких последствиях интеграционных процессов, как девальвация роли государств в международных отношениях, рост влияния межгосударственных и неправительственных организаций, усиление взаимозависимости всех акторов мировой политики и, в конечном счете, формирование глобального самоуправляющегося сообщества, функционирующего по единым правилам и регулируемого едиными законами. Они апеллировали к таким реалиям, как все большая проницаемость (транспарентность) границ для людей и капиталов, стирание прежних жестких различий между внутренней и внешней политикой, выход регионов на международный уровень.

Взгляды глобалистов отражены в *теории комплексной взаимозависимости*, разработанной на основе неолиберальных принципов Робертом Кеохэйном и Джозефом Наем в исследованиях «Транснационализм в мировой политике» (1971) и «Мощь и взаимозависимость. Мировые политики в переходе» (1977). Согласно этой теории фактор силы утрачивает решающее воздействие на международные отношения, более эффективными средствами влияния становятся экономические, правовые и информационные механизмы. По мнению ученых, в современном мире создаются условия для институционализации отношений между государственными и

негосударственными акторами, которые открывают перспективу упорядочения международной среды.

Согласно либеральной традиции, авторы теории комплексной взаимозависимости указывают на взаимную выгодность сотрудничества Севера и Юга. Содействие Югу в искоренении бедности, стимулировании экономического, политического и социального развития рассматривается как условие прогресса всего человечества. Гуманитарные мотивы предоставления развитыми государствами помощи нуждающимся в ней государствам – интерпретируются либералами как «гуманный интернационализм».

В последние десятилетия либералами значительное внимание уделяется разработке концепций, провозглашающих *утверждение демократии западного образца и превращение демократической внешнеполитической ориентации государств в доминанту мировой политики*. Наиболее известными представителями этого направления являются Фрэнсис Фукуяма и Макс Дойл.

Согласно выдвинутой Ф.Фукуямой в конце 1980-х гг. *концепции «конца истории»*, после исчезновения у либеральной демократии альтернативы – общественно-экономической системы СССР, открылась эра её универсализации, распространения на весь мир. Конец истории мыслился им как переход к глобальному постиндустриальному обществу, в котором определяющую роль играют наука и техника.

Непредсказуемость и конфликтность мирового развития, выявившиеся неспособность и нежелание ряда государств воспринять каноны либеральной демократии вынудили Ф.Фукуяму признать упрощённость своей концепции. В своих последних публикациях, особенно в работе «Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие» (2006), он связывает надежды на формирование демократического миропорядка с модернизаторской ролью Соединённых Штатов, а условием её выполнения

считает признание американской элитой принципов коллективизма и многополярности.

Согласно разработанной М.Дойлом *теории «демократического мира»*, демократии не воюют друг с другом и разрешают имеющиеся между ними противоречия исключительно мирным путем. Основные положения теории восходят к традициям поиска западной либеральной мыслью идеального государственного устройства и вечного мира между народами. Из идеи невозможности войн между либеральными демократиями следует тезис о необходимости распространения демократии для обеспечения международной безопасности.

На самом деле демократии если и демонстрировали миролюбие, то отнюдь не в силу присущих им нормативных и институциональных ограничений, а вследствие конкретных обстоятельств военно-стратегического свойства. В истории демократии сплошь и рядом руководствовались поисками экономической выгоды или стремлением укрепить военно-стратегические позиции. Примером тому - недавний курс Соединенных Штатов на демократизацию Большого Ближнего Востока.

Идеалистические идеи оформились в *иренологию* (от греч. εἰρηνε - мир, logos - учение) – науку о мире, междисциплинарное направление, исследующее проблемы ненасилия и мирного развития человечества. В предмет иренологических исследований входят: способы и приемы разрешения конфликтов; организация и руководство действиями, направленными на предотвращение войны и установление мира; проблемы повышения безопасности оборонных систем, выработка мер по разоружению и контролю над вооружениями. Цель науки – воспрепятствование возникновению войн, урегулирование и преодоление внешнеполитических кризисов. Наука создала новый потенциал прогрессивных подходов в области мира и международного сотрудничества.

Иренология получила развитие прежде всего в странах Западной Европы (Скандинавия, Великобритания, ФРГ), а затем и в США. Ведущие иренологические учреждения – Международный институт исследований мира (Осло), созданный в 1959 г. И.Галтунгом; Стокгольмский институт исследований мира (СИПРИ); Международный институт мира (Вена), Институт мирового порядка (США), созданный С.Мендловицем.

Политический реализм (или *Realpolitik*) по своим позициям противоположен политическому идеализму и во многом возник как критика моралистического видения мировой политики, игнорирующего реалии силового соперничества государств. Он продолжает интеллектуальные традиции, заложенные Н.Макиавелли, Т.Гоббсом, К.фон Клаузевицем. Значительный вклад в развитие этих традиций внесли английский историк Эдвард Карр, американские политологи Ганс Моргентау, Рейнхольд Нибур, Джордж Кеннан, Генри Киссинджер, Збигнев Бжезинский, французский ученый Раймон Арон. Основные идеи политического реализма разработаны в исследовании признанного главы школы Г.Моргентау «Политика среди наций», впервые опубликованной в 1948 г.

Исходные постулаты политического реализма:

- «международная политика, как и любая другая политика, является борьбой за власть» (Г.Моргентау);
- государства – основные акторы на международной арене, стремящиеся к максимизации своего влияния;
- взаимодействие государств осуществляется на основе национальных интересов и баланса сил;
- национальные интересы – объективное явление, определяемое традициями, неизменностью природы человека, природно-географической средой;

- по значимости национальные интересы различаются на постоянные, основополагающие (прежде всего, защита территории, населения и государственных институтов от внешней опасности) и преходящие, промежуточные;

- понятие «сила» включает помимо военного компонента экономический, политический, морально-идеологический, демографический и пр.;

- абсолютных моральных ценностей не существует; мораль должна быть подчинена государственным интересам;

- международные организации могут быть эффективным инструментом сильных государств.

Ключевая формула реалистической позиции в области внешней политики – «осознание интереса, выраженное в терминах силы» (Г.Моргентау).

Оптимальной реалисты считали рациональную политику, способную увеличивать выгоды государств и минимизировать риски при их получении. Высшие добродетели правительств они видели в благоразумии и способности учитывать последствия предпринимаемых действий.

В парадигме классического реализма как инструмент внешней политики государств рассматривается механизм оказания помощи другим государствам, способствующий реализации национальных интересов там, где военные и политические инструменты неэффективны. Эта помощь помогает стране-донору втягивать страны-реципиенты в альянсы и договорные отношения, отвечающие его интересам.

С этих позиций Г.Моргентау активно оппонировал ученым и политикам, доказывавшим возможность победы Соединённых Штатов в ядерной войне и последующего восстановления в стране нормальных условий жизни. Оценивая эти доводы как фантастические, он высказывал опасения по поводу того, что недооценка разрушительных возможностей ядерного оружия может привести

к иррациональной политике, повышающей опасность развязывания ядерной войны и всеобщей катастрофы.

В 1960-х гг. среди «реалистов» наметились различные подходы к ряду основополагающих идей школы. Предпринятые Г.Аллисоном, М.Гальпериным, Г.Киссинджером, Дж.Розенау попытки анализа внутренних детерминант внешней политики шли вразрез с основополагающими положениями реализма о гомогенности национального интереса как отражения объективных потребностей государства, о независимости внутренней и внешней политики. Увязывая международные отношения с внутренней политикой, эти ученые обращались в первую очередь к сравнительному анализу путей развития современных государств. Значительное внимание ими уделялось проблемам взаимной обусловленности внутреннего устройства государств с различными формами правления и способов вхождения этих государств в мировое сообщество.

Французский ученый Р.Арон, разделяя основополагающие принципы школы политического реализма, исходил из тезиса о сужении роли военной силы в международных отношениях и возрастающей значимости экономических, идеологических и иных ненасильственных факторов достижения внешнеполитических целей. В книге «Мир и война между нациями»(1984) он отрицал монополию какого-либо государства на глобальное доминирование, по существу отстаивая идею многополюсного мира как альтернативы биполярности. Могущество государства рассматривалось им не только как совокупность материальных и военно-технических факторов, но и как способность лидеров использовать их эффективно в определенных обстоятельствах и с конкретными целями.

Политический реализм занимал господствующее место в теоретической мысли периода холодной войны, когда в исследованиях акцентировались проблемы соперничества государств, особенно сверхдержав – США и СССР.

Представители этого направления оказывали существенное влияние на политику стран Запада.

В условиях формирующейся полицентричности классики реализма видят национальные интересы США в обретении мирового лидерства и воспрепятствовании укреплению позиций конкурентов. Эти воззрения отражены в работах Зб.Бжезинского «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы»(1997), «Выбор: мировое доминирование или глобальное лидерство»(2004), «Три президента и кризис американской сверхдержавы» (2007), «Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис» (2012); в книгах Г.Киссинджера «Дипломатия» (1994) и «Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии XXI века» (2001), «О Китае» (2012), «Мировой порядок» (2014) Шанс на превращение США в эффективного и ответственного лидера Зб.Бжезинский видит в проведении такой внешней политики, которая свяжет могущество США с устремлениями политически пробудившегося человечества. В книге «Мировой порядок» Г.Киссинджер подчёркивает, что в становлении новой международной системы стабильный баланс сил имеет такое же большое значение, как в Вестфальскую эпоху.

Значительное внимание Зб.Бжезинский и Г.Киссинджер уделяют обоснованию необходимости американо-китайского *геостратегического сотрудничества* для преодоления финансово-экономического кризиса. С учётом уникальности потенциала США и Китая ими предложено создание «*большой двойки*», которая сконцентрировала бы усилия на совместном решении общемировых и региональных проблем.

В случае создания неформального американо-китайского кондоминиума система международных отношений претерпела бы серьёзные изменения на глобальном уровне. Не случайно призыв к выстраиванию особых отношений между США и Китаем вызвал противоречивую реакцию мирового сообщества.

В расширении сферы глобального влияния США оба аналитика особое значение придают обеспечению контроля над Евразией как крупнейшим и наиболее богатым ресурсами континентом, жизненно важным для развития американской экономики. Устранение любого соперника в этом регионе рассматривается ими как стратегическая задача США.

По мнению З.Бжезинского и Г.Киссинджера, конфликт вокруг Украины по своему контексту существенно отличается от «холодной войны». Прагматичный способ его завершения экспертам видится в «финляндизации» Украины – её всестороннем сотрудничестве с Россией и Западом без вхождения в военные альянсы⁹³.

В связи с выявившимися в 1950-1970-х гг. трудностями в объяснении интеграционных тенденций (особенно на европейском континенте) возникла потребность в модернизации политического реализма. Сформировавшийся к концу 1970-х гг. *неореализм*, или *структурный реализм*, при сохранении ключевых постулатов реализма, особенно о ведущей роли национального интереса, ввел в исследование мировой политики положение о системе (структуре) международных отношений как факторе, благоприятствующем или ограничивающем государство в реализации национальных интересов. Один из основателей неореализма Кеннет Уолтц в работе «Теория международной политики» (1979) исследовал механизмы воздействия глобальной системы международных отношений на поведение государств и баланс сил. Другой исследователь из США Роберт Гилпин в работе «Война и изменения в мировой политике» (1981) проводит мысль о том, что важнейшей детерминантой функционирования мировой системы и обеспечения её стабильности является стремление одних политических акторов установить

---

⁹³ Brzezinski Zb. Russia Needs to be Offered a “Finland Option” for Ukraine // The Financial Times. 22.02. 2014. Kissinger H. How the Ukraine Crisis Ends // The Washington Post. 06.03. 2014.

контроль за поведением других, особенно за международным разделением труда.

С крахом биполярности и окончанием холодной войны позиции неореализма оказались существенно ослабленными вследствие резкого расширения численности и роста влияния новых политических акторов (неправительственные организации, транснациональные корпорации, «глобальные» СМИ и т.д.), прогрессирующей транспарентности границ, возникновения конфликтов нового поколения, снижения роли международной системы в обеспечении безопасности, обострения ряда глобальных проблем (угроза экологической катастрофы, организованная преступность, международный терроризм).

Глава влиятельнейшего «мозгового центра» США - Совета по международным отношениям – Ричард Хаас предрекает наступление принципиально иной эпохи в мировой политике – бесполярной. Основной её чертой в XXI столетии станет не доминирование не одного или нескольких государств, а способность десятков акторов влиять на положение в мире. Бесполярная система означает коренное изменение расстановки сил и несет с собой новые трудности и риски.

С начала 1990-х гг. в рамках неореализма возникают новые, компромиссные по отношению к либерализму концепции. Одна из них – выдвинутая Сэмюэлем Хантингтоном *концепция «столкновения цивилизаций»*, в соответствии с которой государствам как главным акторам мировой политики приходят на смену цивилизации – культурные сообщества, отличающиеся друг от друга историей, языком, традициями, но особенно религией. По мнению С.Хантингтона, взаимоотношения цивилизаций также будут конфликтными, поскольку в их основе лежат ценности и убеждения, примирить которые будет гораздо сложнее, чем национальные интересы государств. Он считает, что соперничество цивилизаций за доминирование в мире, обладание ресурсами(военными, экономическими,

институциональными) явится движущей силой мировой политики, а линии разделяющих цивилизации границ станут зонами региональных конфликтов. Очевидно, что в новой версии реализма акцент переносится с анализа межгосударственных отношений на факторы социокультурного характера.

В долгосрочной перспективе С.Хантингтон ориентирует Запад не только на поддержание необходимого военного потенциала для успешного соперничества с незападными цивилизациями, но и на учёт фундаментальных философских и религиозных основ этих цивилизаций. Созданную им концепцию отличает критическое отношение к популярным в США и Европе идеям универсализации западных ценностей, отождествления модернизации и вестернизации, а, следовательно, и к попыткам повсеместного навязывания западных ценностей.

В настоящее время интерес к концепции «столкновения цивилизаций» заметно усилился в связи с резкой активизацией международного терроризма. Исследователи и политики видят в ней объяснение этого явления, ставшего острейшей глобальной проблемой.

Школа политического реализма во многом определяет внешнеполитические позиции такого влиятельного идеологического течения, как *неоконсерватизм* (курс на глобальную гегемонию США, силовое распространение демократии, «война с терроризмом» и т.д.). Рекомендации, основывающиеся на жесткой версии политического реализма, разрабатываются «мозговыми центрами» неоконсервативной ориентации (Фонд «Наследие», Американский предпринимательский институт, Гуверовский институт). Установка на создание международно-политических условий, гарантирующих господствующее положение единственной сверхдержавы, и действия по её реализации вызывают широкое неприятие мирового сообщества.

Оба теоретико-методологических подхода – идеализм и реализм сочетались во внешней политике всех американских президентов. Их соотношение определялось прежде всего конкретно-историческими обстоятельствами.

5.2. Неореализм и идеализм: тенденции к синтезу

На базе критики неореализма новый импульс получило либеральное направление политической мысли. Относительно гомогенное в прошлом из-за наличия советского фактора, сегодня оно оказалось раздробленным на несколько течений – либеральный интернационализм, либерал-реализм и конструктивизм.

Основные наследники традиционных идеалистов *либеральные–интернационалисты* (А.-М.Слотер, Э.Муравчик, С.Коэн) указывают на примат либеральных ценностей и международного права в качестве основы формирования мирового порядка. В их работах обосновывается идея создания наиболее мощными державами демократического фронта с целью всестороннего укрепления правовой основы международных отношений.

Либеральные интернационалисты – одни из немногих, кто утверждает, что США лишились права считать себя моральным лидером современного мира и своими действиями наносят урон международному праву. На фоне глобального финансового и экономического кризиса прогнозируем рост популярности этого течения.

Либерал-реалисты (бывшие конгрессмены Г.Харт и С.Нанн, известный политолог Р.Легволд) основными способами достижения внешнеполитических целей считают прагматический подход и умение

договариваться даже с неудобными партнёрами. По своему мировоззрению они наиболее близки к президенту США Б.Обаме.

Социальный конструктивизм (основатель А.Вендт) включает следующие положения:

- действия международных акторов наряду с интересами определяются институтами, которые трансформируют эти интересы;
- одной из важнейших детерминант поведения государств является социокультурный контекст;
- внешнеполитический курс в значительной степени определяется фактором национальной идентичности, корреспондирующим с национальным интересом;
- обеспечение стабильности в международных отношениях возможно благодаря распространению соответствующих ценностей и идей.

Значительное внимание разработке идей международной кооперации и взаимопонимания между народами в условиях развивающейся глобализации уделяют эксперты американского Фонда Карнеги за международный мир. Этот фонд, имеющий филиалы в ряде стран, включая Россию, ставит задачей содействие укреплению международной безопасности и стабильности. Результаты исследований и рекомендации Фонда Карнеги нередко противоположны разработкам консервативных «мозговых центров».

В 1960-1980-х гг. в полемике основных направлений международно-политической науки значительное место заняла дискуссия *модернистов* и *традиционалистов*, пытавшихся доказать превосходство своих представлений о международных отношениях, методологии и методах их исследования. Ее участниками были преимущественно политологи реалистического направления.

Модернисты (Мортон Каплан, Герман Кан, Джеймс Коллинз и др.) рассматривали национальные государства в качестве самостоятельных властных систем и основное внимание уделяли моделированию их действий на международной арене. В их работах значительное место занимали исследование процедур и механизмов принятия внешнеполитических решений, анализ поведения правящих элит и правительств в реализации внешнеполитического курса, прогнозирование международных процессов и пр. Исследования модернистов основывались преимущественно на методах, заимствованных из естественных наук.

Сложившийся в 1980-х гг. *постмодернизм* (Джеймс Дер-Дериан, Роберт Кокс и др.) исходил из идеи об исчерпании возможностей мировой политической системы, опирающейся на суверенные нации-государства и образованные ими институты. Согласно постмодернизму, на смену этой системе идет информатизированный миропорядок, основывающийся на множественных взаимодействиях правительственных и неправительственных ассоциаций, движений наднационального уровня. Формирующаяся новая структура мира нуждается в соответствующих технологиях международных отношений.

В свою очередь, *традиционалисты* (большинство ученых-международников) акцентировали внимание на роли и значимости таких детерминант внешней политики, как массовые и групповые ценности конкретных государств, стереотипы мышления разных слоев населения, особенности поведения политиков и т.д. В исследованиях они использовали традиционные методы – историко-описательный и интуитивно-логический.

В условиях становления полицентрического мироустройства набирает силу тенденция к синтезу противоположных до недавнего времени направлений международно-политической теории – реализма (с его акцентом на силе и проблемах безопасности) и идеализма (с его акцентом на этических основаниях политики). Проявлением этой тенденции является концепция

«гуманитарного вмешательства», согласно которой для защиты прав и свобод человека возможно использование принудительных мер против недемократических режимов, включая вооруженную интервенцию и глобальные экономические санкции. Такая позиция основывается на том обстоятельстве, что основные принципы международного права – нерушимость государственных границ и обеспечение прав человека все чаще вступают в противоречие друг с другом.

Концепция *«гуманитарного вмешательства»* была реализована странами Запада в Боснии (1996) и Косово (1999). В рамках провозглашенной Соединенными Штатами стратегии глобального лидерства гуманитарный интервенционизм может стать важнейшим инструментом реализации геополитических и геоэкономических интересов сверхдержавы, формирования благоприятных для нее военно-политических балансов и укрепления позиций на международной арене.

С учетом реалий последних десятилетий можно утверждать, что мировая политика находится на таком переходном этапе, когда завершается чередование периодов доминирования идеализма и реализма и на авансцену выходит сложное сочетание элементов обоих направлений, в рамках которого будут совмещаться акцент на силе и безопасности с проблематикой морали и прав человека.

Видное место в идейном арсенале политической элиты США занимает концепция «умной силы» (smart power), над созданием которой работала двухпартийная комиссия Армитиджа-Найя. Создатели концепции определяют «умную силу» как разумное сочетание «мягкой» и «жесткой силы», исходят из признания необходимости решать актуальные проблемы в режиме диалога с мировым сообществом, руководствоваться прагматизмом, а не идеологемами. Стремительное и кардинальное изменение мира нередко вынуждает политическое руководство действовать наугад, не опираясь на научный анализ происходящих сдвигов и прогноз их последствий. Основные направления

внешнеполитической мысли не всегда способны предложить адекватное видение как нынешних, так и будущих мировых процессов.

5.3. Марксизм и неомарксизм

Классический марксизм исходил из неизбежности классовой борьбы и революции с целью ликвидации господства капитала, утверждения социальной справедливости во всемирном масштабе. Победа пролетариата должна превратить человечество в единую общность без классовых различий и национальных границ, обеспечив тем самым возможность искоренения войн, достижения вечного мира. Марксистское понимание проблем мировой политики и международных отношений основывалось на экономическом детерминизме, согласно которому формирование мирового рынка детерминирует глобальный характер социального конфликта и последующих изменений в системе международных отношений.

Ленинизм как радикальная версия марксизма исходил из идеи о одновременности перехода различных стран к социализму и неизбежности длительного периода соперничества двух мировых систем, которое может принимать характер военных столкновений. По мысли В.И.Ленина, достижения и опыт социализма в экономической, социальной и культурной сферах, проводимая им «политика мирного сосуществования» стимулируют всемирный процесс становления коммунистической цивилизации.

В методологическом плане позиция В.И.Ленина по проблеме мирного сосуществования базировалась на формационном подходе к истории с характерным для него упрощенным представлением об однолинейности процесса смены общественных формаций как результата взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Вплоть до второй

половины 1980-х гг. этот подход при всех модификациях оставался доминантой советской внешней политики

В отличие от теоретических школ политического реализма и идеализма приверженцы *марксистской парадигмы* в теории международных отношений считают, что эти отношения носят прежде всего эксплуататорский характер и должны быть преобразованы на основе норм нравственности и справедливости. Приоритет, который сторонники различных версий марксизма отдают экономическим аспектам международных процессов, сближает их взгляды с неолиберальной теорией комплексной взаимозависимости.

Заметный вклад в исследование международных отношений второй половины XX века внес *неомарксизм*, распространившийся в 1950-1960-х гг. в значительной степени под влиянием разочарования в опыте «реального социализма». В работах неомарксистов ключевым элементом международной системы (согласно их терминологии «мир-системы») выступают отношения собственности.

Наиболее известные представители этого направления Иммануил Валлерстайн, Андре Франк, Самир Амин разрабатывают проблематику экономического неравенства и зависимости в современном мире, социальной дифференциации населения, прежде всего по оси «богатый Север – бедный Юг». Расслоение мирового сообщества на три части – процветающий центр («ядро»), архаичную периферию и полупериферию, по их мнению, служит главной причиной нестабильности в международных отношениях и источником потенциальных конфликтов. Преодоление этой системы неравенства зависит, прежде всего, от готовности и способности народов периферии консолидировать свои усилия для борьбы против монополий центра за социальную справедливость и перераспределение богатства.

Россия рассматривается И.Валлерстайном как полупериферийное государство, которое, несмотря на все попытки его реформировать, не сумело войти в состав ядра «мир-системы», но избежало участи периферийных стран, ставших колониальными придатками наиболее развитых государств. По его мнению, с геополитическим положением и военной мощью России не смогут не считаться другие государства.

Будущее человечества видится И.Валлерстайну в алармистском духе – как возможность прямых нападений государств маргинализированного Юга на страны «богатого» Севера, захватнических войн между государствами Юга с применением ядерного оружия, нестабильность внутри ядра «мир-системы». Главной же угрозой ядру «мир-системы» И.Валлерстайн считает массовые миграции населения Юга на Север, которые приведут к разнообразным деструктивным последствиям.

Очевидным недостатком миросистемного подхода является упрощённая интерпретация современных геополитических реалий лишь по оси «богатство-бедность». Не принимается во внимание культурно-цивилизационное многообразие человечества. Международная помощь рассматривается односторонне – как инструмент неоколониализма, эксплуатации развивающихся стран (периферии) со стороны лидеров капиталистического мира (ядра мир-экономики).

Версиями неомарксизма являются *«теория зависимости»* (Р.Пребиш) и теория *«структурного неравенства»* (Й.Галтунг). Согласно первой из них благополучие экономически развитых стран основано на эксплуатации ресурсов отсталых и неэквивалентном обмене между богатыми и бедными государствами. Теория «структурного неравенства» усматривает причины межнациональных конфликтов в неравноценном положении одних и тех же государств в различных типах международных структур (экономической, политической, военной и т.п.).

При несомненной эвристической значимости рассмотренных школ (реализм, идеализм, конструктивизм, марксизм) для исследований и преподавания международных отношений, изучения их влияния на практическую политику неуклонно растёт число публикаций, написанных вне рамок разработанных ими теоретико-методологических парадигм.

5.4. Отечественные подходы к исследованию мировой политики

Если на Западе в изучении мировой политики отчетливо просматриваются мировоззренческие направления и школы, то для отечественных исследований в этой области характерны нерасчлененность международно-политической теории, отсутствие объективных критериев для выделения парадигм анализа. Наличествует широкий разброс мнений по ключевым проблемам мировой политики, зависящих от личных вкусов, предпочтений или политических симпатий ученых. Такое состояние российских исследований во многом объяснимо с учетом непродолжительности процесса формирования отечественной международно-политической науки, грандиозностью происходящих в мире трансформаций, появлением новых вызовов и рисков для самого существования человечества. Трудности в развитии ТМО в существенной степени связаны и с отсутствием идейного и социального запроса

Нерасчлененность на теоретические школы свойственна не только отечественным публикациям, но и значительному массиву работ, издаваемых на Западе. Эти работы сочетают черты различных школ в пропорциях, обусловленных мировоззренческими позициями авторов. В России еще идет процесс накопления критической массы исследований, способных дать основания для корректного разграничения теоретических школ.

Особенностями отечественного внешнеполитического сознания традиционно были доминирование государственно-центристских

представлений, ориентация на укрепление централизованного государства. Отсюда – тяготение к политическому реализму с такими категориями, как *«национальный интерес»*, *«сила и мощь во внешней политике»*. При общности исходных реалистических позиций подходы советских и российских ученых к исследованию международно-политических процессов отличается значительная специфика.

Советские руководители и разделявшие их позицию аналитики, стремясь утвердить сверхдержавный статус СССР, фактически исповедовали политический реализм в своеобразном симбиозе с марксизмом. Многие публикации 1970-1980-х гг. выдержаны в сугубо реалистическом духе с использованием аргументации и лексики партийных документов.

Преобладающие в российском политико-академическом сообществе реалистические подходы отчасти унаследованы от недавнего прошлого, но прежде всего являются реакцией на ослабление позиций России в мире. Их суть – в акцентировании национальных интересов и государственной мощи как факторов обеспечения международной стабильности на основе *«баланса сил»*.

Принадлежность к реализму не исключает острой полемики между «разными реалистами» по ключевым проблемам мирового развития.

Широкая палитра мнений существует по проблеме национального интереса и выбора вектора внешнеполитической ориентации страны.

Часть ученых выступает за полномасштабное сотрудничество с Западом и в перспективе за союз с ним на условиях, приемлемых не только для Запада, но и для России. Многие «реалисты» предлагают диверсифицировать международные связи РФ, проводя динамичную политику «по всем азимутам», прибегая к геополитическому маневрированию между глобальными и региональными «центрами силы». Некоторые реалисты ратуют за создание «российско-китайской оси» против США. Наконец, радикалы-

геополитики рассуждают об извечности *антагонизма двух типов цивилизаций – Суши и Моря, о мессианской роли России* как географического центра мировой политики, «держателя равновесия между Востоком и Западом».

Признавая очевидное превосходство США над другими государствами как единственной сверхдержавы, отечественные «реалисты», тем не менее, по разному интерпретируют формирующееся мироустройство. Одни определяют существующую ситуацию как «*плюралистическую однополярность*» (США и другие центры силы, включая Россию). Другие оценивают современный мир как многополярный, в котором просматриваются *5-6 центров силы*, взаимно уравнивающих друг друга (США, Европейский союз, Китай, Индия, Япония, Россия, Бразилия).

Существенно отличаются представления реалистов и в вопросе определения главного источника угроз международной безопасности. Одни видят его в международном терроризме и поддерживающих его странах-«изгоях», стремящихся овладеть оружием массового уничтожения. Распространено мнение о том, что безопасности мирового сообщества угрожает стремление Соединенных Штатов сохранить свою гегемонию, широко применяя силовые методы. Третья точка зрения по этому вопросу состоит в акцентировании потенциальной опасности со стороны Китая.

Принципы политического реализма нередко разделяются сторонниками оппонировавших друг другу партий и движений – «Единой России», «Справедливой России», КПРФ, ЛДПР, «Яблока». При всем различии индивидуальных оценок конкретных событий они ориентированы на самоопределение России в качестве великой державы и влиятельного центра силы мировой политики, жестко отстаивающего свои интересы. Полицентрическое мироустройство рассматривается ими как естественное состояние международной среды.

Поскольку в обеспечении определенного баланса сил заинтересована не только Россия, категории реализма сохраняют свою актуальность в полицентрическом мире. Вместе с тем, как видно из вышеизложенного, позиции российских реалистов содержат в себе «ядра» других направлений и школ. Поэтому эклектичность российской разновидности реализма можно расценивать как временное состояние, этап на пути движения отечественной международно-политической науки в направлении формирования различных школ и направлений.

Либеральное направление в отечественной теории международных отношений, уступившее позиции после непродолжительного периода популярности в первые годы постсоветской России, сумело скорректировать свои подходы с учётом внутренних и международных реалий. В дискуссиях со своими оппонентами либерализм выдвинул ряд важных положений, стимулирующих изучение мировой политики.

При широком разбросе мнений среди исследователей-либералов по проблематике формирующегося миропорядка и внешнеполитической стратегии России большинство из них в парадигмальном плане тяготеет к политическому идеализму, что проявляется в акцентировании ценностей демократии, свободы, прав человека, морали. Эти подходы продуктивны нацеленностью на содействие её *цивилизационному самоопределению* в качестве европейского демократически-правового государства, выявление оптимальных путей модернизации внешней политики как ресурса для модернизации страны и её вхождения в развитое социально-экономическое пространство.

Либералы акцентируют внимание на таких недостатках реалистических подходов, как чрезмерное внимание к силовым факторам внешней политики и традиционной геополитике, недооценка фактора «мягкой силы» как средства формирования благоприятного имиджа государств. Они констатируют новые явления мировой политики – рост числа и укрепление позиций

негосударственных акторов, изменение роли и функций национального государства. Акцентируется возросшая необходимость глобального управления для предотвращения хаотизации международной среды, повышения эффективности сотрудничества ведущих держав в решении ключевых проблем мирового развития. Большинство либералов разделяет тезис о том, что «демократии с демократиями не воюют».

Значительное место в публикациях либералов занимает анализ вероятных последствий эволюции международных отношений от *однополярности к полицентрическому мироустройству*. Вопреки преобладающему в российском политическом классе убеждению в позитивных последствиях этого процесса отмечается, что утрата Соединёнными Штатами доминирующих позиций в мире, соперничество центров силы сами по себе не решают проблему формирования устойчивого мироустройства. Неспособность наиболее влиятельных государств конструктивно взаимодействовать между собой, по мнению либералов, может воссоздать ситуацию, которая приводила к мировым войнам. В этой связи обращается внимание на необходимость прояснения вопросов: в каком именно полицентризме заинтересована Россия и какой полицентризм ей выгодно укреплять?

Либералы исходят из того, что с учётом неизбежности жёсткой конкуренции между центрами силы России как претенденту на статус одного из них следует сосредоточить усилия прежде всего на последовательной и всесторонней модернизации, обрести национально-государственную идентичность и имиджевую привлекательность. Сами же по себе призывы к многополярному миру, не подкреплённые военно-политической и экономической мощью, отнюдь не будут способствовать решению важнейшей задачи — повышению управляемости мира и созданию эффективных международных институтов, следствием чего может стать не возникновение справедливого мироустройства, а нарастание глобальной неустойчивости и конфликтности.

Либералы активно оппонируют теоретикам национал-патриотического направления и, прежде всего, *неоевразийства*, отстаивающего упрощенные тезисы о неизменности национальных интересов России и её особой роли как географического центра мировой политики и собирателя земель Евразии, о необходимости борьбы с атлантической цивилизацией и её лидером – Соединёнными Штатами, о «мондиалистском заговоре» против России. Реализация неоевразийских идей, по мнению либералов, уводила бы Россию от столбовой дороги цивилизации и осложнила бы её отношения с внешним миром.

Наиболее перспективным направлением внешней политики России либералы считают стратегию союза с Европой, основывающегося на *культурно-цивилизационной общности*, социальной и экономической взаимодополняемости. Большая Европа, по их мнению, способна стать одной из опор формирующегося миропорядка наряду с Соединёнными Штатами. В этой связи подчёркивается необходимость избавления массового сознания от ксенофобии и имперских комплексов, адаптации к изменению международного статуса страны.

Содержание и общая направленность внешней политики России видятся либералам в создании максимально благоприятных предпосылок для инновационного развития и реализации национальных интересов в ключевых регионах мира. Решение этих задач ставится в зависимость от позиционирования страны в качестве активного актора международных процессов, с чёткой системой приоритетов, с продуманными инициативами и высокой степенью предсказуемости, достойной влиятельной трансрегиональной державы.

В публикациях либералов понятие «безопасность» рассматривается как многогранное и многоаспектное, обусловливаемое динамизмом и многообразием тех угроз, которые реально существуют и могут сформироваться в обозримом будущем. Они полагают, что в XXI веке на

первый план выходят проблемы климата, кибербезопасности, экологии и защиты природы, здравоохранения, демографии, продовольствия, прав человека, свободы личности и т.д. Тем не менее приоритетной либералы считают защиту мира как главное условие решения или хотя бы продвижения к решению большинства глобальных проблем.

Спустя почти четверть столетия после возникновения российской государственности в отечественном сообществе учёных-международников идёт интенсивная дискуссия по вопросам оценки состояния и основных достижений национальной ТМО, выбора наиболее перспективных направлений её развития.

Как явствует из результатов опроса преподавателей ТМО вузов, публикуемых А.П.Цыганковым и П.А.Цыганковым, среди основных направлений международных исследований в России активно изучаются прежде всего проблемы безопасности, геополитики, глобальных экономических и политических перемен⁹⁴. В отличие от российского сообщества западное, особенно американское значительное внимание уделяет вопросам глобального распространения демократии и демократического мира.

Из массива идей и концепций, предложенных респондентам, наиболее важными для РТМО эксперты считают сформулированную Е.М.Примаковым концепцию «полицентрического мира», идею плюралистической однополярности А.Д.Богатурова и модель «евразийства и евразийского развития», представленную многими авторами. Хотя сторонники моделей развития «дискурсы европейской идентичности» и «Новый Запад» (Д.Тренин), среди участников опроса оказались в меньшинстве, именно эти модели представляются нам наиболее продуктивными для российской модернизации

с

---

⁹⁴ Цыганков А.П., Цыганков П.А. Российские международники-теоретики: опыт автопортрета (Результаты экспертного опроса) // Мировая экономика и международные отношения. 2014, №9, с.93-95.

учётом культурно-цивилизационной принадлежности России к Европе и наметившегося политического и экономического застоя, грозящего перейти в упадок.

По мнению опрошенных экспертов, для развития международных исследований в стране нуждаются в изучении следующие вопросы. Необходимо ли выделять приоритетные направления исследования и, если да, то какие именно? Целесообразно ли акцентировать внимание преимущественно на осуществлении эмпирических исследований или сосредоточить усилия на теоретических разработках? Следует развивать РТМО, исходя прежде всего из национальных традиций, или в контексте международных исследований?

Несмотря на проблемы и трудности в развитии российской ТМО к числу её достижений, на наш взгляд, следует отнести, во-первых, её институционализацию в качестве относительно новой для страны дисциплины, во-вторых, активное формирование инфраструктуры (академические институты, исследовательские центры, журналы и т.д.) и, в-третьих формулирование плодотворных идей, нуждающихся в дальнейшем развитии и признании. Будущность РТМО зависит от её интеграции в мировое профессиональное сообщество в сочетании с освоением традиций отечественной политической мысли. Движение в этом направлении должно способствовать осмыслению роли России в трансформирующемся мире и её национальных интересов.

ГЛАВА 6.

КОНЦЕПЦИЯ И ПОЛИТИКА «ГУМАНИТАРНЫХ ИНТЕРВЕНЦИЙ»

6.1. Феномен гуманитарного интервенционизма

В обстановке глобальной дестабилизации и порождаемых ею новых рисков для мирового сообщества актуализировался вопрос о соотношении государственного суверенитета и необходимости защиты прав населения от геноцида, военных преступлений и этнических чисток. Существенное место в теоретическом дискурсе по проблематике международных отношений занимает концепция и политика «гуманитарной интервенции».

Проблема гуманитарной интервенции рождена европейской социальной теорией. Еще в 1625 г. в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» утверждалось, что если правитель подвергает гонениям своих подданных, ставит под угрозу их существование, человеческое сообщество во имя справедливости имеет право силой оружия остановить эти гонения⁹⁵.

В мировом сообществе не сложилось единое мнение о содержании понятия и признаков гуманитарной интервенции. Некоторые политики и эксперты употребляют этот термин для случаев использования внешней военной силы с целью прекращения войн и нарушений прав человека национальными правительствами. Другие акцентируют внимание на применении военной силы для предотвращения гибели и страданий людей во время конфликтов, причём страна, осуществляющая силовое вмешательство, в военном смысле остаётся нейтральной и не вступает в прямое столкновение с участниками конфликта.

Под гуманитарной интервенцией обычно понимаются военные операции одних государств на территории других без согласия их правительств с целью предотвращения или пресечения масштабных нарушений прав человека, особенно права на жизнь, последующего поддержания стабильности и установления демократических норм правления.

---

⁹⁵ Гроций Г. О праве войны и мира. Репринт с изд. 1956 г. М., 1994. С. 180-182.

Акции военного характера в отношении государств, где возникала угроза жизни определённых групп населения, предпринимались начиная с XIX века. Подобным образом Франция в 1860 г. обосновывала отправку своих войск в Ливан для спасения маронитов от уничтожения друзами. Этими же соображениями в 1901 г. мотивировалась военная экспедиция Германии, Австро-Венгрии, США, Франции, Великобритании, Италии, России и Японии в Китай с целью защиты своих подданных и китайских христиан, укрывшихся в осаждённых посольствах во время Ихэтуаньского восстания. Истоки концепции гуманитарного вмешательства просматриваются в латиноамериканской политике президента Т.Рузвельта в виде права «цивилизованных наций» на наведение порядка в отсталых и «неэффективных» странах.

В период холодной войны операции типа гуманитарных интервенций были практически неосуществимы ввиду противостояния двух блоков, находившихся в состоянии перманентной конфронтации, взаимных угроз и гонки вооружений. Тем не менее к числу операций такого рода могут быть отнесены: вмешательство Индии в события в Восточном Пакистане, где в результате сочетания гражданской войны с природной катастрофой возникла угроза катастрофы гуманитарной (1971 г.); акция Танзании против Уганды, которая привела к свержению репрессивного режима Иди Амина (1979 г.); введение вьетнамских войск в Камбоджу в декабре 1978 г. с целью свержения репрессивного режима красных кхмеров, приведшее к установлению контроля над её территорией (1979-1989). Эти акции не получили формального одобрения со стороны мирового сообщества, а страны, осуществившие интервенции, не только не рассчитывали на легитимацию своих действий, но и опасались резкой реакции в связи с предпринятым вмешательством во внутренние дела других государств.

Гуманитарные интервенции – сравнительно новое явление в международных отношениях. Они стали возможными в условиях размывания

границ между внутренним и внешним в жизни социумов, усиления плотности производственных, торговых, финансовых и информационных связей между государствами.

Концепция гуманитарной интервенции основывается на доминирующей в западной общественной мысли идее приоритета прав личности над интересами социума и правами государства. Впервые эта идея была сформулирована в 1987 г. профессором международного права Парижского университета Марио Беттати и основателем движения «Врачи без границ» Бернардом Кушнером, впоследствии министром иностранных дел Франции, в книге «Обязанность вмешиваться»⁹⁶. Ключевой тезис книги: демократические государства имеют право и даже обязаны ради защиты прав человека вмешиваться в дела тех государств, где они нарушаются.

Благодаря концепции гуманитарной интервенции современная политическая мысль вплотную подошла к идее о том, что нарушения прав личности могут ставить под вопрос легитимность государственного суверенитета. В ситуациях, когда насилие над местным населением, религиозные и этнические чистки создают угрозу его праву на жизнь, страны - участники гуманитарных интервенций становятся гарантами соблюдения прав личности в чужой стране. Целью предпринимаемых действий объявляется не военная победа, а создание основ правового порядка.

6.2. Современная практика «гуманитарных интервенций»

В первой половине 90-х гг. акциями «вооружённого вмешательства с целью защиты прав человека» были: установление на севере Ирака запретной

---

⁹⁶ См.: Bettati M. and Kouchner D. Le devoir d'intelligence: peut-on les laisser mourir? Paris: Denoel publishers, 1987.

зоны для полётов военной авиации (прежде всего турецкой) с целью защиты курдов от геноцида (1991 г.); гуманитарная операция в Сомали (1992 - 1993 гг.); бомбардировки боснийских сербов в Боснии и Герцеговине (1994 – 1995 гг.). Вместе с тем мировое сообщество не вмешалось в межэтнический конфликт в Руанде в 1994 г., жертвами которого стало около миллиона человек.

Идея «гуманитарной интервенции» впервые использовалась для обоснования бомбардировок Югославии авиацией стран НАТО в 1999 г. под предлогом защиты косовских албанцев. На практике она означала переход Запада к новому формату вооружённого вмешательства. Уже тогда экспертами констатировалось, что реакция Америки на кризис в Косово демонстрирует готовность «делать то, что ей кажется правильным, невзирая на международное право»⁹⁷.

В 2000-е гг. страны Запада реализовали идею «гуманитарной интервенции» в трёх странах – Афганистане (2001 г.), Ираке (2003 г.) и Ливии (2011 г.). Во всех трёх случаях вооружённое вмешательство в том виде, в каком оно было осуществлено, не получило санкции СБ ООН. В обозримой перспективе объектом такой интервенции может стать Сирия.

В афганском случае операция осуществлялась в формате «государственной самообороны», с использованием лозунга защиты населения Афганистана от режима талибов. В Ираке акцентировалась проблема поиска оружия массового уничтожения как источника угрозы мировому сообществу. Позднее к ней была «подвёрстана» гуманитарная составляющая. В Ливии, где войска НАТО изначально были нацелены на смену режима, СБ ООН резолюцией №1973 от 17 марта 2011 г. предоставил мандат лишь на обеспечение режима «бесполётной зоны» над страной «в целях защиты гражданского населения».

---

⁹⁷ Glennon M. The New Interventionism: The Search for a Just International Law // Foreign Affairs. 1999. May – June. Vol. 78. No 3. P.6.

В результате военных операций гуманитарная ситуация не улучшилась, не было даже обеспечено относительное спокойствие. Более типичным, особенно в Ираке и Косово, оказалось получение преимуществ одной из сторон противостояния. Участниками гуманитарных интервенций ставились задачи достижения собственных геополитических целей и отработки сценариев вмешательства в других стратегически важных регионах мира.

Примером успешного вмешательства мирового сообщества в гуманитарных целях в 2000-е годы отчасти может быть признано урегулирование конфликта в суданской провинции Дарфур. Под давлением мирового сообщества правительство Судана и Суданское освободительное движение в 2006 г. подписали мирное соглашение, не сопровождавшееся попытками смены правящего режима.

Понятие «гуманитарная интервенция» прочно закрепилось в политическом лексиконе. Однако идея проведения такого рода акций вызывает ожесточённые споры в мировом сообществе, поскольку вступает в противоречие с закреплёнными в Уставе ООН принципами государственного суверенитета, территориальной целостности и верховных полномочий ООН. Вместе с тем в другом основополагающем международно-правовом документе Всеобщей декларации прав человека подчёркивается, что государства-члены ООН «обязались содействовать, в сотрудничестве с Организацией Объединённых Наций, всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод»⁹⁸.

Известный американский учёный Н.Хомский обоснованно констатирует «неувязку, если не прямое противоречие, между правилами мирового порядка, заложенными в Хартии (Устав ООН – Н.С.), и правами, выраженными во Всеобщей декларации – втором столпе мирового порядка, установленном по инициативе США после Второй мировой войны. Хартия запрещает применение силы, которое нарушает суверенитет государства, Всеобщая

⁹⁸ [http: //www.un.org/en/documents/udhr](http://www.un.org/en/documents/udhr) (дата обращения: 12.11.2014)

декларация гарантирует права человеку в репрессивных государствах, хотя ни в Декларации, ни в резолюциях, призывающих её к реальности, не определён механизм принудительного воздействия на нарушителей прав. Проблема гуманитарного вмешательства связана именно с этой неувязкой»⁹⁹.

Аргументация сторонников концепции гуманитарной интервенции, придерживающихся в основном либеральных ценностей и апеллирующих к Всеобщей декларации прав человека, такова.

1. Неспособность государств предотвратить хаос, террор и преступления против человечности, т.е. обеспечить контроль над своей территорией, ставит под вопрос легитимность государственного суверенитета.

2. Раннее и решительное вмешательство в конфликтную ситуацию может стать эффективным сдерживающим средством предотвращения геноцида или позволит выиграть время для начала переговоров и оказания помощи населению.

3. Обеспечение основных прав и свобод человека, прежде всего права на жизнь, легитимизирует гуманитарную интервенцию в качестве средства установления демократических режимов.

Приведенные аргументы сближают гуманитарную интервенцию с доктриной «экспорта демократии» как идейной основой расширения сферы влияния ведущих стран Запада и прежде всего США.

Оппоненты концепции, в частности, руководство России, Китая, ряда развивающихся государств, выдвигают следующие аргументы.

1. Гуманитарная риторика используется для попыток перекройки политической карты мира, распространения американской гегемонии на регионы, богатые природными ресурсами.

---

⁹⁹ Хомский Н. Новый военный гуманизм. Уроки Косова. М., 2002. С.130.

2. Гуманитарная интервенция может провоцировать рост сепаратизма, стимулируя радикальные группы внутри религиозных и этнических меньшинств к обострению конфликтов в расчёте на победу с помощью миротворческих сил. По этому сценарию развивался конфликт в Ливии в 2011 г., завершившийся вторжением извне.

3. Трудно определить грань между защитой местного населения и военной агрессией, существует возможность злоупотребления гуманитарным вмешательством в качестве геополитического инструментария.

4. Гуманитарная интервенция может оказать дестабилизирующее воздействие на международные отношения, вызвать снижение предсказуемости и управляемости в мировой политике, усилить напряжённость.

5. Ресурсы для проведения эффективного вмешательства ограничены, поскольку основные операции последних 20 лет осуществлялись странами Запада, а воинские контингенты развивающихся государств плохо обучены для проведения таких операций.

Однако и среди сторонников гуманитарных интервенций нет единства. Для одних главное - в действенности и эффективности вмешательства, для других – в законности процедуры и возможности предотвращения злоупотреблений. Очевидно, что основу этого противоречия составляет сложность стыковки прав человека с принципом суверенитета государств и неприкосновенности их территорий.

Особую позицию по вопросу о гуманитарном военном вмешательстве занимают члены Совета Безопасности ООН Россия и Китай, что затрудняет достижение международного согласия по данной проблеме.

Россия отошла от позиции начала 1990-х гг., когда не только согласилась на введение войск НАТО в качестве миротворческих сил в Боснию и Герцеговину, но и сама приняла участие в этой акции. В настоящее время и на

официальном уровне и на уровне обыденного сознания проявляется скептическое отношение к моральным основам гуманитарной интервенции, ставится под сомнение искренность побудительных мотивов западных стран. Аналогичной точки зрения придерживается и Китай, у которого существуют проблемы с населением Тибета и Синцзян-Уйгурского округа.

Диаметрально противоположный подход ведущих стран мира к самой необходимости проведения гуманитарных интервенций затрудняет или блокирует возможность получить санкции Совета Безопасности на их осуществление. В юридическом плане отсутствие такой санкции лишает гуманитарные интервенции легитимности. Сложившаяся ситуация приводит страны НАТО к решениям о допустимости вооружённого вмешательства с целью защиты прав человека без согласия СБ, вызывая демарши России и Китая.

Безусловно, гуманитарные интервенции вызываются не только альтруистическими соображениями, но нередко реальными политическими и/или экономическими интересами развитых государств. В этой связи принципиальное значение приобретает вопрос об установлении максимального числа простых и чётких условий осуществления вооружённого вмешательства, признаваемых и соблюдаемых возможно более широким кругом субъектов международного права

С конца 90-х гг. мировым сообществом предпринимаются попытки разработать теоретическое и юридическое обоснование концепции гуманитарной интервенции.

По мнению известного учёного-международника Дж. Ная, одного из создателей концепции «умной силы», целесообразность осуществления гуманитарных интервенций должна определяться четырьмя принципами: если в глазах окружающих ваше дело – правое; если затраченные средства адекватны результату; если вероятность успеха достаточно высока и если, по

возможности, гуманитарная задача сочетается с другими национальными интересами¹⁰⁰.

Предлагаемые принципы представляются абстрактными и спорными ввиду неясности конкретного источника моральной санкции «гуманитарной интервенции», отсутствия объективных критериев для определения вероятности её успеха и адекватности затраченных средств достигнутому результату.

В целях создания правовых рамок для осуществления гуманитарных интервенций Генеральным секретарём ООН К. Аннаном в 2000 г. была инициирована выработка альтернативного сценария для защиты прав человека без согласия руководства государства, в котором они нарушаются. Учреждённой под эгидой ООН Международной комиссией по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (МКВГС) в 2001 г. был представлен доклад «Ответственность по защите» (The Responsibility to Protect), в котором предлагалось отказаться от концепции «гуманитарной интервенции» в пользу концепции «ответственности по защите». В докладе подчёркивалась необходимость минимизации военного насилия при проведении гуманитарных операций, а иностранное вмешательство трактовалось как ответственность государств по защите населения другого государства в случае, если оно не в состоянии выполнить свои обязательства по защите собственных граждан. Ответственность мирового сообщества была обозначена в виде трёх задач – «предотвращать», «реагировать» и «перестраивать»¹⁰¹.

В документе «Ответственность по защите» было выделено пять оснований легитимности силовых акций, выраженных в терминах:

¹⁰⁰ См.: Nye, J. Redefining the National Interest // Foreign Affairs. 1999. July-Aug. Vol. 78. No. 4. P. 27-28.

¹⁰¹ Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года. <http://www.docme.ru/doc/16921/rezolyuciya-onn-1973> (дата обращения: 10.08.2013).

- **серьёзность угрозы** – является ли угроза причинения ущерба государству в достаточной мере очевидной и серьёзной, чтобы оправдать применение военной силы, сопряжена ли она с геноцидом и другими нарушениями международного гуманитарного права;

- **правильная цель** – вмешательство должно быть направлено в первую очередь на оказание помощи населению, а не на смену существующего строя;

- **чрезвычайный характер применения силы** – должны быть изучены и использованы все невоенные варианты отражения существующей угрозы (политические, дипломатические, юридические и экономические);

- **соразмерность средств** - предполагаемые военные действия по своим масштабам должны быть минимально необходимыми для отражения угрозы;

- **учёт последствий** – организаторы операции должны быть едины во мнении, что при успешном осуществлении военных действий по отражению угрозы вмешательство не вызовет худших последствий, чем бездействие.

В сентябре 2005 г. в ходе Всемирного саммита ООН все государства-члены официально признали концепцию «ответственности за защиту» гражданского населения от геноцида и жестокости, а вышеперечисленные критерии вошли в итоговый документ и были приняты в качестве добровольных обязательств. Однако до сих пор мировое сообщество не пришло к консенсусу относительно необходимости закрепления концепции в Уставе ООН в качестве обязывающей юридической нормы, нет ясности в отношении того, какие ситуации являются правомерным основанием для её применения.

В результате с точки зрения международного права концепция «ответственности по защите» не открывает перспективы преодоления международно-правового тупика, существующего вокруг гуманитарной

интервенции. Решение вопроса о легитимности «гуманитарного вмешательства» остаётся прерогативой Совета Безопасности ООН.

Идея применения на практике концепции «ответственности по защите» в целом поддерживается экспертным сообществом и администрацией США. С конца 90-х гг. в экспертной среде сложился консенсус относительно того, что защита прав человека выходит за рамки исключительной внутренней компетенции государств. Преобладает мнение: принципы международного права и отсутствие легитимности не должны являться безусловным ограничителем действий отдельных государств, в частности США, в ситуациях, когда массово нарушаются права человека. Предлагается легитимизировать осуществление вооружённых операций ответственными или заинтересованными организациями и коалициями без санкций ООН, а также возможность одобрения подобных операций Советом Безопасности постфактум¹⁰².

В обнародованной в мае 2010 г. стратегии национальной безопасности США на среднесрочную перспективу содержится положение о том, что они одобряют концепцию «ответственности по защите и намерены способствовать её реализации, действуя в двустороннем и многостороннем формате с союзниками, предпринимая дипломатические, гуманитарные, финансовые и – в некоторых случаях – военные меры для предотвращения геноцида и массовой жестокости¹⁰³.

Практическое наполнение вышеизложенные положения нашли в резолюции Совета Безопасности ООН 1737 от 17 марта 2011 г., которая

---

¹⁰² См.: Rice S.E., Loomis A.J. The Evolution of Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect // Beyond preemption: force and legitimacy in a changing world / Ivo H. Daalder, editor. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2007. p. 59-95.

¹⁰³ [National Security Strategy - The White House](http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf). 52 p
http://www.WHITEHOUSE.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 6.09.2013)

наделила государства – члены организации правом принимать все необходимые меры для защиты гражданского населения и с целью решения этой задачи санкционировала создание бесполётной зоны над Ливией¹⁰⁴.

Военная операция против Ливии, проводившаяся под командованием США с 19 по 31 марта 2011 г., даёт шансы концепции «ответственности по защите» войти в концептуальный багаж внешней политики США и стать одним из значимых компонентов стратегии достижения и поддержания глобального лидерства.

С учётом имеющихся прецедентов можно прогнозировать, что в контексте обостряющегося соперничества ключевых международных акторов концепция гуманитарной интервенции и её модификация «ответственности для защиты» останется идейной основой для реализации геополитических целей Запада, особенно в регионах, богатых энергоресурсами. Она является результатом своеобразного консенсуса между соперничающими направлениями международно-политической теории – реализмом (с его акцентом на силе и проблемах безопасности) и идеализмом, сфокусированным на вопросах справедливости и морали. Гуманитарный интервенционизм представляет собой своеобразный синтез силовых методов решения проблем и морального подхода к политике.

Вышеизложенное даёт основание для следующих выводов.

В условиях фрагментации мирового сообщества и повышения роли «реальной политики» силовое гуманитарное вмешательство относится к числу наиболее острых политических и идеологических проблем современности, не имеющих однозначного решения. Главной проблемой

---

¹⁰⁴ Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года. <http://www.docme.ru/doc/16921/rezolyuciya-onp-1973> (дата обращения: 10.08. 2013).

концепта гуманитарной интервенции является делегитимизация государственного суверенитета через нарушение прав человека.

Для разрешения коллизии между базовыми принципами международного права – обеспечением суверенитета государств и защиты прав человека, с нашей точки зрения, было бы продуктивно:

1. Отказ от жёсткой трактовки принципа суверенитета, увязывание его со способностью власти обеспечивать фундаментальные права человека.

2. Использование невоенных средств воздействия по отношению к правительствам, допускающим геноцид и этнические чистки (например, экономические санкции, ограничения на свободу передвижения руководителей и т.д.).

3. Признание на международно-правовом уровне права государств или коалиций применять силу для предотвращения гуманитарных катастроф в третьих странах в связи с массовыми нарушениями прав человека без санкции ООН, сформулировав чёткие условия такого вмешательства, которые признавались бы большей частью мирового сообщества.

4. Изменение правил принятия решений по такого рода вопросам в Совете Безопасности, например, путём отмены права вето при голосовании.

5. Вынесение наиболее сложных вопросов на рассмотрение чрезвычайных специальных сессий Генеральной Ассамблеи ООН.

Мировому сообществу предстоит чётко определить содержание международно-правовых дефиниций «гуманитарная интервенция» и «ответственность за защиту», найти ответы на следующие вопросы: что такое «гуманитарная катастрофа» и кто имеет право квалифицировать ситуацию как «гуманитарную катастрофу»; кто должен принимать решения о той или иной форме вмешательства во внутренние дела суверенных государств по «гуманитарным» причинам, санкционировать и реализовывать соответствующие акции; кто сможет гарантировать, чтобы «гуманитарная интервенция» не была использована как прикрытие своекорыстных

геополитических и геоэкономических интересов осуществляющих её государств; как исключить или минимизировать ущерб гражданскому населению страны, в дела которой осуществляется «вмешательство по гуманитарным причинам»; как обеспечить универсальность применения принципа «гуманитарного вмешательства».

Проблема гуманитарных интервенций является важным аспектом одного из глобальных трендов современного международно-политического развития – обострения коллизий вокруг положения о безусловном суверенитете государств и принятии их внутривнутриполитического статуса как императивной данности. Идея недопустимости внешнего воздействия на внутренние дела государств обычно отождествляется с Вестфальским миром (1848 г.).

В обществах с преобладающей демократической политической культурой возрастает готовность толерантно относиться к вовлечению во внутренние дела государств, особенно по мотивам гуманитарного и/или этического характера. Со стороны тех, кто считает себя фактическим или потенциальным объектом внешнего влияния, усиливается противодействие таковому. Первый из этих подходов представляется более перспективным для глобализирующегося мира, но его становление может оказаться весьма продолжительным во времени. Столкновение этих подходов и сложность достижения баланса между ними, видимо, являются источником проблемных ситуаций и конфликтности в мировой политике.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеева Т.А. Современные политические теории: курс лекций / Т. А. Алексеева. – М.: РОССПЭН, 2007.

Алексеева Т.А., Казанцев А.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: Учеб. пособие для студентов вузов / Алексеева Т.А., Казанцев А.А.- М.: Аспект Пресс, 2012.

Алмонд Г., Пауэл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор: учеб. пособие / Под ред. М. В. Ильина, А. Д. Мельвиля. М.: Аспект Пресс, 2002.

Альтернативы развития. Россия между модернизацией и деградацией. Политологические очерки / Под ред. Ю.А.Красина.- М.: Институт философии РАН, 2013.

Антология мировой политической мысли: в 5 т. / Под ред. Г.Семигина. М.: Мысль, 1997-1999.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. М.: ЦентрКом, 1996.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. Перевод с французского Г. И. Семенова. М.: Издательство «Текст». 1993.

Баландье Ж. Политическая антропология: Пер. с фр. М.: Ладомир, 2001.

Баранов Н.А. современная демократия: эволюционный подход. СПб.: Балт. гос.техн. ун-т. 2007.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы /Пер. с англ. М.: Международные отношения. 1997.

Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство: Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2010.

Бжезинский Зб. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2012.

- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 2000.
- Белл Д., Инземцев В.Л.* Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества. 2007.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
- Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002.
- Бусыгина И., Филиппов М.* Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2012.
- Бьюкенен П.* Смерть Запада. Пер. с англ. М.: Издательство АСТ, 2003.
- Бьюкенен П.* На краю гибели. Пер. с англ. М.: Издательство АСТ, 2008.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. СПб.: Эдиториал - УРСС, 2001.
- Валлерстайн И.* Конец знакомого мира / Пер. с англ. Под ред. В.Л.Иноземцева. М.: Логос, 2002.
- Введение в политическую теорию: учебное пособие / Под ред. Б. А. Исаева. СПб.: Питер, 2013.
- Вебер М.* Избранные произведения. Пер. с немецкого.- М.: Прогресс, 1990.
- Гидденс Э.* Последствия современности. М.: «Праксис», ВЦИОМ, 2011.
- Глобальная перестройка /отв. ред. акад. А.А.Дынкин, акад. Н.И.Иванова / ИМЭМО РАН.- М.: Весь Мир, 2014.

Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. В 2-х тт. Отв. ред. И.С.Семенов. М.: ИМЭМО РАН, 2014.

Даль Р. Демократия и её критики. Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2003.

Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. Пер. с англ. - М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с англ. М.: 2002.

Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества; Вступ. статья В.Л.Иноземцева. - М.: Издательство «Европа», 2010.

Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократии: сб. ст./под ред Я.А.Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010.

Демократия в российском зеркале: Монография (ред. сост. А.М.Мигранян, А.Пшеворский). М.: МГИМО-Университет, 2013.

Джиглас М. Лицо тоталитаризма. Переводы с сербо-хорватского: П. А. Щетинин, Е. А. Полак, О. А. Кириллова. М.: Издательство "Новости", 1992.

Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Пер. с англ. Под ред В.Л.Иноземцева. М.: Ладомир, 2004

Закария Ф. Постамериканский мир будущего. М.: Европа. 2009.

Зотов В.Д., Зотова Л.В. История политических учений: Учебник. 2е изд. М.: Юрист. 2010.

Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. М.: Воениздат, 1993.

Исаев Б.А. Политическая история демократии. Deutschland, Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH and Co. 2011.

История политических учений: учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. Для бакалавров /Под ред. А.К.Голикова, Б.А.Исаева. СПб.: Питер, 2012.

История политических и правовых учений: Учебник. / Под ред. В.С.Нерсисянца. М.: Норма, 2007.

История политических и правовых учений: Учебник. / Под ред. О.Э.Лейста.. М.: Зерцало, 2009.

Кокошин А.А. Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики. Тенденции на 2020-2030 – годы // Полис. 2014. №4.

Кола Д. Политическая социология: Пер. с фр. – М.: Весь мир; ИНФРА – М, 2001.

Коньшев В.Н. Современная американская политическая мысль; историография неореализма. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

Красин Ю.А. Идеология в трансформирующемся мире: штрихи к новому видению // Полис. 2014. № 6.

Крастев И. Подъём и падение демократии? Меритократия? // Россия в глобальной политике. №3. Май/Июнь 2013.

Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. 2014. №1.

Лейн Д. Мираж демократии // Полис. 2014. №6.

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник / Под ред. Т.А.Шаклеиной, А.А.Байкова.- М.: НОФМО – Аспект Пресс, 2013.

Метаморфозы мировой политики / Под общ. Ред. М.М.Лебедевой - М.: МГИМО-Университет, 2012.

Мухаев Р. Т. Политология: учебник / М. : Проспект, 2013.

Най Дж.-мл. Будущее власти. Пер. с англ. М.: АСТ, 2014.

О`Доннел Г. Делегативная демократия // Пределы власти. 1994. №.2-3.

Основы общей теории международных отношений/ Под ред. А.С.Манькина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Панарин А. С. Политология. Западная и восточная традиция: учеб. Пособие для вузов / А. С. Панарин. – М.: Книжн. дом «Университет», 2000.

Пантин В.И. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века. Основные вызовы и возможные ответы. Дубна. Феникс+. 2014.

Политическая наука: новые направления. Под ред. Р.Гудина и Х.-Д.Клингемана. Научн. Ред. русского издания проф. Е.Б.Шестопал. М.: Вече, 1999.

Политическая наука в Западной Европе. – М.: Аспект Пресс, 2009.

Политические изменения в глобальном мире : теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования. Редколлегия – И.С.Семененко (отв. ред.), В.В.Лапкин, В.И.Пантин. М.: ИМЭМО РАН. 2014.

Политология: учебник / А. Ю. Мельвиль и др. – М.: МГИМО (Университет), ТК Велби, Изд-во Проспект, 2013.

Политология: Хрестоматия / Сост. Б.А.Исаев, А.С.Тургаев, А.Е.Хренов. СПб.: Питер, 2006.

Поннер К. Открытое общество и его враги: в 2 . Перевод с английского языка под общей редакцией В.Н.САДОВСКОГО. М.: Международный фонд "КУЛЬТУРНАЯ ИНИЦИАТИВА" SOROS FOUNDATION (USA), 1992.

Попова О. В. Политический анализ и прогнозирование: учебник / О. В. Попова. – М.: Аспект Пресс, 2011.

Пишеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 1999.

Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели //Полис. 1996. №5.

Ровинская Т.Л. «Подвижная демократия»: за и против//Мировая экономика и международные отношения. 2014. №12.

Российская политическая наука в 5 т. / Под общ. ред. А. И. Соловьева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.

Сирота Н.М. Идеология и политика. М.: Аспект Пресс, 2011.

Сирота Н. М. Введение в политическую науку.Saarbrucken, Deutschland / Германия: Palmarium Academic Publishing, 2014.

Сирота Н.М. Политическая конфликтология. Учебн. пособие. СПб.: ИВЭСЭП, 2015.

Современные глобальные проблемы мировой политики: Учеб. Пособие для студентов вузов / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2009.

Современные глобальные проблемы /Отв. ред. В.Г.Барановский, А.Д.Богатуров. М.: Аспект Пресс. 2010.

Современные международные отношения. Под ред. А.В.Торкунова, А.В.Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012.

Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д.Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2011.

Современный словарь по конфликтологии / научн. ред. В.А.Светлов. М.: Флинта, 2013.

Соловьев А. И. Политология. Политическая теория, политические технологии. Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / А. И. Соловьев. – М.: Аспект Пресс, 2010.

Стратегический глобальный прогноз. Расширенный вариант / Под ред. акад А.А.Дынкина. М.: Магистр, 2011.

Тоталитаризм: что это такое? (исследования зарубежных политологов: сборник статей, лекторов, рефератов, переводов) Часть 11/ Л.Н.Верченков, Ю.И.Игрицкий. М.: ИНИОН, 1993.

Тоффлер Э. Шок будущего. Пер. с англ. М.: Издательство АСТ, 2002.

Тоффлер Э. Третья волна / Пер. с англ. М.: Издательство АСТ, 2004.

Тренды мирового социально-политического развития в условиях кризиса. Под ред. Е.Ш.Гонтмахера, Н.В.Загладина. М.: ИМЭМО РАН, 2012.

Тренин Д.В. *Post-Imperium*: евразийская история. М.: Московский центр Карнеги, 2011.

Тренин Д.В. Мир безусловный: Евро-Атлантика XXI века как сообщество безопасности. М.: РОССПЭН, 2013.

«Третий мир»; спустя полстолетия. Отв. ред. В.Г.Хорос, Д.Б.Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013.

Федотов Г.П. Сталинокрапия // Мыслители русского зарубежья. СПб.: Наука, 1992.

Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма // Вопросы философии. 1992. №3.

Фридрих К. Тоталитарная диктатура и автократия / К.Фридрих, Зб.Бжезинский. М.: ИНИОН, 1993.

Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990.

Фукуяма Ф. Конец истории / Антология. М., 1994.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

Фукуяма Ф. Америка на перепутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие . Пер. с англ. – М.: АСТ, 2008.

Фукуяма Ф. Великий разрыв. Пер. с англ. М.: АСТ, 2003.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ.. - М.: АСТ, 2003.

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003.

Хайек Ф. Судьба либерализма в XX веке/ Пер. с англ. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2009.

Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1991. №№10, 11, 12.

Холодковский К.Г. Самоопределение России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013

Хейвуд Э. Политология. Второе издание. Пер. с англ. / Э. Хейвуд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2007.

Хорос В.Г. Центрo-периферийные отношения за полвека: основные тренды изменений // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №2.

Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2006

Цыганков П.А. «Международные отношения и мировая политика»: консолидация учебно-научной дисциплины? // Международные процессы. Т.11. №3-4 (34-35). Сентябрь-Декабрь. 2013.

Цыганков А. П., Цыганков П. А. Социология международных отношений. Анализ российских и западных теорий: Учебное пособие для студентов вузов / А. П. Цыганков, П.А. Цыганков. – М.: Аспект Пресс. 2008.

Цыганков А.П. Международные отношения: традиции русской политической мысли, М.: 2013.

Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические расследования. М.: Европа, 2011.

Шевцова Л.Ф. Одинокая держава: почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М.: РОССПЭН, 2010.

Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. 2004. №4.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993.

Элиты и общество в сравнительном измерении6 сб. ст./ под ред. О.В.Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2011.

ПЕРСОНАЛИИ

Адорно Теодор (1903-1969) – немецкий философ и социолог, представитель Франкфуртской школы. Изучал проблемы политической психологии и политического лидерства. *Наиболее известная работа* – «Исследование авторитарной личности» (1950).

Алмонд Габриэл (р. в 1911 г.) – американский политолог, специалист в области теории политики и сравнительной политологии. Один из инициаторов бихевиористской (поведенческой) революции в политической науке - процесса, связанного с проникновением в политические исследования проблематики и методологии бихевиоризма (от англ. behavior – поведение). *Основные работы:* «Сравнительная политология: концепция развития» (1966). Работа Г.Алмонда и С.Вербы «Гражданская культура» (1963) – одно из первых фундаментальных исследований проблем политической культуры.

Арендт Ханна (1906-1975) – немецко-американский политический философ, исследовавший феномены тоталитаризма, разрушения свободы, революции. *Наиболее известная работа* – «Истоки тоталитаризма».

Арон Раймон (1905-1983) – французский социальный философ и политолог. Исследовал проблемы индустриального общества, демократии, тоталитаризма, международных отношений. *Основные работы:* «Развитие индустриального общества и социальная стратификация» (1956), «Демократия и тоталитаризм» (1965), «Мир и война между нациями» (1968).

Белл Дэниел (1919 - 2011) – американский философ и социолог, представитель сциентистско-технократического направления в социальной философии, один из создателей теории постиндустриального общества. *Основные работы:* «Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования» (1973, обновленное издание 1999),

«Культурные противоречия капитализма» (1976, 1979, обновленное издание 1996).

Бентли Артур (1870 - 1957) – американский политический теоретик. Оказал существенное влияние на развитие социальных наук в США, в первую очередь разработкой бихевионистской методологии. Внес значительный вклад в изучение деятельности групп в политике. Автор работы «Процесс управления: исследование социальных давлений» (1908, обновленное переиздание 1949).

Бжезинский Збигнев (р.1928) – специалист в области «советологии» и международных отношений. Один из создателей (совместно с К.Фридрихом) теории тоталитаризма. Основные работы последних лет: «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» (1997), «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» (2004), «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы» (2007), «Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис» (2012). Обосновывает идею американского лидерства в формирующемся мировом порядке.

Бьюкенен Патрик Джозеф (р.1938) – американский политик и публицист. Наиболее известные книги – «Смерть Запада» (2002), «На краю гибели» (2008), «Самоубийство сверхдержавы. Доживёт ли Америка до 2025 г.» (2011).

Валлерстайн Иммануил (р.1930) – американский социолог и политолог неомарксистского направления. Создатель мир-системного анализа. *Основные работы:* «Современная мир-система». В 3-х т. (1989), «После либерализма» (1995). «Конец знакомого мира: Социология в XXI в.» (2003),

Вебер Макс (1864-1920) – немецкий социолог и политолог, создатель теории легитимного господства и «рациональной» бюрократии. *Основные работы:* «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), «Политика как призвание и профессия» (1919), «Хозяйство и общество» (1921).

Верба Сидней (р.1932) – американский политолог, внесший значительный вклад в разработку проблематики сравнительной политологии и исследование массового политического поведения. Автор многих книг, в том числе «Малые группы и политическое поведение: изучение лидерства» (1961), «Гражданская культура: политические ориентации и демократия в пяти странах» (1963; соавт. Г. Алмонд).

Даль Роберт (1915 - 2014) – американский политолог, специалист в области теории демократии и сравнительной политологии. *Основные работы:* «Полиархия. Участие и оппозиция» (1971), «Дилеммы плюралистической демократии» (1982), «Демократия, свобода и равенство» (1986).

Дарендорф Ральф (р.1929) – немецкий социолог и политолог. Широкую известность получили его исследования в области конфликтологии. *Основные работы:* «Классы и классовый конфликт в индустриальном обществе» (1959), «Демократия, свобода и равенство» (1986).

Дюверже Морис (р.1917) – французский политолог, социолог и правовед, один из создателей современной теории политических партий. Автор ряда работ, в том числе «Политические партии» (1951; выдержала во Франции 9 изданий, переведена на 20 языков).

Закария Фарид (р.1964) – известный американский аналитик, эксперт в области международных отношений, редактор еженедельника Newsweek International. Основные работы – «Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами» (2003), «Постамериканский мир» (2008).

Истон Дэвид (р.1917) – американский политолог, специалист в области теории политики, политических систем и проблем легитимности власти. Адаптировал принципы и методы системного анализа к изучению политической жизни. *Основные работы:* «Политическая система» (1953),

«Концептуальная структура для политического анализа» (1965), «Системный анализ политической жизни» (1965).

Каплан Мортон (1918-1993)- американский политолог, известный своими исследованиями системы международных отношений. Наиболее известное произведение – «Система и процесс в международной политике» (1957).

Кеохэйн Роберт (р.1941) – американский политолог, один из создателей теории комплексной взаимозависимости, разработанной на основе неолиберальных принципов. *Основные работы:* «Транснационализм в мировой политике» (1971), «Мощь и взаимозависимость. Мировые политики в переходе» (1977).

Лассуэлл Гаролд (1902-1979) - американский политолог, психолог и правовед, разрабатывавший проблематику власти, властных отношений, политических коммуникаций. Внес значительный вклад в утверждение бихевиоризма в политической науке. *Основные работы:* «Анализ политического поведения» (1947), «Власть и личность» (1948). «Будущее политической науки»(1963).

Лейпхарт Аренд(р.1936) - американский политолог, специализирующийся на проблемах многосоставных обществ, форм демократического правления. электоральных систем и методологии сравнительных исследований. *Основные работы:* «Демократия в многосоставных обществах» (1977), «Демократия: типы мажоритарного и консенсусного правления в двадцати одной стране» (1984).

Липсет Сеймур (р.1922) – американский социолог и политолог, специалист в области политических движений и идеологий, проблем политической социализации. *Наиболее известное произведение* – «Политический человек» (1950).

Мангейм Карл (1893-1947) –британо-немецкий философ и социолог. Известен исследованиями в области политической идеологии. *Наиболее известное произведение* – «Идеология и утопия» (1929).

Мерриам Чарльз (1874-1953) – американский политолог, сторонник междисциплинарного подхода в политических исследованиях. Один из основателей Американской ассоциации политической науки. *Основные работы*: «Американская партийная система» (1922), «Политическая власть: ее структура и сфера действия» (1934), «Что такое демократия?» (1941).

Михельс Роберто (1876-1936) –немецкий социолог и политолог, один из создателей классической теории политической элиты и концепции «железного закона олигархии». Основатель наряду с Моисеем Яковлевичем Острогорским (1854-1919) социологии партии. *Наиболее известное произведение* – «Политические партии: социологическое исследование олигархических тенденций в современной демократии» (1911).

Моргентау Ганс (1904-1980) – американский политический теоретик, один из основателей школы «политического реализма» в международных отношениях. *Наиболее известная работа* – «Политика между нациями. Борьба за власть и мир» (1948).

Моска Гаэтано (1858-1941) – итальянский правовед, социолог и политолог, один из создателей классической теории политической элиты. *Наиболее известное произведение* – «Основы политической науки».

Най-мл. Джозеф С. (р.1937) – американский политолог, один из ведущих представителей неолиберального направления в теории международных отношений. *Наиболее известные работы* – «Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике» (2004), «Будущее власти» (2013).

Острогорский Моисей Яковлевич (1854-1919)- российский правовед и политолог, один из основоположников сравнительного метода в политической

науке, разрабатывал социологию политических партий. *Основные работы*: «Демократия и организация политических партий» (1902), «Демократия и партийная система в США» (1910).

Парето Вильфредо (1848-1923) – итальянский экономист и социолог, создатель теории циркуляции элит. *Наиболее известное произведение* – «Трактат по общей социологии» (1916).

Поппер Карл(1902-1994) – британо-австрийский философ, известный бескомпромиссной критикой тоталитаризма, создатель концепции открытого общества. Основная работа – «Открытое общество и его враги» (1945)

Пшеворский Адам (р.1940) – американский политолог польского происхождения. Область научных исследований – проблемы перехода от тоталитаризма и авторитаризма к демократии (демократические транзиты). *Основные работы*: «Капитализм и социал-демократия» (1985), «Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке» (1991).

Сартори Джованни (р.1924) – итало-американский политолог, специализирующийся в области теории демократии. Автор сравнительных исследований политических систем и политических институтов, прежде всего партий. *Основные работы*: «Демократия и ее определения» (1957), «Партии и партийные системы: схема анализа» (1976).

Уолтс Кеннет (р.1924) – американский политолог, один из родоначальников неореалистического направления в теории международных отношений. Основное произведение – «Теория международной политики» (1979).

Фридрих Карл (1901 – 1984) – американо-немецкий политолог, один из создателей теории тоталитаризма. Основная работа: «Тоталитарная диктатура и автократия» (1-е издание 1956 г.; соавт.З.Бжезинский).

Фукуяма Фрэнсис (р.1952) – американский политолог, эксперт по международным отношениям. Создатель концепции «конца истории». Основные работы : «Конец истории и последний человек» (1992), «Америка на перепутье. Демократия, мощь и неоконсервативное наследие»(2006).

Хаас Ричард (р.1951) – Президент Совета по международным отношениям (США). *Наиболее известное произведение* – «Внешняя политика начинается дома. Необходимо привести американский дом в порядок» (2013)

Хайек Фридрих фон (1899-1992) – австрийский экономист, проживший значительную часть жизни в Великобритании. Представитель классического европейского либерализма, труды которого способствовали оформлению современного неоконсерватизма и либертариизма . Сторонник свободной рыночной экономики, критик тоталитаризма. Основные работы – «Дорога к рабству» (1944), «Индивидуализм и экономический порядок» (1948), «Пагубная самонадеянность: заблуждения социализма» (1988).

Хантингтон Сэмюэль (1927 – 2008). Специалист в области сравнительной политологии и международных отношений. Создатель концепций «столкновения цивилизаций» и «третьей волны» глобальной демократизации. Автор ряда работ, в том числе: «Третья волна: демократизация в конце XX столетия» (1991), «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996); «Кто мы: вызовы национальной идентичности Америки» (2004).

Шмитт Карл (1888 – 1985) – немецкий политический мыслитель, государствовед и геополитик. Основные работы: «Понятие политического(1939) , «Земля и море» (1942), «Номос Земли» (1950).

Шумпетер Йозеф (1883 – 1950) – экономист и политический мыслитель, оказавший большое влияние на развитие современной теории демократии. Наиболее известная работа – «Капитализм, социализм и демократия» (1942).

Люблю книги
ljubljuknigi.ru

yes
I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов!
Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.ljubljuknigi.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.ljubljuknigi.ru

OmniScriptum Marketing DEU GmbH
Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken
Telefax: +49 681 93 81 567-9

info@omniscrptum.com
www.omniscrptum.com

OMNIScriptum

